

ЛЕКЦІИ
ПО
РУССКОЙ ИСТОРИИ

Профессора ПЛАТОНОВА.

Читанныя въ 1898—99 учебн. году на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ Военно-Юридической Академіи.

Выпускъ I-й.

Издали на правахъ рукописи слушатели Военно-Юридической Академіи

ПОРУЧИКИ

Блиновъ и фонъ-Заупахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Столичная Скоропечатня». Гороховая, 12.
1899.

ЛЕКЦІИ
ПО
РУССКОЙ ИСТОРИИ

Профессора ПЛАТОНОВА.

Читанныя въ 1898—99 учебн. году на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ Военно-Юридической Академіи.

Выпускъ I-й.

Издали на правахъ рукописи слушатели Военно-Юридической Академіи

ПОРУЧИКИ

Блиновъ и фонъ-Заунахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Столичная Скоропечатня». Гороховая, 12.
1899.

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 22 Декабря 1898 г.

Лекторъ С. Ѳ. Платоновъ, соглашаясь на воспроизведеніе своего курса типографскимъ способомъ, считаетъ при этомъ необходимымъ сдѣлать слѣдующія оговорки: 1) предлагаемый текстъ его лекцій составилъ постепенно изъ записей, сдѣланныхъ частію самимъ лекторомъ, частію его слушателями и слушательницами въ разное время и съ различною степенью подробности; 2) изложеніе курса не имѣетъ полной точности, цѣльности и законченности, качества, какихъ можно было бы требовать отъ печатнаго курса; 3) лекторъ не имѣлъ времени редактировать всѣ части курса для настоящаго ихъ изданія съ одинаковымъ вниманіемъ и тщательностью

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Изложение конспективное).

Введение.

Наши занятія Русской исторіей умѣстно будетъ начать опредѣленіемъ того, что именно слѣдуетъ понимать подъ словами историческое значеніе, историческая наука. Уяснивъ себѣ, какъ понимается исторія вообще, мы поймемъ, что намъ слѣдуетъ понимать подъ исторіей одного народа и сознательно приступимъ къ изученію нашей Русской исторіи.

Исторія существовала въ глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство съ античными историками, Геродотомъ и Фукидидомъ, напримѣръ, покажетъ вамъ, что Греки были по своему правы, относя исторію къ области искусствъ. Подъ исторіей они понимали художественный рассказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ. Задача историка состояла у нихъ въ томъ, чтобы передать слушателямъ и читателямъ вмѣстѣ съ эстетическимъ наслажденіемъ и рядъ нравственныхъ назиданій. Тѣ же цѣли преслѣдовало и искусство.

При такомъ взглядѣ на исторію, какъ на *художественный рассказъ о достопамятныхъ событіяхъ*, древніе историки держались и соответствующихъ приемовъ изложенія. Въ своемъ повѣствованіи они стремились къ правдѣ и точности, но строгой объективной мѣрки истины у нихъ не существовало. У глубоко правдиваго Геродота однако много басень (напр., о Египтѣ, о Скиеахъ): въ однѣ онъ вѣритъ, потому что не знаетъ предѣловъ естественнаго, другія же, и не вѣря въ нихъ, заноситъ въ свой рассказъ, ибо онѣ прельщаютъ его своимъ художественнымъ интересомъ. Мало этого, античный историкъ, вѣрный своимъ художественнымъ задачамъ, считалъ возможнымъ украшать повѣствованіе сознательнымъ вымысломъ. Фукидидъ, въ правдивости котораго мы не сомнѣваемся, влагаетъ въ уста своихъ героевъ рѣчи, сочиненныя имъ самимъ; но онъ считаетъ себя правымъ въ силу того, что вѣрно передаетъ въ измышленной формѣ дѣйствительныя намѣренія и мысли историческихъ лицъ.

Такимъ образомъ, стремленіе къ точности и правдѣ въ исторіи было до нѣкоторой степени ограничиваемо стремленіемъ къ художественности и занимательности, не говоря уже о другихъ условіяхъ, мѣшавшихъ историкамъ съ успѣхомъ различать истину отъ басни. Не

смотря на это, стремление къ точному знанію уже въ древности требуетъ отъ историка *прагматизма*. Уже у Геродота мы наблюдаемъ проявленія этого прагматизма, т. е. желаніе связывать факты причинною связью, не только рассказывать ихъ, но и объяснять изъ прошлаго ихъ происхожденіе.

Итакъ, на первыхъ порахъ исторія опредѣляется, какъ *художественно-прагматическій рассказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ*.

Во временахъ глубокой древности восходятъ и такіе взгляды на исторію, которые требовали отъ нея, помимо художественныхъ впечатлѣній и практической приложимости. Еще древніе говорили, что *исторія есть наставница жизни* (*magistra vitae*). Отъ историковъ ждали такого изложенія прошлой жизни человѣчества, которое бы объясняло событія настоящаго и задачи будущаго, служило бы практическимъ руководствомъ для общественныхъ дѣятелей и нравственной школой для прочихъ людей. Такой взглядъ на исторію во всей силѣ держался въ средніе вѣка, дожилъ и до нашихъ временъ; онъ, съ одной стороны, прямо сближалъ исторію съ моральной философіей, съ другой, обращалъ исторію въ «скрижаль откровеній и правилъ» практическаго характера. Одинъ писатель XVII вѣка (De-Rocoles) говорилъ, что «исторія исполняетъ обязанности, свойственныя моральной философіи и даже въ извѣстномъ отношеніи можетъ быть ей предпочтена, такъ какъ, давая тѣ же правила, она присоединяетъ къ нимъ еще и примѣры». На первой страницѣ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина найдете выраженіе той мысли, что исторію необходимо знать для того, «чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастье».

Съ развитіемъ западно-европейской философской мысли стали слагаться новыя опредѣленія исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смыслъ жизни человѣчества, мыслители обращались къ изученію исторіи или съ цѣлью найти въ ней рѣшеніе своей задачи, или же съ цѣлью подтвердить историческими данными свои отвѣченные построенія. Сообразно съ различными философскими системами, такъ или иначе опредѣлялись цѣли и смыслъ самой исторіи. Вотъ нѣкоторые изъ подобныхъ опредѣленій: Боссюэтъ (въ XVII в.) и Лоранъ (въ наше уже время) понимали исторію, какъ изображеніе тѣхъ мировыхъ событій, въ которыхъ съ особенною яркостью выражались пути Провидѣнія, руководящаго человѣческою жизнью въ своихъ цѣляхъ. Итальянецъ Вико (1726) задачею исторіи, какъ науки, считалъ изображеніе тѣхъ одинаковыхъ состояній, которыя суждено переживать всѣмъ народамъ. Извѣстный Гегель въ исторіи видѣлъ изображеніе того процесса, которымъ «абсолютный духъ» достигалъ своего самопознанія (Гегель всю мировую жизнь объяснял, какъ развитіе этого «абсолютнаго духа»). Не будетъ ошибкою сказать, что всѣ эти философы требуютъ отъ исторіи въ сущности одного и того же: исторія должна быть изображеніемъ не всѣхъ фактовъ прошлой жизни человѣчества, а изображеніемъ основныхъ фактовъ, обнаруживающихъ ея общій смыслъ.

Въ этомъ требованіи, безъ сомнѣнія, заключался большой шагъ впередъ. Оно не удовлетворялось простымъ рассказомъ о быломъ вообще, или же случайнымъ наборомъ фактовъ различнаго времени и мѣста для доказательства назидательной мысли. Необходимо теперь объединять изложеніе руководящей идеей, систематизировать историческій матеріалъ. Однако, философскую исторію справедливо упрекають въ томъ, что она руководящія идеи историческаго изложенія брала внѣ исторіи и систематизировала факты произвольно. Отъ этого исторія не становилась самостоятельной наукой, а обращалась въ прислужницу философіи.

Наукою исторія стала только въ началѣ нашего вѣка, когда въ Германіи, въ противовѣсъ французскому рационализму развился идеализмъ, въ противовѣсъ французскому космополитизму, появились идеи націонализма, дѣятельно изучалась національная старина и стало господствовать убѣжденіе, что жизнь человѣческихъ обществъ совершается закономѣрно, въ такомъ порядкѣ естественной послѣдовательности, который не можетъ быть нарушенъ и измѣненъ ни случайностями, ни усиліями отдѣльныхъ лицъ. Съ этой точки зрѣнія главный интересъ въ исторіи стало представлять изученіе не случайныхъ внѣшнихъ явленій и не личной дѣятельности выдающихся личностей, а изученіе общественнаго быта на разныхъ ступеняхъ его развитія. Исторія стала пониматься какъ *наука о законахъ исторической жизни человѣческихъ обществъ*.

Это опредѣленіе разнo высказывалось разными историками и мыслителями. Знаменитый *Гизо*, напримѣръ, понималъ исторію, какъ ученіе о мировой и національной цивилизаціи (понимая цивилизацію въ смыслѣ развитія гражданскаго общежитія). Философъ *Шеллингъ*, развивая мысль, что каждый народъ въ своей исторической жизни раскрываетъ какую-либо абсолютную идею, давалъ основаніе для того, чтобы въ національной исторіи видѣть средство познать національную идею, «национальный духъ». Отсюда выросло распространенное опредѣленіе исторіи, какъ *пути къ народному самознанію*. Явились далѣе попытки понимать исторію какъ науку, долженствующую раскрыть общіе законы развитія общественной жизни внѣ приложенія ихъ къ извѣстному мѣсту, времени и народу. Но эти попытки въ сущности присвоивали исторіи задачи другой науки—*соціологіи*. Исторія есть наука, изучающая конкретные факты въ условіяхъ именно времени и мѣста и главной цѣлью ея признается систематическое изображеніе развитія и измѣненій жизни отдѣльныхъ историческихъ обществъ и всего человѣчества.

Такая задача требуетъ многого для успѣшнаго выполненія. Для того, чтобы дать научно-точную и художественно-цѣльную картину какой либо эпохи народной жизни или полной исторіи народа, необходимо: 1) собрать историческіе матеріалы, 2) изслѣдовать ихъ достоверность, 3) возстановить точно отдѣльные историческіе факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести ихъ въ общій научный обзоръ или въ художественную картину. Тѣ способы, которыми историки достигаютъ указанныхъ частныхъ цѣлей, называются

научными критическими приемами. Приемы эти совершенствуются съ развитіемъ исторической науки, но до сихъ поръ ни эти приемы, ни самая наука исторіи не достигли полнаго своего развитія. Историки не собрали и не изучили еще всего матеріала, подлежащаго ихъ вѣдѣнію и это даетъ поводъ говорить, что исторія есть наука, не достигшая еще тѣхъ результатовъ, какихъ достигли другія, болѣе точныя науки. И однако, никто не отрицаетъ, что исторія есть наука съ широкимъ будущимъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ къ изученію фактовъ всемірной исторіи стали подходить съ тѣмъ сознаниемъ, что жизнь человѣческая развивается закономерно, подчинена вѣчнымъ и неизмѣннымъ отношеніямъ и правиламъ,—съ тѣхъ поръ идеаломъ историка стало раскрытіе этихъ постоянныхъ законовъ и отношеній. За простымъ анализомъ историческихъ явленій, имѣвшимъ цѣлью указать ихъ причинную послѣдовательность, открылось болѣе широкое поле—историческій синтезъ, имѣющій цѣлью возсоздать общій ходъ всемірной исторіи въ ея цѣломъ, указать въ ея теченіи такіе законы послѣдовательности развитія, которые были бы оправданы не только прошлымъ, но и будущимъ человѣчества.

Этимъ широкимъ идеаломъ не можетъ непосредственно руководиться *русскій* историкъ. Онъ изучаетъ только одинъ фактъ міровой исторической жизни—жизнь своей національности. Состояніе русской исторіографіи до сихъ поръ таково, что иногда налагаетъ на русскаго историка обязанность просто собирать факты и давать имъ первоначальную научную обработку. И только тамъ, гдѣ факты уже собраны и освѣщены, мы можемъ возвыситься до нѣкоторыхъ историческихъ обобщеній, можемъ подмѣтить общій ходъ того или другого историческаго процесса, можемъ даже на основаніи ряда частныхъ обобщеній сдѣлать смѣлую попытку: дать схематическое изображеніе той послѣдовательности, въ какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далѣе такой общей схемы русскій историкъ идти не можетъ, не выходя изъ границъ своей науки. Для того, чтобы понять сущность и значеніе того или другого историческаго факта въ исторіи Руси, онъ можетъ искать аналогіи въ исторіи всеобщей. Добытыми результатами онъ можетъ служить историкѣ всеобщему, положить и свой камень въ основаніе общенсторическаго синтеза. Но этимъ и ограничивается его связь съ исторіей и вліяніе на нее. Конечною цѣлью русской исторіографіи всегда останется построеніе системы мѣстнаго историческаго процесса.

Построеніемъ этой системы разрѣшается и другая, болѣе практическая задача, лежащая на русскомъ историкѣ. Извѣстно старинное убѣжденіе, что національная исторія есть путь къ національному самосознанію. Дѣйствительно, знаніе прошлаго помогаетъ понять настоящее и объясняетъ задачи будущаго. Народъ, знакомый со своею исторією, живетъ сознательно, чутокъ къ окружающей его дѣйствительности и умѣетъ понимать ее. Задача,—въ данномъ случаѣ можно

выразиться, — долгъ, — національной исторіографіи заключается въ томъ, чтобы показать обществу его прошлое въ истинномъ свѣтѣ. При этомъ нѣтъ нужды вносить въ исторіографію какія бы то ни было предвзятія точки зрѣнія: субъективная идея не есть идея научная, а только научный трудъ можетъ быть полезенъ общественному самосознанію. Оставаясь въ сферѣ строго-научной, выдѣляя тѣ господствующія начала общественнаго быта, которыя характеризовали собою различные стadiи русской исторической жизни, изслѣдователь раскроетъ обществу главнѣйшіе моменты его историческаго бытія и этимъ достигнетъ своей цѣли. Онъ дастъ обществу разумное знаніе, а приложеніе этого знанія зависитъ уже не отъ него.

Такъ и отвлеченныя соображенія и практическія цѣли ставятъ русской исторической наукѣ одинаковую задачу—систематическое изображеніе русской исторической жизни, общую схему того историческаго процесса, который привелъ нашу національность къ ея настоящему состоянію.

Исторіографическія замѣчанія.

Когда же началось систематическое изображеніе событій русской исторической жизни и когда русская исторія стала наукой? Еще въ Кіевской Руси, на ряду съ возникновеніемъ гражданственности, въ XI вѣкѣ, появились у насъ первыя лѣтописи. Это были перечни фактовъ, важныхъ и неважныхъ, историческихъ и неисторическихъ, въ перемежку съ литературными сказаніями. Съ нашей точки зрѣнія древнѣйшія лѣтописи и не представляютъ собою историческаго труда; не говоря о содержаніи—и самые приемы лѣтописца не соответствуютъ теперешнимъ требованіямъ. Зачатки исторіографіи у насъ появляются въ XVI вѣкѣ, когда историческія сказанія и лѣтописи стали впервые свѣрять и сводить въ одно цѣлое. Въ XVI вѣкѣ сложилась и оформилась московская Русь. Сплотившись въ единое тѣло, подъ властью единаго московскаго князя, рускіе старались объяснить себѣ и свое происхожденіе, и свои политическія цѣли, и свои отношенія къ окружающимъ ихъ государствамъ. И вотъ, въ 1512 году составляется первый *хронографъ*, т. е. обзорнiе всемірной исторіи. Большая часть его заключала въ себѣ переводы съ греческаго языка, и только, какъ дополненія, внесены русскія и славянскія историческія сказанія. Хронографъ этотъ кратокъ, но даетъ достаточный запасъ историческихъ свѣдѣній, за нимъ появляются и вполнѣ русскіе хронографы, представляющіе собою переработку перваго. Вмѣстѣ съ ними возникаютъ въ XVI вѣкѣ лѣтописные своды, составленные по древнимъ лѣтописямъ, но представляющіе не сборники механически сопоставленныхъ фактовъ, а произведенія, связанныя одной общей идеей. Первымъ такимъ произведеніемъ была «*Степенная книга*», получившая такое названіе потому, что она раздѣлялась на главы или на «степени» какъ ихъ тогда называли. Она передавала въ хронологическомъ, послѣдовательномъ, т. е. «постепенномъ» порядкѣ дѣятельность русскихъ митрополитовъ и князей, начиная съ Рюрика. Авторомъ этой книги считаютъ митрополита Кипріяна, но окончательно она была обработана митр.

Макариемъ при Иванѣ Грозномъ, т. е. въ XVI вѣкѣ. Въ основаніи Степенной книги лежитъ тенденція, и общая, и частная. Общая проглядывается въ желаніи показать, что власть московскихъ князей есть не случайная, а преемственная, съ одной стороны, отъ южно-русскихъ, кievскихъ князей, съ другой стороны, отъ византийскихъ царей. Частная же тенденція сказалась въ томъ уваженіи, съ какимъ неизмѣнно повѣствуется о духовной власти. «Степенная книга» можетъ быть названа историческимъ трудомъ въ силу извѣстной системы изложенія. Въ XVII вѣкѣ, былъ составленъ другой историческій трудъ, такъ назыв. «*Воскресенская летопись*», болѣе интересный по обилію матеріала. Въ основаніи его лежали всѣ прежнія летописи: «Софійскій временникъ» и иныя, такъ что фактовъ въ этой летописи дѣйствительно много, но сѣрбилены они чисто механически. Тѣмъ не менѣе, «Воскресенская летопись» представляется намъ самымъ цѣннымъ историческимъ произведеніемъ изъ всѣхъ, ей современныхъ или болѣе раннихъ, такъ какъ она составлена безъ всякой тенденціи и заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, которыхъ нигдѣ болѣе не находимъ. Своєю простотою она могла не нравиться, безыскусственность изложенія могла казаться убогою знатокамъ риторическихъ приемовъ, и вотъ ее подвергли переработкѣ и дополненіямъ и составили, какъ кажется, въ XVI же вѣкѣ новый сводъ, называемый «*Никоновской летописью*». Въ этомъ сводѣ мы видимъ много свѣдѣній, заимствованныхъ изъ греческихъ хронографовъ, по исторіи греческихъ и славянскихъ странъ. Въ Никоновой летописи заключалась цѣлая Энциклопедія свѣдѣній, самая подробная летопись особенно о вѣкахъ позднѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, летопись и не совсемъ надежная: точность изложенія пострадала отъ литературной переработки; поправляя безхитростный слогъ прежнихъ летописей, невольно исказали и смыслъ нѣкоторыхъ событій. Въ 1674 году появился въ Кіевѣ и первый учебникъ русской исторіи— «*Синопсисъ*» *Иннокентія Гизелла*, очень распространенный въ эпоху Петра Великаго (онъ часто встрѣчается и теперь). Если рядомъ со всѣми этими переработками летописей помянемъ рядъ литературно написанныхъ сказаній объ отдѣльныхъ историческихъ фактахъ и эпохахъ (напр., Сказаніе кн. Курбскаго, повѣсти о Смутномъ времени; со всѣмъ этимъ встрѣтимся ниже), то мы обнимемъ весь тотъ скудный запасъ историческихъ трудовъ, съ которыми Русь дожила до эпохи Петра Великаго, до учрежденія Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Петръ В. очень заботился о составленіи исторіи Россіи и поручалъ это дѣло различнымъ лицамъ. Но только послѣ его смерти началась ученая разработка историческаго матеріала и первыми дѣятелями на этомъ поприщѣ явились ученые нѣмцы, члены петербургской Академіи; изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать *Готлиба Сифрида Байера* (1694—1738). Онъ началъ съ изученія племенъ, населявшихъ Россію въ древности, особенно варяговъ, но далѣе этого не пошелъ. Байеръ оставилъ послѣ себя много трудовъ, изъ которыхъ два довольно капитальныхъ произведенія написаны на латинскомъ языкѣ, и теперь уже не имѣютъ большого значенія для исторіи Россіи, это: «*Сѣверная Географія*» и «*Исслѣдованія о Варягахъ*» (ихъ перевели по-русски только въ 1767 г.).

Гораздо плодотворнѣе были труды *Герарда Фридриха Миллера*, жившаго въ Россіи при императрицахъ Аннѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ II, и уже настолько владѣвшимъ русскимъ языкомъ, что писалъ свои произведенія по-русски. Онъ много путешествовалъ по Россіи (прожилъ 10 лѣтъ съ 1733—1743 г. въ Сибири) и хорошо изучилъ ее. На литературномъ историческомъ поприщѣ онъ выступилъ какъ издатель русскаго журнала «*Ежемесячная Сочиненія*» (1755—1765) и сборника на нѣмецкомъ языкѣ «*Sammlung Russischer Geschichte*» (9 т. 1732—1765). Главною заслугою Миллера было собраніе матеріаловъ по русской исторіи; его рукописи (такъ наз. Миллеровскіе портфели) служили и служатъ богатымъ источникомъ для издателей и изслѣдователей. И изслѣдованія Миллера имѣли значеніе; онъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, заинтересовавшихся позднѣйшими эпохами нашей исторіи, имъ посвящены его труды: «Опытъ новѣйшей исторіи Россіи», и «Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ». Наконецъ, онъ былъ первымъ ученымъ архиваріусомъ въ Россіи и привелъ въ порядокъ московскій архивъ Иностранной коллегии, директоромъ котораго и умеръ (1783 г.). Среди академиковъ XVIII в. видное мѣсто трудами по русской исторіи занялъ и *Ломоносовъ*, написавшій учебную книгу русской исторіи и одинъ томъ «Древней Русской исторіи» (1766). Его труды по исторіи были обусловлены полемикой съ академиками-нѣмцами. Послѣдніе вели Русь-Варяговъ отъ норманновъ и норманскому вліянію приписывали происхожденіе гражданственности на Руси, которую до пришествія варяговъ представляли странюю дикою. Ломоносовъ же варяговъ признавалъ за славянъ и, такимъ образомъ, русскую культуру считалъ самобытною.

Названные академики, собирая матеріалы и изслѣдуя отдѣльные вопросы нашей исторіи, не успѣли дать общаго обзора Русской исторіи, необходимость котораго чувствовалась русскими образованными людьми. Попытки дать такой обзоръ появились внѣ академической среды.

Первая принадлежит *В. Н. Татищеву* (1686—1750). Занимаясь собственно вопросами географическими, онъ увидѣлъ, что разрѣшить ихъ невозможно безъ знанія исторіи и, будучи человекомъ всесторонне образованнымъ, сталъ самъ собирать свѣдѣнія по русской исторіи и занялся составленіемъ ея. Въ теченіе многихъ лѣтъ писалъ онъ свой историческій трудъ, переработалъ его не одинъ разъ, но только въ 1768 г. началось его изданіе. Въ теченіе 6-ти лѣтъ вышло 4 тома, 5-ый же томъ былъ случайно найденъ уже въ нашемъ вѣкѣ и изданъ «Московскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ». Въ этихъ 5-ти томахъ Татищевъ довелъ свою исторію до смутной эпохи XVII вѣка. Въ первомъ томѣ мы знакомимся со взглядами самого автора на русскую исторію и съ источниками, которыми онъ пользовался при ея составленіи; мы находимъ дѣльный рядъ научныхъ эскизовъ о древнихъ народахъ — варягахъ, славянахъ и др. Татищевъ нерѣдко прибѣгалъ къ чужимъ трудамъ, такъ напр. онъ воспользовался изслѣдованіемъ «о Варягахъ» Байера и прямо включилъ его въ свой трудъ. Исторія эта теперь конечно устарѣла, но научнаго значенія она не потеряла, такъ какъ (въ XVIII вѣкѣ) Татищевъ обладалъ такими источни-

ками, которыхъ теперь нѣтъ, и слѣдовательно многіе изъ фактовъ, имъ приведенныхъ, уже возстановить нельзя. Это дало поводъ заподозрѣть существованіе нѣкоторыхъ источниковъ, на которые онъ ссылался, и обвинить Татищева въ недобросовѣстности. Особенно не довѣряли приводимый имъ «*Иоакимовской Лѣтописи*». Однако, изслѣдованіе этой лѣтописи показало только, что Татищевъ не сумѣлъ отнестись къ ней критически и включилъ ее цѣликомъ, со всѣми ея баснями, въ свою исторію. Строго говоря, трудъ Татищева есть ничто иное, какъ подробный сборникъ лѣтописныхъ данныхъ, изложенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; тяжелый его языкъ и отсутствіе литературной обработки дѣлали его неинтереснымъ для современниковъ. Попытка популярнаго изложенія русской исторіи впервые принадлежала *Екатеринѣ II*, но трудъ ея «*Записки касательно Русской исторіи*», доведенный до конца XIII вѣка, научнаго значенія не имѣетъ и интересенъ только, какъ первая попытка рассказать обществу легкимъ языкомъ его прошлое. Гораздо важнѣе въ научномъ отношеніи была «*Исторія Россіи князя Щербатова*, (1770—1792), которою впоследствии пользовался и Карамзинъ. Щербатовъ былъ челоѣкомъ не сильнаго философскаго ума, но начитавшимся просвѣтительной литературы XVIII в. и всецѣло сложившимся подъ ея вліяніемъ. Это повліяло на его трудъ, въ который онъ внесъ много предвзятыхъ мыслей. Въ историческихъ свѣдѣніяхъ онъ до такой степени не успѣвалъ разбираться, что заставлялъ иногда своихъ героев по 2 раза умирать. Но, несмотря на такіе крупныя недостатки, Исторія Щербатова имѣетъ научное значеніе, благодаря многимъ приложениямъ, заключающимъ въ себѣ историческіе документы. Особенно интересны дипломатическія бумаги XVI и XVII вѣковъ. Доведенъ его трудъ до смутной эпохи. Случилось, что при *Екатеринѣ II*, нѣкто французъ *Леклеркъ*, совершенно не знавшій ни русскаго государственнаго строя, ни народа, ни его быта, написалъ «*L'histoire de la Russie* (67 г.), при чемъ въ ней было такъ много клеветъ, что она возбудила всеобщее негодованіе. *И. Н. Болтинъ* (1735—1792) любитель русской исторіи, написалъ рядъ замѣтокъ, въ которыхъ обнаружилъ невѣжество Леклерка и которыя издалъ въ 2 томахъ. Въ нихъ онъ отчасти задѣлъ и Щербатова. Щербатовъ обидѣлся и написалъ — Возраженіе, Болтинъ отвѣчалъ печатными письмами и приступилъ къ критикѣ на «*Исторію*» Щербатова. Труды Болтина, обнаруживающіе въ немъ историческій талантъ, интересны по новизнѣ взглядовъ. Болтина не совсѣмъ точно зовутъ иногда «*первымъ славянофиломъ*», потому что онъ отмѣчалъ много темныхъ сторонъ въ слѣпомъ подражаніи западу, подражаніи, которое замѣтно стало у насъ послѣ Петра, и желалъ, чтобы Россія крѣпче хранила добрыя начала прошлаго вѣка. Самъ Болтинъ интересенъ, какъ историческое явленіе. Онъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ XVIII в. въ обществѣ даже у не спеціалистовъ по исторіи, былъ живой интересъ къ прошлому своей родины. Взгляды и интересы Болтина раздѣлялъ *Н. И. Новиковъ*, извѣстный ревнитель русскаго просвѣщенія, собравшій «*Древнюю Россійскую Внелюбевку*» (20 томовъ), обширный сборникъ историческихъ документовъ и изслѣдованій, изданный въ 1788—1791 гг.

Одновременно съ нимъ, какъ собиратель историческихъ матеріаловъ, выступилъ купецъ *Голтзовъ*, издавшій сборникъ историческихъ данныхъ о Петрѣ Великомъ подъ названіемъ «*Дѣянія Петра В.*» (1-ое изд. 1788—1790, 2-ое 1837 г.) Такимъ образомъ, рядомъ съ попытками дать общую Исторію Россіи, зараждается и стремленіе подготовить матеріалы для такой исторіи. Помимо инициативы частной, въ этомъ направленіи работаетъ и сама Академія Наукъ, издавая лѣтописи для общаго съ ними ознакомленія.

Но во всемъ томъ, что нами перечислено, еще было мало научности въ нашемъ смыслѣ; не существовало строгихъ критическихъ пріемовъ, не говоря уже объ отсутствіи цѣльныхъ историческихъ представленій.

Впервые рядъ научно-критическихъ пріемовъ въ изученіи русской исторіи внесъ ученый иностранецъ *Шлецеръ* (1735—1809) въ Россіи съ 1751—62. Познакомившись съ русскими лѣтописями, онъ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ—ни у одного народа не встрѣчалъ онъ такого богатства свѣдѣній, такого поэтическаго языка. Уже выѣхавъ изъ Россіи и будучи профессоромъ Геттингенскаго университета, онъ неустанно работалъ надъ тѣми выписками изъ лѣтописей, которыя ему удалось вывезти изъ Россіи.

Результатомъ этого ученія былъ знаменитый трудъ, напечатанный подъ заглавіемъ «*Весторъ*» (1805 г. по-нѣмецки, 1809—1819 по-русски). Это цѣлый рядъ историческихъ этюдовъ о русской лѣтописи. Въ предисловіи авторъ даетъ краткій обзоръ того, что сдѣлано по русской исторіи. Онъ находитъ положеніе науки въ Россіи—печальнымъ, къ историкамъ русскимъ относится съ пренебреженіемъ, считаетъ свою книгу почти единственнѣйшимъ годнымъ трудомъ по русской исторіи. И дѣйствительно, трудъ его далеко оставлялъ за собою всѣ прочіе, по степени научнаго сознанія и пріемовъ автора. Эти пріемы создали у насъ какъ бы школу учениковъ Шлецера, первыхъ ученыхъ изслѣдователей, вродѣ М. П. Погодина. Послѣ Шлецера стали возможны у насъ строгія историческія изысканія, для которыхъ, правда, создавались благопріятныя условія и въ другой средѣ, во главѣ которой стоялъ *Миллеръ*. Среди собранныхъ имъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи людей, особенно выдались Штриттеръ, Малиновскій, Бантышъ-Каменскій. Они создали первую школу ученыхъ архиваріусовъ, которыми Архивъ былъ приведенъ въ полный порядокъ и которые, кромѣ внѣшней группировки архивнаго матеріала, производили рядъ серьезныхъ ученыхъ изысканій на основаніи этого матеріала. Такъ, мало-по-малу, созрѣвали условія, создававшія у насъ возможность серьезной исторіи. Въ началѣ XIX вѣка создался, наконецъ, и первый цѣльный взглядъ на русское историческое прошлое—въ извѣстной «Исторіи Государства Россійскаго» *Е. М. Карамзина*. Обладая цѣльнымъ мировоззрѣніемъ, литературнымъ талантомъ и пріемами хорошаго ученаго критика, Карамзинъ во всей русской исторической жизни видѣлъ одинъ главнѣйшій процессъ—созданіе національнаго—государственнаго могущества.

Къ этому могуществу привелъ Русь рядъ талантливыхъ дѣятелей,

изъ которыхъ два главныхъ: Иванъ III и Петръ Великій, своею дѣятельностью ознаменовали переходные моменты въ нашей исторіи и стали на рубежахъ основныхъ ея эпохъ: древней (до Ивана III), средней (до Петра Великаго), и новой (до начала XIX в.). Свою систему русской исторіи Карамзинъ изложилъ увлекательнымъ для своего времени языкомъ, а свой разсказъ онъ основалъ на многочисленныхъ изысканіяхъ, которыя и до нашего времени сохраняютъ за его Исторіей важное ученое значеніе.

Но односторонность основнаго взгляда Карамзина, ограничивавшая задачу историка изображеніемъ только судьбъ государства, а не общества съ его культурой, юридическими и экономическими отношеніями, была вскорѣ замѣчена уже современниками Карамзина. Журналистъ 30-хъ годовъ, *Н. А. Полевой*, упрекалъ его за то, что онъ, назвавъ свое произведеніе «Исторіей государства Россійскаго», оставилъ безъ вниманія «исторію Русскаго народа». Именно этими словами Полевой озаглавилъ свой трудъ, въ которомъ думалъ изобразить судьбу русскаго общества. На смѣну системы Карамзина онъ ставилъ свою систему, но не совсѣмъ удачную, такъ какъ былъ дилеттантъ въ сферѣ историческаго вѣдѣнія. Увлекаясь историческими трудами на западѣ, онъ пробовалъ чисто механически прикладывать ихъ выводы и термины къ русскимъ фактамъ; такъ напримѣръ, отыскалъ феодальную систему въ древней Руси. Отсюда понятна слабость его попытки, понятно, что трудъ Полевого не могъ смѣстить труда Карамзина: въ немъ вовсе не было цѣльной системы.

Менѣе рѣзко и съ большею осторожностью выступилъ противъ Карамзина петербургскій профессоръ *Устряловъ*, въ 1836 году, написавшій «*Разсужденіе о системѣ прагматической русской исторіи*». Онъ требовалъ, чтобы исторія была картиной постепеннаго развитія общественной жизни, изображеніемъ переходовъ гражданственности изъ одного состоянія въ другое. Но и онъ еще вѣрить въ могущество личности въ исторіи и, на ряду съ изображеніемъ народной жизни, требуетъ и біографій ея героевъ. Самъ Устряловъ, однако, отказался дать опредѣленную общую точку зрѣнія на нашу исторію и замѣчалъ, что для этого еще не наступило время. Такимъ образомъ, недовольство трудомъ Карамзина, сказавшееся и въ ученомъ мѣрѣ и въ обществѣ, не исправило Карамзинской системы и не замѣнило ее другою. Надъ явленіями русской исторіи, какъ ихъ связующее начало, оставалась художественная картина Карамзина и не создалось научной системы. Устряловъ былъ правъ, говоря, что для такой системы еще не наступило время. Лучшіе профессора русской исторіи, начавшіе въ эпоху, близкую къ Карамзину, *Погодинъ* и *Каченовскій* еще были далеки отъ одной общей точки зрѣнія; послѣдняя сложилась лишь тогда, когда русской исторіей стали дѣятельно интересоваться образованные кружки нашего общества. Погодинъ и Каченовскій воспитывались на ученыхъ пріемахъ Шлецера и подъ его влияніемъ, которое особенно сильно сказывалось на Погодинѣ. Погодинъ во многомъ продолжалъ изслѣдованія Шлецера и, изучая древнѣйшіе періоды нашей исторіи, не шель далѣе частныхъ выводовъ и мелкихъ обобщеній, которыми, однако, умѣлъ

увлекать своих слушателей, не привыкших къ строго - научному и самостоятельному изложенію предмета. Каченовскій за русскую исторію принялся тогда, когда приобрѣлъ уже много знаній и опыта въ занятіяхъ другими отраслями историческаго вѣдѣнія. Слѣдя за развитіемъ классической исторіи на Западѣ, которую въ то время вывели на новый путь изысканія Нибура, Каченовскій увлекался тѣмъ отрицаніемъ, съ какимъ стали относиться къ древнѣйшимъ даннымъ по исторіи, напримѣръ Рима. Это отрицаніе Каченовскій перенесъ и на русскую исторію: всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ первымъ вѣкамъ русской исторіи, онъ считалъ недостоверными; достоверные же факты, по его мнѣнію, начинались лишь съ того времени, какъ появились у насъ письменные документы гражданской жизни. Скептицизмъ Каченовскаго имѣлъ послѣдователей: подъ его вліяніемъ основалась такъ называемая «*Скептическая школа*», не богатая выводами, но сильная новымъ, скептическимъ приѣмомъ отношенія къ научному матеріалу. Этой школѣ принадлежало нѣсколько статей, составленныхъ подъ руководствомъ Каченовскаго. При несомнѣнной талантливости Щодрина и Каченовскаго, оба они разрабатывали хотя и крупныя, но частныя вопросы русской исторіи; оба они сильны были критическими методами, но ни тотъ, ни другой не возвышались еще до цѣльнаго историческаго міровоззрѣнія: давая методъ, они не давали еще результатовъ, къ которымъ можно было придти съ помощью этого метода.

Въ 30-хъ только годахъ нашего столѣтія, въ русскомъ обществѣ сложилось цѣльное историческое міровоззрѣніе, но развилось оно не на научной, а на метафизической почвѣ. Въ первой половинѣ XIX-го вѣка русскіе образованные люди все съ большимъ и большимъ интересомъ обращались къ исторіи, какъ отечественной, такъ и западно-европейской. Участіе въ освободительныхъ войнахъ 1813—1814 гг., а заграничныя походы и жизнь познакомили нашу молодежь съ философіей и политической жизнью Западной Европы. Изучая жизнь и идеи Запада, они раздѣлились на двѣ группы,—одна породила политическое движеніе декабристовъ, другая увлекалась болѣе отвлеченной философіей, чѣмъ политикой. Не имѣя специальныхъ историческихъ знаній и научной подготовки, эта послѣдняя группа чаще размышляла надъ русской исторіей, нежели изучала ее. Въ толкованіе своего прошлаго эти русскіе люди вносили тѣ общія точки зрѣнія, которыя почерпнули въ знакомствѣ съ ходомъ западно-европейской мысли. Къ числу ихъ принадлежалъ и *Чаадаевъ*. Онъ написалъ «Философское письмо», напечатанное Надеждинымъ въ «Телескопѣ». Въ этомъ письмѣ Чаадаевъ говоритъ, что онъ страстно желалъ уразумѣть свое національное прошлое, ибо думалъ, выражаясь его словами, «что можно быть полезнымъ своему отечеству только подъ условіемъ ясно его видѣть». Но «ясно видѣть» прошлое, безъ научной подготовки, Чаадаевъ, конечно, не могъ и только старался угадать его. Работа уединеннаго ума, знавшаго европейскій бытъ больше русскаго, привела Чаадаева къ тому заключенію, что Русь не имѣла ни исторіи ни культуры и должна была войти въ тѣсное сближеніе съ Западомъ, даже съ религіознымъ его бытомъ, чтобы приобщиться къ прогрессу. Единственною свѣтлою точкою

на горизонтѣ русской жизни для Чаадаева былъ Петръ, «который отрекся отъ древней Россіи передъ лицомъ цѣлаго міра», «вырылъ пропасть между нашимъ прошедшимъ и нашимъ настоящимъ и бросилъ въ нее кучей всё наши преданія». Въ Петрѣ сосредоточивался для Чаадаева весь смыслъ русской исторіи и этимъ онъ предупредилъ взгляды такъ называемыхъ Западниковъ. Но онъ не принадлежалъ къ нимъ ни въ основаніи своей философіи, ни по житейскимъ отношеніямъ. Онъ стоялъ совершенно особнякомъ въ исторіи русской мысли. Его остроумно называютъ челоѡкомъ 30-хъ годовъ, оставшимся повади поколѣнія 20-хъ годовъ.

Тотъ кружокъ, изъ котораго берутъ свое начало Западники и Славянофилы, развивалъ свои взгляды одновременно съ Чаадаевымъ, но развивалъ ихъ болѣе стройно и свѣтлѣе смотрѣлъ на русскую жизнь въ ея прошломъ и настоящемъ. Это зависѣло отъ того, что кружокъ этотъ выросъ всецѣло на почвѣ германской метафизической философіи начала нашего вѣка. А эта философія отличалась стройностію логическихъ построеній и оптимизмомъ выводовъ. Въ Германской метафизикѣ, какъ и въ германскомъ романтизмѣ, сказался протестъ противъ сухого раціонализма французской философіи XVIII-го вѣка. Революціонному космополитизму Франціи, Германія противопоставляла начало народности и выясняла его въ привлекательныхъ образахъ народной поэзіи и въ ряду метафизическихъ системъ. Эти системы стали извѣстны образованнымъ русскимъ людямъ и увлекали ихъ. Въ Германской философіи русскіе образованные люди видѣли цѣлое откровеніе, Германія была для нихъ „Іерусалимомъ новѣйшаго челоѡчества“ — такъ назвалъ ее Бѣлинскій. Изученіе главнѣйшихъ метафизическихъ системъ Шеллинга и Гегеля соединило въ тѣсный кружокъ нѣсколько талантливыхъ представителей русскаго общества и заставило ихъ обратиться къ изученію своего (русскаго) національнаго прошлаго. Результатомъ этого изученія были двѣ совершенно противоположныя системы русской исторіи, построенныхъ на одинаковой метафизической основѣ. Въ Германіи въ это время господствующими философскими системами были системы Шеллинга и Гегеля. По мнѣнію Шеллинга, каждаго историческаго народа долженъ осуществлять какую-нибудь абсолютную идею добра, правды, красоты. Раскрыть эту идею міру — историческое призваніе народа. Исполняя его, народъ дѣлаетъ шагъ впередъ на поприщѣ всемірной цивилизаціи; исполнивъ ее — онъ сходитъ съ исторической сцены. Тѣ народы, бытіе которыхъ не одухотворено своей идеей безусловнаго, суть народы неисторическіе, они осуждены на духовное рабство у другихъ націй. Такое же дѣленіе народовъ на историческіе и неисторическіе даетъ и Гегель, но онъ, развивая почти тотъ же принципъ, пошелъ еще далѣе. Онъ далъ общую картину міроваго прогресса. Вся міровая жизнь, по мнѣнію Гегеля, была развитіемъ абсолютнаго духа, который стремится къ самопознанію въ исторіи различныхъ народовъ, но достигаетъ его окончательно въ германороманской цивилизаціи. Культурные народы древняго востока, античнаго міра и романской Европы были поставлены Гегелемъ въ извѣстный порядокъ, представлявшій собою лѣстницу, по которой восходилъ міровой

духъ. На верху этой лѣстницы стояли германцы и имъ Гегель пророчилъ вѣчное мировое главенство. Славянъ же на этой лѣстницѣ не было совсѣмъ. Ихъ онъ считалъ за неисторическую расу и тѣмъ осуждалъ на духовное рабство у германской цивилизаціи. Такимъ образомъ Шеллингъ требовалъ для своего народа только всемірнаго гражданства, а Гегель— всемірнаго главенства. Но, несмотря на такое различіе взглядовъ оба философа одинаково повліяли на русскіе умы въ томъ смыслѣ, что возбуждали стремленіе оглянуться на *русскую* историческую жизнь, отыскать ту абсолютную идею, которая раскрывалась въ русской жизни; опредѣлить мѣсто и назначеніе русскаго народа въ ходѣ мирового прогресса. И тутъ-то, въ приложеніи началъ германской метафизики къ русской дѣйствительности, русскіе люди разошлись между собою. Одни изъ нихъ, *западники*, повѣрили тому, что германо-протестантская цивилизація есть послѣднее слово мирового прогресса. Для нихъ древняя Русь, не знавшая западной, германской цивилизаціи и не имѣвшая своей, была страной неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вѣчный застой, страной «азиатской», какъ назвалъ ее Бѣлинскій (въ его статьѣ о Котошихинѣ). Изъ вѣковой азиатской косности вывелъ ее Петръ, который приобщивъ Россію къ Германской цивилизаціи, создалъ ей возможность прогресса и исторіи. Во всей русской исторіи, стало быть, только эпоха Петра В. можетъ имѣть историческое значеніе. Она главный моментъ въ русской жизни, она отдѣляетъ Русь азиатскую отъ Руси европейской. До Петра полная пустыня, полное ничто; въ древней Русской Исторіи нѣтъ никакого смысла, такъ какъ въ древней Руси нѣтъ своей культуры.

Но не всѣ русскіе люди 30-хъ и 40-хъ годовъ думали такъ; нѣкоторые не соглашались съ тѣмъ, что германская цивилизація есть верхняя ступень прогресса, что славянское племя есть племя неисторическое. Они не видѣли причины, почему мировое развитіе должно остановиться на германцахъ. Изъ русской исторіи вынесли они убѣжденіе, что славянство было далеко отъ застоя, что оно могло гордиться многими драматическими моментами въ своемъ прошломъ и что оно наконецъ имѣло свою культуру. Это ученіе было хорошо изложено *Киртневскимъ*. Онъ говоритъ, что славянская культура въ основаніяхъ своихъ была самостоятельна и отлична отъ германской. Во 1-ыхъ, славяне получили христіанство изъ Византіи (а германцы изъ Рима) и ихъ *религіозный* бытъ получилъ инныя формы, чѣмъ тѣ, которыя сложились у германцевъ подъ вліяніемъ католичества. Во 2-хъ, славяне и германцы выросли на *различной культурѣ*; первые—на греческой, вторые—на римской. Въ то время, какъ культура германская выработала свободу и значеніе личности, славянскія общины совершенно поработили ее. Въ 3-хъ, *государственный строй* созданъ различно. Германія сложилась на римской почвѣ. Германцы были народъ пришлый; побѣждая туземное населеніе, они поработали его. Борьба между побѣжденными и побѣдителями, которая легла въ основаніи государственнаго строя Западной Европы, перешла въ послѣдствіи въ антагонизмъ сословій; у славянъ государство создано путемъ мирнаго договора, добровольнаго призванія власти. Вотъ—различіе между Россіей и Зап. Европой, различіе

религии, культуры, государственного строя. Такъ думали славянофилы, болѣе самостоятельные послѣдователи германскихъ философскихъ ученій. Они были убѣждены, что самостоятельная русская жизнь достигла наибольшаго развитія своихъ началъ въ эпоху московскаго государства. Петръ В. грубо разрушилъ это развитіе, насильственною реформою внесъ къ намъ чуждыя, даже противоположныя начала германской цивилизаціи. Онъ повернулъ правильное теченіе народной жизни на ложный путь заимствования, потому что онъ не понималъ завѣтовъ прошлаго, не понималъ нашего національнаго духа. Цѣль славянофиловъ—вернуться на путь естественнаго развитія, сгладивъ слѣды насильственной Петровской реформы.

Общія точки зрѣнія западниковъ и славянофиловъ служили имъ основаніемъ для толкованія не только общаго смысла нашей исторіи, но и отдѣльных ея фактовъ: можно насчитать много историческихъ трудовъ, написанныхъ западниками и особенно славянофилами (изъ славянофиловъ-историковъ слѣдуетъ помянуть Константина С. Аксакова). Но ихъ труды были гораздо болѣе философскими или публицистическими, чѣмъ собственно историческими, а отношеніе къ исторіи гораздо болѣе философскимъ, чѣмъ научнымъ.

Строго-научная цѣльность историческихъ воззрѣній впервые создана была у насъ только въ 40-хъ годахъ. Первыми носителями новыхъ историческихъ идей были два молодые профессора Московскаго университета: *Сергій Михайловичъ Соловьевъ* и *Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ*. Ихъ воззрѣніе на русскую исторію въ то время называлось «теоріею родового быта», а впослѣдствіи и другіе ученые ихъ направленія стали извѣстны подъ названіемъ «историко-юридической школы». Воспитались они подъ влияніемъ германской философіи. Въ началѣ нашего вѣка историческая наука въ Германіи сдѣлала большіе успѣхи. Дѣятели такъ называемой Германской исторической школы» внесли въ изученіе исторіи чрезвычайно плодотворныя, руководящія идеи и новые методы изслѣдованія. Главною мыслью германскихъ историковъ была мысль о томъ, что развитіе человѣческихъ общинъ не есть результатъ случайностей или единичной воли отдѣльных лицъ: развитіе общества совершается, какъ развитіе организма, по строгимъ законамъ, неиспровергнуть которое не можетъ ни историческая случайность, ни личность, какъ бы гениальна она ни была. Первый шагъ къ такому воззрѣнію сдѣлалъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія *Фридрихъ Августъ Вольфъ* въ произведеніяхъ «*Prologomena ad Homerum*», въ которыхъ онъ занимался изслѣдованіемъ происхожденія и состава греческаго эпоса «Одиссеи» и «Илиады». Давая въ своемъ трудѣ рѣдкій образецъ исторической критики, онъ утверждалъ, что Гомеровскій эпосъ не могъ быть произведеніемъ отдѣльной личности, а былъ постепенно, органически созданнымъ произведеніемъ поэтическаго гения цѣлаго народа. Послѣ труда Вольфа такое органическое развитіе стали искать не только въ памятникахъ поэтическаго творчества, но и во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Искали и въ исторіи и въ правѣ. Признаки органическаго роста античныхъ общинъ наблюдали Нибуръ въ Римской Исторіи, Карль Готфридъ Миллеръ въ Грече-

ской. Органическое развитие праваго сознания изучали историки юристы — *Эйхгорн*, — (*Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte*, въ пяти томахъ, 1808) и *Савиньи* (*Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter*, въ шести томахъ 1815—1831). Эти труды, носившіе на себѣ печать новаго направленія, къ половинѣ XVIII вѣка создали въ Германіи блестящую школу историковъ, которая и до сихъ поръ еще не пережила вполне своихъ идей.

Въ идеяхъ и приемахъ ея выросли наши ученые историко-юридической школы. (Одни усвоили ихъ себѣ путемъ чтенія, какъ, напр., Кавелинъ, другіе — прямо слушаніемъ лекцій, какъ, напр., Соловьевъ, который былъ ученикомъ Ранке). Они усвоили себѣ все содержаніе нѣмецкаго историческаго направленія. Нѣкоторые изъ нихъ увлекались и германской философій Гегеля. Въ Германіи точная и строго-фактическая историческая школа не всегда жила въ ладу съ метафизическими ученіями Гегелианства, тѣмъ не менѣе, и историки, и Гегель сходились въ основномъ возрѣніи на исторію, какъ на закономѣрное развитіе человѣческихъ общинъ. И историки, и Гегель одинаково отрицали въ ней случайность, поэтому ихъ возрѣнія могли ужиться въ одной и той же личности. Эти возрѣнія и были впервые приложены къ русской исторіи нашими учеными — *С. Соловьевымъ* и *К. Кавелинымъ*, думавшимъ показать въ ней органическое развитіе тѣхъ началъ, которыя были даны первоначальнымъ бытомъ нашего племени и которыя коренились въ природѣ нашего народа. На быть культурный и экономическій они обращали меньше вниманія, чѣмъ на внѣшнія формы общественныхъ союзовъ, потому что они были убѣждены, что главнымъ содержаніемъ русской исторической жизни была именно естественная смѣна однихъ законовъ другими. Они надѣялись подмѣнить порядокъ этой смѣны и въ немъ найти законъ нашего историческаго развитія. Вотъ почему ихъ историческіе трактаты носятъ нѣсколько односторонній историко-юридическій характеръ. Такая односторонность не составляла индивидуальности нашихъ ученыхъ, а была внесена ими отъ ихъ германскихъ наставниковъ. Нѣмецкая историографія считала главной своей задачей изслѣдованіе именно юридическихъ формъ въ исторіи, корень этого взгляда кроется въ идеяхъ *Канта*, который понималъ исторію, какъ «путь чловѣчества» къ созданію совершенныхъ государственныхъ формъ. Таковы были тѣ основанія, на которыхъ строилось первое научно-философское возрѣніе на русской исторической бытъ. Это не было простое заимствованіе чужихъ выводовъ, не было только механическое приложеніе чужихъ идей къ плохо понятому матеріалу; это было самостоятельное научное движеніе, въ которомъ взгляды и научные приемы были тождественны съ германскими, но выводы отнюдь не предрѣшались и зависѣли отъ матеріала. Это было научное творчество, шедшее въ направленіи своей эпохи, но самостоятельное. Вотъ почему каждый дѣятель этого движенія сохранялъ свою индивидуальность и оставилъ по себѣ цѣнныя монографіи а вся историко-юридическая школа создала такую схему нашего историческаго развитія, подъ влияніемъ которой до сихъ поръ живетъ русская историографія.

Исходя из мысли, что отличительныя черты исторіи каждаго народа создаются его природой и его первоначальной обстановкой, они и обратили вниманіе на первоначальную форму русскаго общественнаго быта, которая, по ихъ мнѣнію, опредѣлялась началами *родового быта*. Всю русскую исторію представляли они какъ послѣдовательный, органически стройный переходъ отъ кровныхъ общественныхъ союзовъ, отъ родового быта—къ быту государственному. Между эпохою кровныхъ союзовъ и государственною лежитъ промежуточный періодъ, въ которомъ происходила борьба начала кровнаго съ началомъ государственнымъ. Въ первый періодъ личность безусловно подчинялась роду и опредѣляла свое положеніе не индивидуальной дѣятельностью или способностями, а положеніемъ въ родѣ; кровное начало господствовало не только въ княжескихъ, но и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ: оно опредѣляло собою всю политическую жизнь Россіи. Россія въ первой стадіи своего развитія считалась родовой собственностью князей; она дѣлилась на волости, соотвѣтственно числу членовъ княжескаго дома. Порядокъ владѣнія обусловливался родовыми счетами. Положеніе каждаго князя опредѣлялось его мѣстомъ въ родѣ. Нарушеніе старшинства порождало междоусобицы, которыя, съ точки зрѣнія Соловьева, ведутся не за волости, не за нѣчто конкретное, а за нарушеніе старшинства, за идею. Съ теченіемъ времени измѣнились обстоятельства княжеской жизни и дѣятельности на сѣверо-востокѣ Руси, гдѣ князья являлись полными хозяевами земли, сами призывали населеніе, сами строили города и сообщали первое благоустройство княженіемъ. Чувствуя себя создателемъ новой области, князь предъявляетъ на нее новыя требованія: въ силу того, что князь самъ «налѣзъ» себѣ волость, онъ не считаетъ послѣднюю уже родовой. Онъ образовалъ ее своими личными трудами и она не должна переходить въ родъ, она его личное владѣніе, которое остается въ его семьѣ. Отсюда возникаетъ понятіе о собственности семейной, понятіе, вызвавшее окончательную погибель родового быта. Семья, а не родъ стало главнымъ принципомъ, князья даже стали смотрѣть на своихъ дальнихъ родственниковъ, какъ на людей чужихъ, враговъ своей семьи. Наступаетъ новая эпоха, когда одно начало разложилось, другого еще не создалось. Наступаетъ хаосъ, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Изъ этого хаоса вырастаетъ случайно усилившаяся семья московскихъ князей, которые свою вотчину ставятъ выше другихъ по силѣ и богатству. Въ этой вотчинѣ мало-по-малу вырабатывается начало единонаслѣдія—первый признакъ новаго *государственнаго* порядка, который и водворяется окончательно реформами Петра Великаго.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ взглядъ С. М. Соловьева на ходъ нашей исторіи, взглядъ, разработанный имъ въ двухъ его диссертацияхъ: 1) «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ», и 2) «Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома». Система Соловьева была талантливо поддержана К. Д. Кавелинымъ въ нѣсколькихъ его историческихъ статьяхъ (см. томы I и II его «Собраній сочиненій»). Въ одной лишь существенной частности расходился Кавелинъ съ Соловьевымъ: онъ думалъ, что и безъ случайнаго стеченія

благоприятныхъ обстоятельствъ на сѣверѣ Руси родовой бытъ княжескій долженъ былъ разложиться и перейти въ семейный, а затѣмъ въ государственный. Смѣну, неизбежную и послѣдовательную смѣну началъ въ нашей исторіи, онъ изображалъ въ такой краткой формулѣ: «родъ и общее владѣніе; семья и вотчина или отдѣльная собственность; лицо и государство» (томъ II, стр. 474).

Толчекъ, данный талантливыми трудами Соловьева и Кавелина русской исторіографіи, былъ очень великъ. Стройная ученая система, впервые данная нашей исторіи, увлекла многихъ и вызвала оживленное научное движеніе. Много монографій было написано прямо въ духѣ историко-юридической школы. Но много и возраженій, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сильныхъ, раздалось противъ ученія этой новой школы. Рядъ горячихъ научныхъ споровъ, въ концѣ концовъ, окончательно распаталъ стройное теоритическое настроеніе Соловьева и Кавелина въ томъ его видѣ, въ какомъ оно появилось въ ихъ первыхъ трудахъ. Первое возраженіе противъ школы родового быта принадлежало славянофиламъ. Въ лицѣ *К. Аксакова* они обратились къ изученію историческихъ фактовъ (къ нимъ отчасти примкнули московскіе профессора *Леишовъ* и *Блалевъ*); на первой ступени нашей исторіи они увидѣли не родовый бытъ, а *общинный*, и мало-помалу, создали свое ученіе объ общинѣ. Оно встрѣтило нѣкоторую поддержку въ трудахъ одесскаго профессора *Леонтовича*, который постарался опредѣлить точнѣе примитивный характеръ древней славянской общины; эта община, по его мнѣнію, очень походитъ на существующую еще сербскую *«задругу»*, основанную, отчасти, на родственныхъ, отчасти же, на территориальныхъ отношеніяхъ. На мѣстѣ рода, точно опредѣленнаго школою родового быта, стала не менѣе точно опредѣленная община и такимъ образомъ первая часть общесторической схемы Соловьева и Кавелина потеряла свою непреложность. Второе возраженіе противъ частныхъ этой схемы сдѣлано было ученымъ, близкимъ по общему своему направленію къ Соловьеву и Кавелину — *Борисъ Николаевичъ Чичеринъ*, воспитавшійся въ той же научной обстановкѣ, какъ Соловьевъ и Кавелинъ, отодвинулъ за предѣлы исторіи эпоху кровныхъ родовыхъ союзовъ на Руси. На первыхъ страницахъ нашего историческаго бытія онъ видѣлъ уже разложеніе древнихъ родовыхъ началъ. Первая форма нашей общественности какою знаетъ исторія, по его взгляду, была построена не на кровныхъ связяхъ, а на началахъ гражданскаго права. Въ древне-русскомъ бытѣ личность не ограничивалась ничѣмъ, ни кровнымъ союзомъ, ни государственнымъ порядкомъ. Всѣ общественныя отношенія опредѣлялись гражданскими сдѣлками—*договорами*. Изъ этого-то договорнаго порядка естественнымъ путемъ выросло впоследствии государство. Теорія Чичерина, изложенная въ его трудѣ: «О духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей великихъ и удѣльныхъ» получила дальнѣйшее развитіе въ трудахъ проф. В. И. Сергѣевича и въ этой послѣдней формѣ уже совсѣмъ отошла отъ первоначальной схемы, данной школою родового быта. Вся исторія общественнаго быта у В. И. Сергѣевича дѣлится на два періода: первый — съ преобладаніемъ частной личной воли надъ

началомъ государственнымъ, второй — съ преобладаніемъ государственнаго интереса надъ личною волею.

Если первое славянофильское возраженіе явилось на почвѣ соображеній объ общей *культурной* самостоятельности славянства, если второе выросло на почвѣ изученія *правовыхъ* институтовъ, то третье возраженіе школъ родового быта сдѣлано скорѣе всего съ точки зрѣнія *историко-экономической*. Древнѣйшая Киевская Русь не есть страна патриархальная; ея общественныя отношенія довольно сложны и построены на тимократической основѣ. Въ ней преобладаетъ аристократія капитала, представители которой сидятъ въ княжеской думѣ. Таковъ взглядъ проф. *В. О. Ключевскаго* (въ его трудѣ «Боярская дума Древней Руси»).

Всѣ эти возраженія уничтожили стройную систему родового быта, но не создали какой-либо новой исторической схемы. Славянофильство оставалось вѣрно своей метафизической основѣ, а въ позднѣйшихъ представителяхъ отошло отъ историческихъ розысканій. Система Чичерина и Сергѣевича сознательно считаетъ себя системой только исторіи права. А точка зрѣнія историко-экономическая не приложена къ объясненію всего хода нашей исторіи. Наконецъ, въ трудахъ другихъ историковъ не встрѣчаемъ сколько-нибудь удачной попытки дать основанія для самостоятельнаго и цѣльнаго историческаго міровоззрѣнія.

Чѣмъ же живетъ теперь наша исторіографія? Выбѣтъ съ *К. Аксаковымъ* мы можемъ сказать, что у насъ теперь нѣтъ «исторіи», что «у насъ теперь пора историческихъ изслѣдованій, но болѣе». Но отмѣчая этимъ отсутствіе одной господствующей въ исторіографіи доктрины, мы не отрицаемъ существованія у нашихъ современныхъ историковъ общихъ взглядовъ, новизною и плодотворностью которыхъ обуславливаются послѣдніе успѣхи нашей исторіографіи. Эти общіе взгляды возникали у насъ одновременно съ тѣмъ, какъ появлялись въ европейской наукѣ; касались они и научныхъ методовъ, и историческихъ представленій вообще. Возникшее на Западѣ стремленіе приложить къ изученію исторіи приемы естественныхъ наукъ сказалось у насъ въ трудахъ извѣстнаго *Щапова*. Сравнительный историческій методъ, выработанный англійскими учеными (Фриманъ) и требующій, чтобы каждое историческое явленіе изучалось въ связи съ подобными же явленіями другихъ народовъ и эпохъ,—прилагался и у насъ многими учеными (напримѣръ, *В. И. Сергѣевичемъ*). Развитіе этнографіи вызвало стремленіе создать историческую этнографію и съ точки зрѣнія этнографической разсмотрѣть вообще явленія нашей древнѣйшей исторіи (*Н. И. Костомаровъ*). Интересъ къ исторіи экономическаго быта, выросшій на западѣ, сказался и у насъ многими попытками изученія народно-хозяйственной жизни въ разныя эпохи (*В. О. Ключевскій* и другіе). Такъ называемый эволюціонизмъ имѣетъ и у насъ своихъ представителей въ лицѣ молодыхъ университетскихъ преподавателей.

Не только то, что вновь вносилось въ научное сознаніе, двигало впередъ нашу исторіографію. Пересмотръ старыхъ, уже разработанныхъ вопросовъ давалъ новые выводы, ложившіеся въ основаніе новыхъ п.

новыхъ изысканій. Уже въ 70-хъ годахъ С. М. Соловьевъ въ своихъ «Публичныхъ чтеніяхъ о Петрѣ В.» яснѣ и доказательнѣ высказалъ свою старую мысль о томъ, что Петръ В. былъ традиціоннымъ дѣятелемъ и въ своей реформаціонной дѣятельности руководился идеалами старыхъ московскихъ людей XVII вѣка и пользовался тѣми средствами, которыя были подготовлены раньше его. Едва ли не подъ влияніемъ трудовъ именно Соловьева началась дѣятельная разработка исторіи московской Руси, показывающая теперь, что до-петровская Москва не была азіатски-коснымъ государствомъ и дѣйствительно шла къ реформѣ еще до Петра, который самъ идею реформы воспринялъ изъ окружавшей его московской среды. Пересмотръ старѣйшаго изъ вопросовъ русской исторіографіи—Варяжскаго вопроса (въ трудахъ В. Гр. Васильевскаго, А. А. Куняка, С. А. Геденова и другихъ) освѣщаетъ новымъ свѣтомъ начало нашей исторіи. Новая изслѣдованія по исторіи западной Руси открыли передъ нами любопытныя и важныя данныя по исторіи и быту литовско—русскаго государства (В. Б. Антоновичъ и другіе). Указанными примѣрами не исчерпывается, конечно, содержаніе новѣйшихъ работъ по нашему предмету; но эти примѣры показываютъ, что современная исторіографія трудится надъ темами весьма крупными. До попытокъ историческаго синтеза поэтому, можетъ быть, и недалеко.

Въ заключеніе нашего исторіографическаго обзора намъ слѣдуетъ назвать тѣ труды по русской исторіографіи, въ которыхъ изображается постепенное развитіе и современное состояніе нашей науки и которые поэтому должны служить предпочтительными руководствами для знакомства съ нашею исторіографіею. 1) *К. Н. Бестужевъ-Рюмина*. «Русская Исторія» (2 тт., конспективное изложеніе фактовъ и ученыхъ мнѣній съ очень цѣннымъ введеніемъ объ источникахъ и исторіографіи); 2) *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*. «Біографіи и характеристики» (Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ и др.). С.-пб. 1882; 3) *С. М. Соловьевъ*. Статьи по исторіографіи, указанныя на страницѣ 530-й его книги: «Сочиненія С. М. Соловьева». С.-Пб. 1882; 4) *О. М. Колосовичъ*, Исторія русскаго самосознанія. С.-Пб. 1884; 5) *В. С. Иконникова*. Опытъ русской исторіографіи. Томъ первый, книга первая и вторая. Кіевъ. 1891; 6) *П. А. Милоковъ*, «Главныя теченія русской исторической жизни»—въ Русской Мысли за 1893 годъ (и отдѣльно).

Обзоръ источниковъ.

Въ обширномъ смыслѣ понятіе историческаго источника заключаетъ въ своемъ содержаніи всякій остатокъ старины, будь-то ли это сооруженіе, предметъ искусства, вещь житейскаго обихода, печатная книга, рукопись или, наконецъ, устное преданіе. Но въ узкомъ смыслѣ источникомъ мы называемъ печатный или письменный остатокъ старины, иначе говоря, той эпохи, которую изучаетъ историкъ. Нашему вѣдѣнію подлежатъ лишь остатки послѣдняго рода.

Обзоръ источниковъ можетъ быть веденъ двумя путями: во 1-хъ, онъ можетъ быть простымъ логически—систематичнымъ перечнемъ

различныхъ видовъ историческаго матеріала, съ указаніемъ главнѣйшихъ его изданій; во 2-ыхъ, обзоръ источниковъ можетъ быть построенъ исторически и совмѣстить въ себѣ перечень матеріала съ обзоромъ движенія у насъ археографическихъ трудовъ. Второй путь ознакомленія съ источниками для насъ гораздо интереснѣе, во 1-хъ, потому что здѣсь мы можемъ наблюдать появленіе археографическихъ трудовъ въ связи съ тѣмъ, какъ въ обществѣ развивалось чувство цѣнности рукописной старины, и во 2-хъ, потому еще, что здѣсь мы познакоимся съ тѣми дѣятелями, которые собираемъ матеріаловъ для родной исторіи составили себѣ вѣчное имя въ нашей наукѣ.

Въ эпоху до-петровскую отношеніе къ рукописямъ въ грамотныхъ слояхъ московскаго общества было самымъ внимательнымъ, потому что въ то время рукопись замѣняла книгу, была источникомъ и знаній, и эстетическихъ наслажденій, и составляла цѣнные предметы обладанія; рукописи постоянно переписывались съ большою тщательностію и часто жертвовались передъ смертью владѣльцами въ монастыри «по душѣ»: жертвователь за свой даръ проситъ монастырь или церковь о вѣчномъ поминовеніи его грѣшной души. Акты законодательные и вообще всѣ рукописи юридическаго характера, т. е. то, что мы назвали бы теперь официальными и дѣловыми бумагами, также ревниво сберегались. Печатныхъ законоположеній, кромѣ уложенія, царя Алексѣя Михайловича тогда не существовало и этотъ рукописный матеріалъ былъ, какъ бы, кодексомъ дѣйствовавшаго права, руководствомъ тогдашнихъ администраторовъ и судей. Законодательство тогда было письменнымъ, какъ теперь оно печатное. Кромѣ того, на рукописныхъ же грамотахъ монастыри и частныя лица основывали свои льготы и различнаго рода права. Понятно, что весь этотъ письменный матеріалъ былъ дорогъ въ обиходѣ тогдашней жизни и что его должны были цѣнить и хранить.

Въ XVIII вѣкѣ подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ вѣсовъ, съ распространеніемъ печатной книги и печатныхъ законоположеній, отношеніе къ старымъ рукописямъ очень измѣняется: упадокъ чувства ихъ цѣнности замѣчается у насъ въ продолженіе всего XVIII в. Въ XVII в. рукопись очень цѣнилась тогдашнимъ культурнымъ классомъ, а теперь въ XVIII в. этотъ классъ уступилъ мѣсто новымъ культурнымъ слоямъ, которые къ рукописнымъ источникамъ старины относились презрительно, какъ къ старому негодному хламу. Духовенство также переставало понимать историческую и духовную цѣнность своихъ богатыхъ рукописныхъ собраній и относилось къ нимъ небрежно. Обиліе рукописей перешедшихъ изъ XVII в. въ XVIII в., способствовало тому, что ихъ не цѣнили. Рукопись была еще, такъ сказать, вещь житейской, а не исторической и мало-по-малу съ культурныхъ верховъ общества, гдѣ прежде вращалась, переходила въ нижніе его слои между прочимъ и къ раскольникамъ, которыхъ нашъ археографъ Строевъ называлъ «почетителями нашихъ рукописей». Старые же архивы и монастырскія книго-хранилища, заключавшіе въ себѣ массу драгоценностей, оставались безъ всякаго вниманія, въ полномъ пренебреженіи и упадкѣ. Вотъ примѣры уже изъ нашего вѣка, которые показываютъ.

как невежественно обращались съ рукописной стариной ея владѣльцы и хранители. «Въ одной обители благочестія, къ которой въ исходѣ XVII в. было приписано болѣе 15-ти другихъ монастырей», писалъ П. М. Строевъ въ 1823 году, «старый ея архивъ помѣщался въ башнѣ, гдѣ въ окнахъ не было рамъ. Снѣгъ покрывалъ на полъ-аршина кучу книгъ и столбцовъ, наваленныхъ безъ разбору, и я рылся въ ней, какъ, въ развалинахъ Геркулана. Этому шесть лѣтъ,—слѣдовательно, снѣгъ шесть разъ покрывалъ сии рукописи и столько же на нихъ таялъ, теперь вѣрно осталась одна ржавая пыль»... Тотъ же Строевъ въ 1829 г. доносилъ Академіи Наукъ, что архивъ стариннаго города Кевроля, по упраздненіи его перенесенный въ Пинегу, «сгнилъ тамъ въ ветхомъ сараѣ и, какъ мнѣ сказывали, послѣдніе остатки его не задолго передъ симъ (т. е. до 1829 г.) брошены въ воду».

Извѣстный любитель и изслѣдователь старины митрополитъ Кіевскій Евгенийъ (Болховитиновъ, 1767 — 1837), будучи архіереемъ во Псковѣ, пожелалъ осмотрѣть богатый Новгородскій Юрьевъ-монастырь. «Впередъ онъ далъ знать о своемъ пріѣздѣ»,—пишетъ биографъ митр. Евгенія, Ивановскій,—«и этимъ разумѣется заставилъ начальство обители нѣсколько посуетиться и привести нѣкоторыя изъ монастырскихъ помѣщеній въ болѣе благовидный порядокъ. Ѣхать въ монастырь онъ могъ одной изъ двухъ дорогъ: или верхнею, болѣе проѣзжей, но скучною, или нижнею, близъ Волхова, менѣе удобною, но болѣе приятною. Онъ поѣхалъ нижнею. Близъ самого монастыря онъ встрѣтился съ возомъ, ѣхавшимъ къ Волхову въ сопровожденіи инока. Желая узнать, что везетъ инокъ къ рѣкѣ, онъ спросилъ. Инокъ отвѣчалъ, что онъ везетъ разный соръ и хламъ, который просто кинуть въ навозную кучу нельзя, а надобно бросить въ рѣку. Это возбудило любопытство Евгенія. Онъ подошелъ къ возу, велѣлъ приподнять рогожу, увидѣлъ порванные книжки и рукописные листы и затѣмъ велѣлъ инокѣ возвратиться въ монастырь». Въ этомъ возу оказались драгоценныя остатки письменности даже XI в.» (*Ивановскій* «Митр. Евгенийъ», стр. 41—42»).

Таково было у насъ отношеніе къ памятникамъ старины еще въ XIX в. Въ XVIII в. оно было, конечно, не лучше, хотя нужно отмѣтить что рядомъ съ этимъ, съ начала уже прошлаго столѣтія являются отдѣльныя личности, сознательно относившіяся къ старинѣ. Самъ Петръ I собиралъ старинныя монеты, медали и другіе остатки старины, по западно-европейскому обычаю, какъ необыкновенные и курьезные предметы, какъ своего рода «монстры». Но, собирая любопытные вещественныя остатки старины, Петръ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ «вѣдать государства російскаго исторію» и полагалъ, что, «о семъ первѣе трудиться надобно, а не о началѣ свѣта и другихъ государствъ, понеже о семъ много писано». Съ 1708—1715 г. по приказу Петра надъ сочиненіемъ русской исторіи (XVI и XVII вв.) трудился тогдашній ученый дѣятель славяно-греко-латинской Академіи, *Федоръ Поликарповъ*, но трудъ его не удовлетворилъ Петра, а намъ остался неизвѣстенъ. Несмотря, однако, на такую неудачу, Петръ до конца своего царствованія не забывалъ мысли о полной русской исторіи и заботился о собраніи для нея матеріала: въ 1720 г. онъ приказалъ губернаторамъ пересмотрѣть всѣ

замѣчательные историческіе документы и лѣтописныя книги во всѣхъ монастыряхъ, епархіяхъ и соборахъ, составить имъ описи и доставить эти описи въ сенатъ. А въ 1722 году синоду было указано по этимъ описямъ отобрать всѣ историческія рукописи изъ епархій въ синодъ и сдѣлать съ нихъ списки. Но синоду не удалось привести это въ исполненіе: большинство епархіальныхъ начальствъ отвѣчало на запросы синода, что у нихъ нѣтъ такихъ рукописей, а всего въ синодъ было прислано до 40 рукописей, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, и изъ нихъ только 8 собственно историческихъ, остальные же духовнаго содержанія. Такъ желаніе Петра имѣть историческое повѣствованіе о Россіи и собрать для этого матеріалъ разбилось о невѣжество и небрежность его современниковъ.

При Петрѣ, такимъ образомъ для русской исторіи не было сдѣлано ничего въ смыслѣ результатовъ. Историческая наука родилась у насъ уже позже Петра, и научная обработка историческаго матеріала началась вмѣстѣ съ появленіемъ у насъ ученыхъ нѣмцевъ, тогда стало выясняться мало-по-малу и значеніе рукописнаго матеріала для нашей исторіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи неоцѣнимыя услуги нашей наукѣ оказалъ извѣстный уже намъ *Герардъ Фридрихъ Миллеръ* (1705—1785 г.) Добросовѣстный и трудолюбивый ученый, осторожный критикъ-ислѣдователь и въ то же время неутомимый собиратель историческихъ матеріаловъ, Миллеръ своею разнообразною дѣятельностью вполне заслуживаетъ имя «отца русской исторической науки», какое ему даютъ наши историографы. Наша наука еще до сихъ поръ пользуется собраннымъ имъ матеріаломъ. Въ такъ называемыхъ „портфеляхъ“ Миллера, хранящихся въ Академіи Наукъ и въ Московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, заключается болѣе 900 номеровъ разнаго рода историческихъ бумагъ. Эти портфели и теперь еще для изслѣдователя составляютъ цѣлое сокровище, и новые историческіе труды часто черпаютъ изъ нихъ свои матеріалы: такъ археографическая комиссія до послѣдняго времени наполняла его матеріаломъ нѣкоторыя изъ своихъ изданій (*Сибирскія дѣла въ дополненіяхъ къ „Актамъ историческихъ“*). Миллеръ собиралъ письменные памятники не въ одной только Европейской Россіи, но и въ Сибири, гдѣ онъ провель около 10 лѣтъ (1733—1743). Эти изысканія въ Сибири дали важныя результаты, потому что только здѣсь Миллеру удалось найти массу цѣнныхъ документовъ о смутѣ, которые были потѣмъ напечатаны въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и Договоровъ II томъ. При императрицѣ Екаторинѣ II Миллеръ былъ назначенъ начальникомъ Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и имѣлъ отъ императрицы порученіе создать собраніе дипломатическихъ документовъ по примѣру Амстердамскаго изданія Дюмона (*Corps universel diplomatique du droit des Gens* 8 т. 1726 — 1731). Но Миллеръ былъ уже старъ для такого грандіознаго труда, и какъ начальникъ архива успѣлъ только начать разборъ и упорядоченіе архивнаго матеріала и приготовить цѣлую школу своихъ учениковъ, которые по смерти учителя продолжали работать въ этомъ архивѣ и вполне развернули свои силы позднѣе въ такъ называемую „Румянцевскую эпоху“. Рядомъ съ Миллеромъ дѣйствовалъ *В. Н. Татищевъ*. Онъ намѣревался писать географію Россіи, но понималъ, что

географія безъ исторіи невозможна и потому рѣшили сперва написать исторію и обратился къ собранію и изученію рукописнаго матеріала. Собирая матеріалы, онъ нашель и первый опѣнилъ „Русскую Правду“ и «Царскій Судебникъ». Эти памятники, какъ и самая «Исторія Россіи» Татищева изданы были уже послѣ его смерти († 1750 г.) Миллеромъ. Кромѣ собственно историческихъ трудовъ, Татищевъ составилъ инструкцію для собранія этнографическихъ, географическихъ и археологическихъ свѣдѣній о Россіи. Эта инструкция была принята Академіей Наукъ.

Со времени Екатерины II дѣло собранія и изданія историческаго матеріала очень развилось. Сама Екатерина находила досугъ для занятія русскою исторіей, живо интересовалась русскою стариною, поощряла и вызывала историческіе труды. При такомъ настроеніи императрицы въ русскомъ обществѣ сталъ живѣе интересъ къ прошлому и стало сознательнѣе отношеніе къ остаткамъ этого прошлаго. При Екатеринѣ, какъ собиратель историческаго матеріала, дѣйствуетъ между прочимъ, гр. Мусинъ-Пушкинъ, нашедшій „Слово о Полку Игоревѣ“ и возобновившій заботу о томъ, чтобы собрать изъ монастырскихъ бібліотекъ въ столицу все рукописныя лѣтописи въ видахъ ихъ лучшаго храненія и изданія. При Екатеринѣ начинаются многочисленныя изданія *тѣмъ* въ Академіи Наукъ и при Синодѣ, изданія, впрочемъ, еще не совершенныя и не научныя. И въ провинціи начинается тоже движеніе въ пользу изученія старины: въ Архангельскѣ, напримѣръ, составляется археологическое общество, гдѣ дѣйствуютъ *Крестининъ* и *Фокинъ*. Въ столицахъ частные люди начинаютъ издавать памятники.

Въ этомъ дѣлѣ первое мѣсто занимаетъ *Николай Ивановичъ Новиковъ*, больше извѣстный нашему обществу изданіемъ сатирическихъ журналовъ, массонетвомъ и заботами о распространеніи образованія. По своимъ личнымъ качествамъ и гуманнымъ идеямъ — это рѣдкій въ своемъ вѣкѣ человекъ, свѣтлое явленіе своего времени. Онъ намъ уже извѣстенъ, какъ собиратель и издатель «Древней Россійской Вивліюнки» — обширнаго сборника старыхъ актовъ разнаго рода, лѣтописцевъ, литературныхъ старинныхъ произведеній и историческихъ статей. Изданіе свое онъ началъ въ 1773 году и въ 3 года издалъ 10 частей. Въ предисловіи къ Вивліюнкѣ Новиковъ опредѣляетъ свое изданіе, какъ „начертаніе нравовъ и обычаевъ предковъ“ съ цѣлью познать «великость духа ихъ, украшеннаго простотою». (Надо замѣтить, что идеализація старины уже сильна была и въ первомъ сатирическомъ журналѣ *Новикова* Трутовъ (1769—1770 г.). Первое изданіе «Вивліюнки» теперь уже забыто ради второго, болѣе полного, въ 20 томахъ (1788—1791). *Новикова* въ этомъ его изданіи поддерживала сама Екатерина II и деньгами, и тѣмъ, что допустила его къ занятіямъ въ архивѣ Иностранной коллегіи, гдѣ ему очень радушно помогаль старикъ *Миллеръ*. По содержанію своему, «Древняя Россійская Вивліюнка» была случайнымъ сводомъ подъ руку попавшагося матеріала, изданнаго почти безъ всякой критики и безъ всякихъ научныхъ пріемовъ, какъ мы ихъ понимаемъ теперь

Въ этомъ отношеніи еще ниже стоятъ: «Дѣянія Петра Великаго» курскаго купца Голикова, который еще съ дѣтства восторгался дѣянiями Петра, имѣлъ несчастіе попасть подъ судъ, но былъ освобожденъ по манифесту, по случаю открытія памятника Петру. По этому поводу Голиковъ рѣшилъ всю свою жизнь посвятить работѣ надъ біографіей Петра. Онъ собиралъ всѣ извѣстія, какія только могъ достать, безъ разбора ихъ достоинствъ, письма Петра, анекдоты о немъ и т. п. Въ началѣ своего собранія онъ помѣстилъ браткій обзоръ XVI и XVII вв. На трудъ Голикова обратила вниманіе Екатерина и открыла ему архивы, но этотъ трудъ лишенъ всякаго научнаго значенія, хотя по недостатку лучшихъ матеріаловъ имъ пользуются и теперь. Для своего же времени онъ былъ крупнымъ археографическимъ фактомъ (I-ое изданіе 30 т. (1778—1798.) II-ое изданіе 15 томовъ, 1838).

Кромѣ Академіи и частныхъ лицъ, къ памятникамъ старины обратилась дѣятельность и «Вольнаго Россійскаго собранія» ученаго общества, основаннаго при Московскомъ университетѣ въ 1771 году. Это общество было очень дѣятельно въ помощи отдѣльнымъ ученымъ, открывая имъ доступъ въ архивы, сооружая ученые этнографическія экспедиціи и т. д., но само издавало немного памятниковъ старины: въ 10 лѣтъ оно выпустило только 6 книгъ своихъ «Трудовъ» (1774—1783 г.).

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ дѣятельность второй половины прошлаго вѣка по собранію и изданію матеріаловъ. Эта дѣятельность отличалась случайнымъ характеромъ, захватывала только тотъ матеріалъ, который, если можно такъ выразиться, самъ шелъ въ руки; заботъ о тѣхъ памятникахъ, которые были въ провинціи, не проявлялось. Сибирская экспедиція Миллера и собраніе лѣтописей по мысли Мусина-Пушкина были отдѣльными эпизодами исключительнаго характера, и историческое богатство провинціи оставалось пока безъ оцѣнки и вниманія. Что же касается до историческихъ изданій прошлаго столѣтія, то они не выдерживаютъ и слабаго прикосновенія нынѣшней научно-издательской критики. Кромѣ разныхъ техническихъ подробностей, мы требуемъ теперь отъ ученаго издателя, чтобы онъ пересмотрѣлъ по возможности всѣ извѣстные списки издаваемого памятника, выбралъ изъ нихъ древнѣйшіе и лучшіе, то-есть, съ исправнѣйшимъ текстомъ; одинъ изъ лучшихъ положилъ въ основу изданія и печаталъ его текстъ, приводя къ нему всѣ варианты другихъ исправныхъ списковъ, избѣгая малѣйшихъ неточностей и опечатокъ въ текстѣ. Изданію должна предшествовать провѣрка исторической цѣнности памятника; если памятникъ окажется простой компиляціей, то лучше издать ея источники, чѣмъ самую компиляцію. Но въ XVIII вѣкѣ на дѣло смотрѣли не такъ; считали возможнымъ издавать, напримѣръ, лѣтопись по одному ея списку со всѣми ошибками, такъ что теперь, по нуждѣ, пользуясь нѣкоторыми изъ изданій за неимѣніемъ лучшихъ, историкъ постоянно въ опасности сдѣлать ошибку, допустить неточность и т. под. Только Шлецеръ теоретически устанавливалъ приемы ученой критики, да Миллеръ въ изданіи, „Степенной книги“ (1775 г.) соблюдалъ нѣкоторые изъ основныхъ правилъ ученаго изда-

нія. Въ предисловіи къ этой лѣтописи онъ говоритъ о своихъ приѣмахъ изданія: они у него научны, хотя еще не выработаны. Но въ этомъ его нельзя упрекать: полная разработка критическихъ приѣмовъ явилась у насъ только въ нашѣмъ столѣтїи и ей болѣе всего способствовали ученики Миллера.

Старѣясь, Миллеръ просилъ императрицу Екатерину назначить послѣ его смерти начальникомъ Архива иностранной коллегіи кого-нибудь изъ его учениковъ. Просьба его была уважена и послѣ Миллера Архивомъ завѣдывали его ученики: сперва *Струттеръ*, потомъ *Н. Н. Бантышъ-Каменскій*; составляя описаніе дѣлъ своего архива, онъ на основаніи этихъ дѣлъ занимался и изслѣдованіями, которыя, къ сожалѣнію, далеко не всѣ начатаны. Они очень много помогли Карамзину для его Исторіи. Когда въ первые годы нашего столѣтїя Архивъ Иностранной Коллегіи поступилъ въ главное вѣдѣніе графа *Н. П. Румянцева*, въ Архивѣ воспиталась уже цѣлая семья археографовъ, и для Румянцева были готовы уже достойные помощники. Именемъ Румянцева означаютъ цѣлую эпоху въ ходѣ нашего народнаго самопознанія, и справедливо. Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ явился въ ту самую пору, когда приготавлилась „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина, когда назрѣвало сознаніе, что необходимо собирать и спасать остатки старой народной жизни, когда, наконецъ, явились и дѣятели по этой части съ научными приѣмами. Графъ Румянцевъ сталъ выразителемъ сознательнаго отношенія къ старинѣ и, благодаря своему положенію и средствамъ, явился въ центрѣ новаго историко-археологическаго движенія такимъ почтеннымъ меценатомъ, предъ памятью котораго должны преклоняться и мы, и всѣ грядущія поколѣнія.

Родился Румянцевъ въ 1754 г.; отцемъ его былъ знаменитый графъ Румянцевъ-Задунайскій. Началъ свою службу Николай Петровичъ въ средѣ русскихъ дипломатовъ Екатерининскаго вѣка и болѣе 15-ти лѣтъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ. При Павлѣ I-мъ хотя Румянцевъ и былъ въ милости у императора, но не занималъ никакихъ должностей и оставался не у дѣлъ. При Александрѣ I-мъ ему былъ данъ портфель министра коммерціи, а затѣмъ въ 1809 г. поручено управленіе коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ съ сохраненіемъ поста министра коммерціи. Съ теченіемъ времени онъ былъ возведенъ въ званіе Государственнаго Канцлера и назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Во время управленія его Коллегіей Иностранныхъ дѣлъ и сказала ее любовь къ старинѣ, хотя почвы для нея повидимому, не было никакой. Уже въ 1810 г. графъ Николай Петровичъ предлагаетъ Бантышъ-Каменскому составить планъ изданія *сборника государственныхъ грамотъ и договоровъ*. Этотъ планъ былъ скоро готовъ, и гр. Румянцевъ ходатайствовалъ передъ Государемъ объ учрежденіи при Архивѣ Иностранной коллегіи Комиссіи для печатанія „Государственныхъ грамотъ и договоровъ.“ Всѣ издержки по изданію онъ принималъ на свой счетъ, но съ условіемъ, что комиссія останется въ его вѣдѣніи и тогда, когда

онъ оставитъ управление вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ. Желаніе его было исполнено и 3 го мая 1811 года комиссія была учреждена. Двѣнадцатый годъ задержалъ выпускъ 1-го тома, но Бантышъ-Каменскій успѣлъ спасти вмѣстѣ съ Архивомъ и напечатанные листы этого перваго тома, и первый томъ вышелъ въ 1813 г. подъ заглавіемъ „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ“. На заглавномъ листѣ красовался гербъ Румянцева, какъ и на всѣхъ прочихъ его изданіяхъ. Во вступленіи къ первому тому главный его редакторъ Бантышъ-Каменскій такъ объяснялъ потребности, вызвавшія изданіе, и цѣли, какія оно преслѣдовало: „Испытатели древностей Россійскихъ и желавшіе приобрести познаніе въ дипломатикѣ отечественной не могли довольствоваться неисправными и противорѣчащими отрывками грамотъ, въ древней Визліоникѣ помѣщенныхъ, ибо потребно было полное собраніе коренныхъ постановленій и договоровъ, которое бы объясняло постепенность возвышенія Россіи. Не имѣвъ сего путеводства, они принуждены были допытываться о происшествіяхъ и союзахъ своего государства у иностранныхъ писателей и сочиненіями ихъ руководствоваться“ (С. Г. Г и Д. т. I стр. II). Слова эти справедливы, потому что изданіе гр. Румянцева было первымъ систематическимъ сводомъ документовъ, съ которымъ не могло соперничать ни одно предшествовавшее изданіе. Въ выпущенномъ (первомъ) томѣ были собраны замѣчательныя грамоты времени 1229—1613 годовъ. Съ ихъ появленіемъ входила въ научный оборотъ масса цѣннаго матеріала, изданнаго добросовѣстно и роскошно. Своимъ достоинствомъ, и внутреннимъ, и внешнимъ, изданіе это обязано тѣмъ, что и до сихъ поръ занимаетъ первенствующее мѣсто въ длинномъ ряду позднѣйшихъ археографическихъ изданій.

Довѣривъ редакцію Бантышъ-Каменскому, Румянцевъ и самъ до мелочности живо интересовался дѣломъ изданія. Такъ, онъ замѣтилъ, что въ напечатанномъ томѣ недостаеъ въ некоторыхъ древнихъ документовъ и требовалъ отъ Бантышъ-Каменскаго, чтобы пропущенныя грамоты не были забыты при выпускѣ втораго тома. Этотъ второй томъ вышелъ въ 1819 году и заключаетъ въ себѣ грамоты до XVI вѣка и документы смутнаго времени. Бантышъ-Каменскій умеръ до выхода 2-го тома (1814 г.), и вмѣсто него работалъ надъ изданіемъ Малиновскій. Подъ его редакціей вышелъ въ 1822 г. третій томъ, а въ 1828-мъ, когда Румянцева уже не стало въ живыхъ и четвертый. Оба эти тома заключаютъ въ себѣ документы XVII вѣка. Въ предисловіи къ II-му тому Малиновскій объявлялъ, что изданіе грамотъ переходитъ въ вѣдѣніе коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и зависить отъ ея распоряженій: однако, и до сей поры дѣло не пошло далѣе начала пятаго тома, которой съ недавняго времени обращается въ продажѣ и заключаетъ въ себѣ дипломатическія бумаги. Если бы дѣятельность Румянцева ограничилась только этимъ изданіемъ (за которое онъ затратилъ до 40,000 р.), то и тогда бы память его жила вѣчно въ нашей наукѣ, такое значеніе имѣеть этотъ сборникъ документовъ. Какъ историческое явленіе, это первый научный сборникъ актовъ, ознаменовавшій собою начало у насъ научнаго отношенія къ старинѣ, а какъ

историческій источникъ, это и до сихъ доръ важнѣйшій сводъ матеріала, имѣющаго значеніе для основныхъ вопросовъ общей исторіи нашего государства.

Стремясь такъ старательно къ извлеченію на свѣтъ архивнаго матеріала, графъ Румянцевъ не былъ простымъ диллетантомъ, но обладалъ большою эрудиціей въ русскихъ древностяхъ и не переставалъ жалѣть, что въ немъ поздно пробудились вкусы къ старинѣ, хотя ихъ позднее появленіе не помѣшало ему потратить массу труда и матеріальныхъ жертвъ на отысканіе и спасеніе памятниковъ. Общая сумма его научныхъ издержекъ доходила до 300,000 руб. сер. Онъ не разъ на свой счетъ отправлялъ научныя экспедиціи, самъ совершалъ экскурсіи кругомъ Москвы, тщательно розыскивая всевозможные остатки старины; и щедро платилъ за каждую находку. Изъ его переписки видно между прочимъ, что за одну рукопись онъ отпустилъ на волю цѣлую крестьянскую семью. Высокое служебное положеніе Румянцева облегчало ему любимое дѣло и помогало вести его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: такъ онъ обращался ко многимъ губернаторамъ и архіереямъ, прося ихъ указаній о мѣстныхъ древностяхъ, и посылалъ имъ для руководства свои программы собранію памятниковъ старины. Мало того, онъ руководилъ изысканіями въ заграничныхъ книгохранилищахъ по части русской исторіи и кромѣ русскихъ памятниковъ, хотѣлъ предпринять обширное изданіе иностранныхъ писателей о Россіи, имъ было отмѣчено до 70 иностранныхъ сказаній о Россіи, былъ составленъ и планъ изданія, но къ сожалѣнію это дѣло не состоялось. Но не одно дѣло собранія памятниковъ интересовало канцлера, часто онъ оказывалъ поддержку и изслѣдователямъ старины, поощряя ихъ трудъ, а часто и самъ вызывалъ молодыя силы на изслѣдованія, ставя имъ научныя вопросы и оказывая матеріальную поддержку. Передъ смертію графъ Румянцевъ завѣщалъ для общаго пользованія соотечественниковъ свое богатое собраніе книгъ, рукописей и другихъ древностей. Императоръ Николай I открылъ это собраніе для публики, подъ названіемъ „Румянцевскаго музея“, первоначально въ Петербургѣ; но при императорѣ Александрѣ II-мъ музей переведенъ былъ въ Москву, гдѣ и соединенъ съ такъ называемымъ публичнымъ музеемъ въ знаменитомъ Пашковскомъ домѣ. Эти музеи одно изъ самыхъ драгоценныхъ хранилищъ нашей древней письменности. Такъ широка была дѣятельность графа Румянцева на полѣ нашей исторической науки. Стимулы ей заключались въ высокомъ образованіи этого человека и въ его патріотическомъ направленіи. У него было много ума, образованности и матеріальныхъ средствъ для достиженія его научныхъ цѣлей, но надо сознаться, что онъ не сдѣлалъ бы многого изъ того, что сдѣлалъ, если бы за нимъ не стояли въ качествѣ его помощниковъ замѣчательные люди того времени. Помощниками его были дѣятели архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Начальниками архива при Румянцевѣ были Бантышъ-Каменскій и Малиновскій, совѣтами и трудами которыхъ пользовался Н. М. Карамзинъ и которые очень много сдѣлали для благоустройства своего Архива. А изъ молодыхъ ученыхъ, начавшихъ свою дѣятельность въ этомъ архивѣ при Румянцевѣ, упомянемъ

только самыхъ видныхъ: *Константина Федоровича Калайдовича и Павла Михайловича Строева*. Оба они замѣчательно много сдѣлали по числу и по значенію ихъ работъ: они положили основаніе научному изданію памятниковъ; собирали и описывали рукописи во всеоружіи прекрасныхъ критическихъ приѣмовъ, писали изслѣдованія.

Биографія Калайдовича мало извѣстна. Родился онъ въ 1792 году, жилъ немного—всего 40 лѣтъ, и кончилъ упомянѣтельностью и почти нищетою. Въ 1829 году Погодинъ писалъ о немъ Строеву: „Калайдовича сумашествіе прошло, но осталась такая слабость, такая ипохондрія, что нельзя смотрѣть на него безъ горести. Онъ въ нуждѣ...“ Въ своей дѣятельности Калайдовичъ почти всецѣло принадлежалъ къ Румянцевскому кружку и былъ любимымъ сотрудникомъ Румянцева. Онъ участвовалъ въ изданіи „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“, вмѣстѣ съ Строевымъ совершилъ въ 1817 поѣздку по Московской и Калужской губерніямъ для розысканія старыхъ рукописей. Это была первая по времени научная экспедиція въ провинцію съ исключительной цѣлью палеографической. Создалась она по почину гр. Румянцева и увѣнчалась большимъ успѣхомъ. Строевъ и Калайдовичъ нашли *Изборникъ Святослава 1073 г.*, Илларионову „*Похвалу Когану Владиміру*“ и между прочимъ въ Волоколамскомъ монастырѣ *Судебникъ Ивана III*. Это была тогда полная новинка: Княжескаго Судебника не зналъ никто въ русской редакціи и Карамзинъ пользовался имъ въ латинскомъ переводѣ Герберштейна. Графъ привѣтствовалъ находки и благодарилъ молодыхъ ученыхъ за ихъ труды. Судебникъ былъ изданъ на его средства Строевымъ и Калайдовичемъ въ 1819 г. („Законы Великаго Князя Иоанна Васильевича и внука его царя Иоанна Васильевича“ Москва 1819 г.—Второе изданіе Москва 1878 г.)—Кромѣ своихъ издательскихъ трудовъ и палеографическихъ розысканій, Калайдовичъ извѣстенъ и своими филологическими изслѣдованіями („*Иоаннъ Экзархъ Болгарскій*“). Ранняя смерть и печальная жизнь не дали этому таланту возможности вполне развернуть свои богатые силы.

Въ близкомъ общеніи съ Калайдовичемъ во дни юности былъ *II. М. Строевъ*. Строевъ происходилъ изъ небогатой дворянской семьи, родился въ Москвѣ въ 1796 году и очень молодымъ былъ отданъ въ пансіонъ Виллерса, а оттуда перешелъ въ Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Въ 1812 году онъ долженъ былъ поступить въ университетъ, но военныя событія, прервавшія ходъ университетскаго преподаванія, помѣшали этому, такъ что только въ августѣ 1813 года при возобновленіи лекцій удалось ему поступить туда. Замѣчательнѣйшими изъ учителей его здѣсь были: *Р. Ѳ. Тимковскій* († 1820 г.) профессоръ римской словесности, знаменитый изданіемъ лѣтописи Нестора (вышла въ 1824 г., къ изданію ея онъ примѣнилъ приемы изданія древнихъ классиковъ) и *Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій* († 1842 г.)—основатель такъ называемой „скептической школы“ въ нашей наукѣ. Строевъ, какъ кажется, больше тяготѣлъ къ Тимковскому. Благотворное вліяніе послѣдняго сказалось на приѣмахъ Строева, всегда научныхъ и строго-точныхъ.

Тотчасъ по поступленіи въ университетъ, т. е. 17 лѣтъ Строевъ уже составилъ краткую Россійскую Исторію, которая издана была въ 1814 году, стала общепринятымъ учебникомъ и черезъ пять лѣтъ потребовала новаго изданія. Этотъ учебникъ употреблялся у насъ до тѣхъ поръ, пока не появился учебникъ Устрялова.

Въ 1815 г. Строевъ выступаетъ уже съ своимъ собственнымъ журналомъ, «Современный наблюдатель Россійской Словесности», который онъ думалъ сдѣлать еженедѣльнымъ и который выходилъ только съ марта по іюль. Въ концѣ того же 1815 года Павелъ Михайловичъ выходитъ изъ университета, не окончивъ курса и поступаетъ по предложенію Румянцева «Главнымъ Смотрителемъ въ Комиссію печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ». Румянцевъ высоко цѣнилъ его и, какъ увидимъ, былъ правъ. Кромѣ удачныхъ кабинетныхъ работъ, Строевъ съ 1817-го по 20-й годъ на средства Румянцева объѣзжаетъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ книгохранилища Московской и Калужской епархій. Мы уже знаемъ, какіе важнѣйшіе памятники были тогда найдены. Кромѣ главнѣйшихъ находокъ, было описано до 2000 рукописей, и Строевъ въ этихъ поѣздкахъ приобрѣлъ большое знаніе рукописнаго матеріала, которымъ онъ много помогъ Карамзину. И послѣ своихъ экспедицій Строевъ продолжаетъ работать при Румянцевѣ, участвуетъ въ трудахъ по изданію «Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» издаетъ Судебники и такъ называемый «Софійскій Временникъ», одну изъ Новгородскихъ лѣтописныхъ редакцій (въ 1823 г.). Въ предисловіи къ Временнику Строевъ пишетъ цѣлый трактатъ о составѣ древнерусскихъ лѣтописей о томъ, какъ на Руси составлялись извѣстные лѣтописные своды; онъ понималъ ихъ какъ *коллективные* труды. Въ то время взглядъ этотъ казался слишкомъ смѣлымъ предположеніемъ, но потомъ онъ подтвердился въ позднѣйшихъ изысканіяхъ и особенно блестяще въ трудѣ К. Н. Бестужева-Рюмина («О составѣ русскихъ лѣтописей» 1868 г.). Въ концѣ 1822 года Строевъ вышелъ въ отставку изъ архива Румянцева, ссылаясь на свое нездоровье. Настоящая причина его ухода намъ неизвѣстна: съ архивнымъ кружкомъ онъ остается въ дружескихъ отношеніяхъ, а съ графомъ Румянцевымъ отношенія у него не всегда бывали одинаково хороши.

Въ апрѣлѣ 1823 года Строевъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Это общество учреждено было въ 1804 году для изданія древнихъ лѣтописей, существовало безъ устава и до 1811-го года почти ничѣмъ себя не заявило. Въ 1811 году былъ составленъ уставъ этого общества и въ первомъ послѣ того засѣданіи председателемъ общества былъ выбранъ Платонъ Петровичъ Бекетовъ, а въ числѣ 30 вновь выбранныхъ членовъ былъ и Карамзинъ. Благодаря удачному избранію председателя дѣла общества пошли блестяще: Тимофеевъ работалъ для изданія лѣтописи Нестора; положено было начало повременному изданію «Трудовъ» общества; Калайдовичъ составлялъ первую часть «Русскихъ Достопамятностей» (сборника историческихъ матеріаловъ). Но съ 1816 г. дѣла пошли хуже, а въ 1818

и 1819-мъ годахъ не было ни одного засѣданія. Въ 1820-мъ году Бекетовъ отказался отъ должности предсѣдателя и три года, т. е. до 1823 года, общество существовало только номинально. Въ 1823 году предсѣдателемъ былъ избранъ нѣкто Писаревъ и 14 новыхъ членовъ, въ числѣ коихъ былъ выбранъ и 27-лѣтній Строевъ. Въ засѣданіи Общества 14 іюля 1823 года Строевъ выступилъ съ грандіознымъ проектомъ. По поводу своего выбора онъ сказалъ блестящую рѣчь, въ которой благодарилъ за избраніе, указавъ, что цѣль общества—изданіе рукописей—слишкомъ узка, и предложилъ замѣнить ее разборомъ и изданіемъ всѣхъ вообще историческихъ памятниковъ, какими Общество будетъ имѣть возможность располагать: «Общество должно», говорилъ Строевъ, «извлечь, привести въ извѣстность и если не само обработать, то доставить другимъ средства обработывать, всѣ письменные памятники нашей исторіи и древней словесности». Пусть цѣлая Россія, говорилъ онъ, превратится въ одну бібліотеку, намъ доступную. Не сотнями извѣстныхъ рукописей должны мы ограничить наши занятія, но безчисленнымъ множествомъ ихъ: въ монастыряхъ и соборахъ, хранящихся, никѣмъ не хранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ, въ архивахъ, кои нещадно опустошаютъ время и нерадивое невѣжество, въ кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда груды древнихъ книгъ и свитковъ, кажется, снесены для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истребить ихъ удобнѣе и скорѣе! Строевъ, словомъ, предлагалъ обществу привести въ наличность всю письменную старину, какою располагали провинціальныя бібліотеки и предлагалъ для достижения этой цѣли послать ученую экспедицію, чтобы описать провинціальныя книгохранилища. Пробная поѣздка этой экспедиціи должна была быть совершена по проекту Строева въ Новгородъ, гдѣ слѣдовало разобрать находившуюся въ Софійскомъ соборѣ бібліотеку. Далѣе, экспедиція должна была совершить свою первую или *сѣверную* поѣздку, въ районъ которой входили по плану Строева 10 губерній (Новгородская, Петербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская, Костромская, Ярославская, Тверская). Эта поѣздка должна была занять два слишкомъ года и дать какъ надѣялся Строевъ, блестящіе результаты, «богатую жатву потому что на сѣверѣ много монастырей съ бібліотеками, тамъ жили и живутъ старообрядцы, которые очень внимательно относятся къ рукописной старинѣ; а затѣмъ на сѣверѣ меньше всего было непріятельскихъ погромовъ. Вторая или *средняя* поѣздка, по проекту Строева, должна была занять два года времени и охватить среднюю полосу Россіи (губерніи: Московскую, Владимірскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую и Псковскую). Третья или *западная* поѣздка должна была направиться въ юго-западную Россію (9 губерній: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую, Кіевскую, Харьковскую, Черниговскую, Курскую и Орловскую) и потребовала бы годъ времени. Этими поѣздками Строевъ надѣялся достигъ систематическаго описанія всего историческаго матеріала въ провинціи преимущественно въ бібліотекахъ духовныхъ. Издержки онъ опредѣлялъ въ суммѣ 7000 р. въ годъ. Всѣ

составленные экспедиціей описанія онъ предполагалъ слить въ одну общую роспись лѣтописнаго и историко-юридическаго матеріала и предлагалъ Обществу издавать потомъ историческіе памятники по лучшимъ изъ описанныхъ экспедиціей редакцій, а не по случайнымъ спискамъ, какъ это дѣлалось до того времени.

Рисую такія привлекательныя перспективы, Строевъ искусно доказывалъ возможность исполненія своего проекта и настаивалъ на его привіятіи. Рѣчь свою онъ закончилъ хвалою Румянцеву, благодаря которому онъ могъ приобрести навыкъ и опытъ въ археографическомъ дѣлѣ. Конечно, Румянцевскія экспедиціи 1817—20-го года заставили Строева размечтаться о той грандіозной экспедиціи, какую онъ предлагалъ.

Общество, въ своемъ большинствѣ, приняло рѣчь Строева за смѣлую мечту молодого ума и въ цѣломъ она потерпѣла фіаско... Общество дало Строеву средства для обозрѣнія одной лишь Новгородской Софійской бібліотеки, которая и была имъ описана. Рѣчь Строева даже не была напечатана въ журналѣ общества, а появилась въ «Сѣверномъ Архивѣ». Ее прочли и забыли. Самъ Строевъ занимался въ то время исторіей Донскаго Казачества и составилъ свой извѣстный «Ключъ къ исторіи государства Россійскаго» Карамзина; писалъ въ журналахъ, поступилъ бібліотекаремъ къ графу Ѳ. А. Толстому; вмѣстѣ съ Калайдовичемъ составилъ каталогъ богатаго собранія рукописей графа Толстого, нынѣ находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ и издалъ въ свѣтъ. Труды Строева были замѣчены Академіей Наукъ, и она въ 1826 году дала ему званіе своего корреспондента. Среди своихъ послѣднихъ трудовъ Строевъ какъ будто забылъ о своей рѣчи: на самомъ дѣлѣ оказалось не такъ. По преданію, Великая княгиня Марія Павловна съ большимъ участіемъ отнеслась къ рѣчи Строева, которую она прочитала въ «Сѣверномъ Архивѣ», и это участіе, какъ говорятъ, побудило Строева обратиться съ письмомъ къ президенту Академіи Наукъ *графу С. С. Уварову*. Въ этомъ письмѣ онъ развиваетъ тѣ же планы, которые онъ развивалъ и въ обществѣ, предлагаетъ себя, какъ опытнаго археографа, для археографическихъ поѣздокъ и сообщаетъ подробный планъ практическаго исполненія предполагаемаго имъ дѣла. Уваровъ передалъ письмо Строева въ академію, академія же своему члену Кругу поручила его разборъ и оцѣнку. 21-го мая 1828 года, благодаря прекрасному отзыву Круга, важное дѣло было рѣшено. Академія, признавая, что археографическая экспедиція есть «священная обязанность, отъ которой первое ученое заведеніе Имперіи не можетъ уклониться, не подвергаясь справедливымъ упрекамъ въ равнодушіи», рѣшила отправить Строева въ путешествіе, ассигновавъ ему 10 тыс. руб. ассигнаціями. Археографическая экспедиція была такимъ образомъ учреждена. Выборъ помощниковъ для археографической экспедиціи былъ предоставленъ самому Строеву. Онъ выбралъ двухъ чиновниковъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ и заключилъ съ ними очень любопытное условіе, гдѣ между прочимъ писалъ слѣдующее: «экспедицію ожидаютъ не забавы различныя, но труды, трудности и лишенія всякаго рода. Поэтому

спутники мои должны одушевиться терпѣніемъ и готовностью переносить все тяжкое и непріятное, да не овладѣютъ ими малодушіе, нерѣшительность, ропотъ!...» Далѣе онъ предупреждаетъ своихъ помощниковъ, что имъ часто придется имѣть дурную квартиру, телѣгу вмѣсто рессорнаго экипажа, не всегда чай и т. п. Строевъ, очевидно, зналъ, въ какой обстановкѣ будетъ онъ трудиться, и сознательно шелъ на встрѣчу лишеніямъ. Первые же его спутники, испытавъ трудности дѣла, черезъ полгода отъ него отказались.

Приготовивъ все для поѣздки, запасшись оффиціальными бумагами, которыя должны были открыть ему входъ во всѣ архивы, Строевъ 15-го мая 1829 года выѣхалъ изъ Москвы къ берегамъ Бѣлаго моря. Слишкомъ долго было бы излагать любопытнѣйшія подробности этой экспедиціи. Лишенія, трудности сообщеній и самой работы, убійственныя гигиеническія условія жизни и труда, болѣзни, подчасъ недоброжелательства и подозрительность невѣжественныхъ хранителей архивовъ и библиотекъ,—все это стоически вынесъ Строевъ. Всего себя отдавалъ онъ работѣ, часто удивительно трудной и сухой, и лишь изрѣдка, пользуясь отпусками, для отдыха на какой-нибудь мѣсяць, возвращался къ своей семьѣ. Утѣшительно то, что въ этихъ трудахъ онъ нашелъ себѣ достойнаго помощника въ лицѣ *Як. Ив. Беренникова*, которымъ онъ въ 1830 году и замѣнилъ прежнихъ чиновниковъ. Энергія этихъ двухъ труженниковъ достигла чудесныхъ результатовъ; пять съ половиною лѣтъ трудились они, извѣдавъ всю сѣверную и среднюю Россію, осмотрѣли болѣе 200 библиотекъ и архивовъ, списали до 3,000 историко-юридическихъ документовъ, относящихся къ XIV, XV, XVI и XVII в. обследовали массу памятниковъ лѣтописнаго и литературнаго характера. Собранный ими матеріалъ, будучи переписанъ, занялъ 10 огромныхъ фоліантовъ, а въ ихъ черновыхъ портфеляхъ осталась масса справокъ, выписокъ и указаній, которыя позволяли Строеву составить два грандіозныхъ труда, появившихся въ печати ужъ послѣ его смерти. Это: 1) «*Списки Герарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви*», всѣхъ, которыхъ помнитъ исторія (вышли въ 1877 году) и 2) «*Библиологическій словарь или алфавитный перечень всѣхъ рукописей историческаго и литературнаго содержанія*, какія только Строевъ видѣлъ на своемъ вѣку (напечатанъ въ 1882 году въ XXIX томѣ «Сборника отдѣл. рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ»).

За путешествіемъ Строева слѣдила вся образованная Россія. Ученые обращались къ нему, прося выписокъ, указаній и справокъ. *Сперанскій*, готовя тогда въ печать «*Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи*» (вѣрнѣе, указовъ съ 1649 по 1825 г.) обращался къ Строеву за помощью въ собираніи этихъ указовъ. Ежегодно 29-го декабря въ день годичнаго засѣданія Академіи Наукъ между прочимъ читались отчеты и о дѣйствіяхъ археографической экспедиціи. Свѣдѣнія о ней помѣщались въ журналахъ. Императоръ Николай прочитывалъ «отъ доски до доски» большіе томы переписанныхъ на-бѣло актовъ, собранныхъ экспедиціею.

Въ концѣ 1834 года Строевъ былъ близокъ къ окончанію своего

дѣла. Сѣверная и средняя поѣздки его были окончены. Оставалась самая меньшая—западная, т. е. Малороссія, Волынь, Литва и Бѣлороссія. Въ своемъ отчетѣ академіи за 1834 годъ Строевъ съ торжествомъ заявлялъ объ этомъ и, перечисляя результаты археографической экспедиціи за все время ея существованія, говорилъ: «Отъ благоусмотрѣнія Императорской Академіи Наукъ зависитъ: а) продолжить археографическую экспедицію въ остальныхъ областяхъ Имперіи, дабы утвердить рѣшительно: «болѣе сего нѣтъ» т. е. нѣтъ неизвѣстнаго матеріала, или б) начать печатаніе актовъ историко-юридическихъ, почти приготовленныхъ, и собраніе разныхъ писаній (т. е. лѣтописныхъ) по моимъ указаніямъ...» Этотъ отчетъ Строева читался въ торжественномъ собраніи академіи 29 декабря 1834 г. и почти въ тотъ же день Строевъ узналъ, что волей начальства (не академіи) археографическая экспедиція прекратила свое существованіе, что для разбора и изданія добытыхъ Строевымъ актовъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія учреждена *Археографическая коммисія* подъ предсѣдательствомъ директора Департамента Народнаго Просвѣщенія князя *Щиринскаго-Шахматова*. Строевъ же былъ назначенъ простымъ членомъ этой коммисіи наравнѣ съ своимъ прежнимъ помощникомъ Бередниковымъ и еще двумя лицами, къ экспедиціи вовсе не причастными. Учрежденіемъ коммисіи, скоро превратившейся въ постоянную (она существуетъ и до сихъ поръ) начинается новая эра въ изданіи памятниковъ нашей старины.

Тяжело было Строеву видѣть дорогое дѣло въ чужомъ распоряженіи, поэтому онъ скоро выходитъ изъ коммисіи, поселяется въ Москвѣ, но невольнo сохраняетъ съ членами коммисіи живыя сношенія. На первыхъ порахъ коммисія много зависела отъ него въ своей научной дѣятельности. Для нея онъ продолжаетъ работать до конца жизни. Съ 1839 г. живя въ Москвѣ, онъ снова принимаетъ званіе члена коммисіи и разрабатываетъ для нея московскіе архивы. Здѣсь подъ его руководствомъ начинаютъ свои труды нынѣ всѣмъ извѣстные *И. Е. Забѣлинъ* и *Н. В. Калачевъ*. Въ это-же время Строевъ продолжаетъ трудиться и для Общества исторіи и древностей: описываетъ между прочимъ бібліотеку Общества и издаетъ это описаніе. Изъ прочихъ его изданій заслуживаютъ большаго вниманія такъ называемыя: «*Выходы государей царей Михаила Теодоровича, Алекся Михайловича и Теодора Алексѣевича*» (дворцовые дневники) и «*Записки майора Данилова*», любопытнѣйшія памятники культуры XVIII в. До самой смерти Строевъ неустанно дополнял и отдѣлывалъ свой любимый трудъ «*Списки Герарховъ*». Скончался онъ 5 января 1876 года, восьмидесяти лѣтъ.

Археографическая коммисія, которая была учреждена сначала съ временною цѣлью изданія найденныхъ Строевымъ актовъ, стала, съ 1837 года, какъ мы упомянули, *постоянной* коммисіей для разбора и изданія историческаго матеріала вообще. Дѣятельность ея выразилась за все время ея существованія многочисленными изданіями, изъ которыхъ необходимо указать главнѣйшія. Въ 1836 г. издана она четырьмя первыми своихъ фолианта подъ заглавіемъ: «*Акты, собранные въ бібліотекѣ и архивахъ Россійской Имперіи Археографической экспедиціей Император-*

ской Академіи Наукъ». (Въ просторѣчїи изданіе это носитъ названіе «Актовъ Экспедиціи», а въ ученыхъ ссылкахъ означается буквами А. Э.). Въ 1838 году явились «*Акты юридическіе или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства*» (одинъ томъ). Въ этомъ изданіи помѣщены акты частнаго быта до XVIII в. Въ 1841 и 1842 году вышли пять томовъ «*Актовъ историческихъ, собранныхъ и изданныхъ Археологической комиссіей*» (1-й т. акты до XVII-го вѣка, отъ II-го—V-го томовъ—акты XVII-го вѣка. Затѣмъ стали выходить «*Дополненія къ актамъ историческимъ*» (всего XII томовъ, заключающихъ документы отъ XII—XVIII-го вѣковъ). Съ 1846 года комиссія принялась за систематическое изданіе «*Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*». Довольно скоро успѣла она выпустить восемь томовъ (I-й томъ *Лаврентьевская лѣтопись*, II-й *Ипатьевская лѣтопись*, III и IV *Новгородская лѣтопись*, конецъ IV и V т. *Псковская*, VI-й—*Соборійскій Временникъ*, VII и VIII—*Воскресенская лѣтопись*). Затѣмъ изданіе нѣсколько замедлилось и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ вышли томы IX и X-й, а затѣмъ XV-й томъ заключающей *Тверскую лѣтопись*, и XVI-й томъ («*Лѣтопись Авраамія*»).

Весь этотъ матеріалъ, громадный по числу и по важности документовъ, оживилъ нашу науку. Исключительно почти на немъ основывались многія монографіи (напр., прекрасные труды *Соловьева и Чичерина*), уяснились вопросы древняго общественнаго быта, стала возможна разработка многихъ частныхъ древней жизни.

Послѣ своихъ первыхъ монументальныхъ трудовъ комиссія продолжала дѣятельно работать. До сихъ поръ ею выпущено болѣе сорока изданій; изъ нихъ нѣкоторые заключаютъ въ себѣ болѣе 10-ти томовъ. Наибольшее значеніе сверхъ уже названныхъ имѣютъ: 1) «*Акты, относящіяся къ исторіи Западной Россіи*» 5 томовъ, 2) «*Акты, относящіяся къ исторіи Западной и Южной Россіи*» (15 томовъ), 3) «*Акты, относящіяся до юридическаго быта древней Россіи*» (3 тома), 4) «*Русская Историческая бібліотека*» (13 томовъ), 5) «*Великія Минеи Четвы митрополита Макарія*» (6 выпусковъ), 6) «*Писцовыя книги*» Новгородскія и Ижорскія XVII вѣка, 7) «*Акты на иностранныхъ языкахъ, относящіяся къ Россіи*» (3 тома съ дополненіемъ), 8) «*Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи*» (*Regum Rossicarum scriptores exteri*) 2 тома и т. д.

По образцу главной Археологической Комиссіи возникли такія же въ *Кіевѣ* и *Вильнѣ* — какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не успѣлъ побывать Строевъ. Онѣ занимаютъ изданіями и изслѣдованіями мѣстнаго матеріала и сдѣлали уже очень много. Особенно успѣшно идетъ дѣло въ *Кіевѣ*.

Помимо изданій археологическихъ комиссій, мы располагаемъ еще цѣлымъ рядомъ казенныхъ изданій. Второе отдѣленіе канцеляріи Его Величества не ограничило изданіемъ «*Полнаго Собранія законовъ Россійской Имперіи*» (Законы отъ 1649 года до настоящаго времени), оно издало еще «*Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго Государства съ Европой*» (9 томовъ), «*Дворцовыя разряды*» (5 томовъ) и «*Книги разрядныя*» (2 тома). Рядомъ съ казенной развернулась и частная дѣятельность по изданію древнихъ памятниковъ. Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое во

времена Строева едва влачило свое существованіе, ожило и постоянно заявляет о себѣ новыми изданиями. Послѣ «чтеній въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей», редактированныхъ *Бодянскимъ*, оно издавало подъ редакціей И. Д. Бѣляева: «*Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей*» (26 книгъ, заключающихъ богатый матеріалъ: изслѣдованія и цѣлый рядъ документовъ). Въ 1858 году секретаремъ Общества былъ вновь избранъ Бодянский, который сталъ издавать попрежнему «Чтенія», вмѣсто «Временника» Бѣляева. Послѣ Бодянскаго секретаремъ былъ избранъ въ 1871 г. *А. Н. Поповъ*, а послѣ смерти его въ 1881 г. *Е. В. Барсовъ*, при которыхъ и продолжаютъ тѣ же «Чтенія». Издавали и издають свои труды и Археологическія Общества: *Петербургское* (основано въ 1846 г.) и *Московское* (основано въ 1874 г.). Занималось и занимается археологіей и Исторіей Географическое Общество (въ Петербургѣ съ 1846 г.). Изъ его изданій для насъ интересны въ особенности «*Писцовыя книги*» (2 тома подъ редакціей Н. В. Калачева). Съ 1866 года работаетъ (преимущественно надъ исторіей XVIII в.) Императорское *Русское Историческое Общество*, которое успѣло издать уже до сотни томовъ своего «Сборника». Ученныя Историческія Общества начинаютъ основываться и въ провинціи, напримѣръ: Одесское общество Исторіи и Древностей, Губернскія ученые архивныя комиссіи. Проявляется и дѣятельность отдѣльных лицъ: частныя сборники *Мушанова*, *Оболенскаго*, *Бедотова-Чесовскаго* и др. заключаютъ въ себѣ очень цѣнные матеріалы. Съ 30-хъ и 40-хъ годовъ въ нашихъ журналахъ начинаютъ печататься матеріалы для исторіи, являются даже журналы, специально посвященные исторіи, напримѣръ: *Русскій Архивъ*, *Русская Старина* и др.

Перейдемъ къ характеристикѣ *отдѣльных видовъ* историческаго матеріала и прежде всего остановимся на источникахъ *лѣтописнаго типа* и въ частности на *лѣтописи*, такъ какъ ей главнымъ образомъ мы обязаны знакомствомъ съ древнѣйшей исторіей Руси. Но для того, чтобы изучать лѣтописную литературу, надобно знать употребительныя въ ней термины. Въ наукѣ «лѣтописью» называется погодный рассказъ о событіяхъ, мѣстами краткій, мѣстами болѣе подробный, всегда съ точнымъ указаніемъ лѣтъ. Лѣтописи наши сохранились въ огромномъ количествѣ экземпляровъ или *стисковъ* XIV—XVIII вв. По мѣсту и времени составленія и по содержанію лѣтописи дѣлятся на *разряды*, (есть Новгородскіе, суздальскіе, Кіевскіе, Московскіе). Списки лѣтописи одного разряда разнятся между собою не только въ словахъ и выраженіяхъ, но даже и въ самомъ выборѣ извѣстій и часто въ одномъ изъ списковъ извѣстнаго разряда есть событіе, котораго нѣтъ въ другомъ; вслѣдствіе этого списки дѣлятся на *редакціи* или *изводы*. Различія въ спискахъ одного разряда и навели нашихъ историковъ на мысль, что лѣтописи наши суть сборники и что ихъ первоначальныя источники не дошли до насъ въ чистомъ видѣ. Впервые эта мысль была выражена П. М. Строевымъ въ его предисловіи къ «Софійскому Временнику». Дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями привело окончательно къ убѣжденію, что лѣтописи, которыя намъ извѣстны

представляютъ *сводъ* извѣстій и сказаній, компиляція изъ нѣсколькихъ трудовъ. И теперь въ наукѣ господствуетъ мнѣнiе, что даже самыя древнѣйшiя лѣтописи суть компилятивныя своды. Таеъ лѣтопись Нестора есть *сводъ* XII-го вѣка, Суздальская лѣтопись—*сводъ* XIV вѣка, Московскiя—*сводъ* XVI и XVII вв. и т. д.

Знакомство съ лѣтописной литературой начнемъ съ такъ называемой лѣтописи Нестора, которая начинается съ разсказа о разселенiи племени послѣ потопа, а кончается около 1110 года, Заглавiе ея таково: „*Се повѣсти временныхъ лѣтъ* (въ иныхъ спискахъ—прибавлено: *черноризца Феодосѣева Печерскаго монастыря откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кiевѣ нача первые княжити, и откуда Русская земля стала есть*“). Такимъ образомъ по заглавию мы видимъ, что авторъ общаеъ сказать только слѣдующее: кто первый сталъ княжить въ Кiевѣ и откуда произошла русская земля. Самая исторiя этой земли не общена и между тѣмъ она ведется до 1110 года. Послѣ этого года мы читаемъ въ лѣтописи слѣдующую приписку: «*Игуменъ Сильвестръ Святою Михаило написалъ книги си лѣтописецъ, надѣясь отъ Бога милость прiяти, при князѣ Володимирѣ, княжащю ему въ Кiевѣ, а мнѣ то время игумянщю у Св. Михаила въ 6624 индикта 9 лѣта*» (т. е. въ 1116 году). Такимъ образомъ выходитъ что авторомъ лѣтописнаго свода былъ Сильвестръ, по другимъ же даннымъ не Сильвестръ, игуменъ Выдубецкаго монастыря, написалъ лѣтопись извѣстную подъ названiемъ «*Повѣсти временныхъ лѣтъ*», а монахъ Печерскаго монастыря *Несторъ*; еще Татищевъ приписывалъ ее Нестору. Въ древнемъ «*Патерикѣ Печерскомъ*» мы читаемъ разсказъ о томъ, что Несторъ пришелъ къ Феодосiю 17-ти лѣтъ въ монастырь, былъ имъ постриженъ, писалъ лѣтопись и умеръ въ монастырѣ. Въ лѣтописи же подъ 1051 г. въ разсказѣ о Феодосiи лѣтописецъ говоритъ о себѣ: «*къ нему же (Феодосiю) и азъ придогъ худый и прiять мя лѣтъ ми сущу семнадцати*». Далѣе подъ 1074 годомъ лѣтописецъ передаетъ разсказъ о великихъ подвижникахъ *Печерскихъ* и по поводу ихъ подвиговъ говоритъ, что многое онъ слышалъ отъ монаховъ, а другое «*и самовидецъ быхъ*». Подъ 1091 годомъ лѣтописецъ отъ своего лица разсказываетъ о томъ, какъ при немъ и даже его участiемъ Печерская братiя перенесла на новое мѣсто мощи св. Феодосiя; въ разсказѣ этомъ лѣтописецъ называетъ себя «*работъ и ученикомъ*» Феодосiя. Подъ 1093 г. слѣдуетъ разсказъ о нападении половцевъ на Кiевъ и о взятiи ими Печерскаго монастыря, разсказъ, пѣликомъ веденный въ 1-омъ лицѣ, затѣмъ подъ 1110 годомъ мы находимъ вышеприведенную приписку Сильвестра игумена не Печерскаго, а Выдубецкаго монастыря.

На томъ основанiи, что авторъ лѣтописи говоритъ о себѣ, какъ о Печерскомъ монахѣ и въ виду того, что извѣстiя, постороннiя лѣтописи, называютъ въ Печерскомъ монастырѣ лѣтописцемъ монаха Нестора, Татищевъ такъ увѣренно приписывалъ лѣтопись до 1110 г. Нестору,—а Сильвестра считалъ только переписчикомъ лѣтописи. Мнѣнiе Татищева встрѣтило поддержку въ *Карамзинѣ*, но съ тою лишь разницею, что первый думалъ, что Несторъ довелъ лѣтопись только

до 1093 года, а второй, что до 1110-го. Такимъ образомъ вполнѣ установилось мнѣніе, что лѣтопись принадлежала перу одного лица изъ Печерской братіи, составлявшаго ее вполнѣ самостоятельно. Но Строевъ, при описаніи рукописей графа Толстого, открылъ греческую хронику Георгія Мниха (Амартола), которая мѣстами оказалась дословно схожею со введеніемъ къ лѣтописи Нестора. Такой фактъ освѣтилъ этотъ вопросъ съ совершенно новой стороны, явилась возможность указать и изучить *источники* лѣтописи. Строевъ первый и намекнулъ, что *лѣтопись есть ничто иное, какъ сводъ разнаго историко-литературнаго матеріала*. Авторъ ея дѣйствительно сводилъ и греческія хроники и русскій матеріалъ: краткія монастырскія записи, народныя преданія и т. д. Мысль, что лѣтопись есть компилятивный сборникъ, должна была вызвать новыя изысканія. Многіе историки занялись изслѣдованіемъ достовѣрности и состава лѣтописи. Этому вопросу посвящали свои ученые статьи и *Коченовскій*. Онъ пришелъ къ тому выводу, что первоначальная лѣтопись составлена не Несторомъ и вообще намъ не извѣстна. Извѣстныя намъ лѣтописи, по словамъ Каченовскаго, суть, «сборники XIII или даже XIV столѣтія, коихъ источники большею частію намъ неизвѣстны». Несторъ, по своему образованію, живя въ эпоху общей грубости, не могъ составить ничего подобнаго, дошедшей до насъ обширной лѣтописи; ему могли принадлежать только тѣ вставленныя въ лѣтопись «монастырскія записки», въ которыхъ онъ, какъ очевидецъ повѣствуетъ о жизни своего монастыря въ XI вѣкѣ и говоритъ о самомъ себѣ. Мнѣнія Каченовскаго вызвали основательныя возраженія со стороны *Погодина*. (см. «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи» Погодина, т. I, М. 1846). Погодинъ утверждаетъ, что если мы не сомнѣваемся въ достовѣрности лѣтописи, начиная съ XIV вѣка, то не имѣемъ основанія сомнѣваться и въ показаніяхъ лѣтописи о первыхъ вѣкахъ. Идя отъ достовѣрности позднѣйшаго разсказа лѣтописи, Погодинъ восходитъ все въ большую и большую древность и доказываетъ, что и въ древнѣйшіе вѣка лѣтопись совершенно вѣрно изображаетъ событія и состоянія гражданственности. Скептическіе взгляды на лѣтопись Каченовскаго и его учениковъ вызвали въ защиту лѣтописи книгу *Буткова* («Оборона лѣтописи русской» М. 1840) и статьи *Кубарева* («Несторъ» и о «Патерикѣ Печерскомъ»). Трудami этихъ трехъ лицъ: Погодина, Буткова и Кубарева, окончательна утверждена была въ 40-хъ годахъ мысль, что именно Нестору, жившему въ XI вѣкѣ, принадлежатъ древнѣйшій лѣтописный сводъ. Но въ 50-хъ годахъ это убѣжденіе стало колебаться. Трудami *И. С. Казанскаго* (статия во *Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*) *Срезневскаго* («Чтенія о древн. русск. лѣтописяхъ»), *Сухомянова* («О древ. русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ»), *Бестужева-Рюмина* («О составѣ древнерусскихъ лѣтописей до XIV в.») и другихъ—вопросъ о лѣтописи Нестора былъ поставленъ иначе: къ изслѣдованію ея были привлечены новые историко-литературные матеріалы (несомнѣнно принадлежація Нестору житія святыхъ) и приложены новые приемы. Компилятивный, сводный характеръ лѣтописи былъ установленъ вполнѣ,

источники свода были указаны очень определенно; сличеніе трудовъ Нестора съ показаніями лѣтописи обнаружило противорѣчія. Вопросъ о роли Сильвестра, какъ собирателя лѣтописнаго свода, сталъ серьезнѣе, чѣмъ былъ раньше. Въ настоящее время первоначальную лѣтопись ученые представляютъ себѣ, какъ сводъ нѣсколькихъ литературныхъ произведеній, составленныхъ разными лицами, въ разное время изъ разнообразныхъ источниковъ. Эти литературныя произведенія въ началѣ XII вѣка были соединены въ одинъ литературный памятникъ, быть можетъ, тѣмъ самымъ Сильвестромъ, который подписалъ свое имя. Внимательное изученіе первоначальной лѣтописи позволило намъ дѣлать въ ней слѣдующія составныя части или, точнѣе, слѣдующія самостоятельныя литературныя произведенія: во 1-хъ, собственно «Повѣсти временныхъ лѣтъ»—рассказъ о расселеніи племенъ послѣ потопа, о происхожденіи и расселеніи племенъ славянскихъ, о дѣленіи славянъ русскихъ на племена, о первоначальномъ бытѣ русскихъ славянъ и о водвореніи на Руси варяжскихъ князей (только етъ этой первой части лѣтописнаго свода и можетъ относиться заглавіе этой, приведенное выше: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ и проч.»); во 2-хъ, обширный рассказъ о крещеніи Руси, составленный неизвѣстнымъ авторомъ, вѣроятно, въ началѣ XI вѣка, и, въ 3-хъ, лѣтопись о событіяхъ XI вѣка, которую приличнѣе всего называть *Кіевскою* первоначальною лѣтописью. Въ составѣ этихъ трехъ произведеній, образовавшихъ сводъ и особенно въ составѣ перваго и третьяго изъ нихъ, можно замѣтить слѣды другихъ, болѣе мелкихъ литературныхъ произведеній, «отдѣльныхъ сказаній» и такимъ образомъ можно сказать, что нашъ древній лѣтописный сводъ есть компиляція, составленная изъ компиляцій,—настолько сложенъ его внутренній составъ.

Знакомясь съ извѣстіями *Лаврентьевскаго* списка, древнѣйшаго изъ тѣхъ, которые содержатъ въ себѣ такъ назыв. Несторову лѣтопись (онъ написанъ монахомъ Лаврентіемъ въ Суздалѣ въ 1377 г.), мы замѣчаемъ, что за 1110 годомъ, за лѣтописью первоначальной, въ Лаврентьевскомъ спискѣ идутъ извѣстія, по преимуществу, относящіяся къ сѣверо-восточной *Суздальской* Руси, значить, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ *лѣтописью мѣстною*. *Ипатьевскій списокъ* (XIV—XV в.) за первоначальной лѣтописью даетъ намъ очень подробный рассказъ о событіяхъ *Кіевскихъ*, а затѣмъ вниманіе лѣтописи сосредоточивается на событіяхъ въ *Галичѣ* и *Волынской землѣ*; и здѣсь, стало быть, мы имѣемъ дѣло съ *лѣтописями мѣстными* же лѣтописями. Этихъ мѣстныхъ, областныхъ лѣтописей дошло до насъ очень много. Виднѣйшее мѣсто между ними занимаютъ лѣтописи *Новгородскія* (ихъ нѣсколько редакцій и есть очень цѣнныя) и *Псковскія*, доводящія свой рассказъ до XVI, даже XVII вѣка. Не малое значеніе имѣютъ и лѣтописи *Литовскія*, дошедшія въ разныхъ редакціяхъ и освѣщающія исторію Литвы и соединенной съ нею Руси въ XIV и XV вѣкахъ.

Съ XV вѣка являются попытки собрать въ одно цѣлое историческій матеріалъ, разбросанный въ этихъ мѣстныхъ лѣтописяхъ. Такъ какъ эти попытки совершались въ эпоху Московскаго государства и часто официальными средствами Московскаго правительства, то онѣ

слыгутъ подъ именемъ *Московскихъ сводовъ* или *Московскихъ лѣтописей*, тѣмъ болѣе, что даютъ обильный матеріалъ именно для Московской исторіи. Изъ этихъ попытокъ болѣе ранняя—*Софійскій Временникъ* (двѣ редакціи), который соединяетъ извѣстія *Новгородскихъ* лѣтописей, съ извѣстіями *Кіевской*, *Суздальской* и другихъ мѣстныхъ лѣтописей, дополняя этотъ матеріалъ отдѣльными сказаніями историческаго характера. Софійскій Временникъ относится въ XV вѣку и представляетъ собою чисто внѣшнее соединеніе нѣсколькихъ лѣтописей, соединеніе подъ опредѣленнымъ годомъ всѣхъ относящихся въ этому году данныхъ безъ всякой ихъ переработки. Такой же характеръ простого соединенія матеріала изъ всѣхъ доступныхъ составителямъ лѣтописей имѣетъ *Воскресенская лѣтопись*, возникшая во второй половинѣ XVI вѣка, или же на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ и едва ли не при патриаршемъ Московскомъ дворѣ: люди XVII в. называли эту лѣтопись „лѣтописцемъ патриарха Гермогена“. Воскресенскій сводъ сохранилъ до насъ въ чистомъ видѣ массу цѣнныхъ извѣстій по исторіи удѣльной и московской эпохъ, почему и можетъ быть названъ самымъ богатымъ и надежнымъ источникомъ для изученія XIV—XVI вв. Иной характеръ имѣютъ *Степенная книга* (приписываемая митрополиту Киприану XV в. и митр. Макарію XVI в.) и *Никоновская Лѣтопись* (XVI—XVII в.). Пользуясь тѣмъ же матеріаломъ, какъ и прежде названные своды, эти памятники даютъ намъ этотъ матеріалъ въ переработанномъ видѣ, съ риторикой въ языкѣ, съ извѣстными тенденціями въ освѣщеніи фактовъ. Это—первыя попытки *обработки* историческаго матеріала, вводяція насъ уже въ исторіографію,

Позднѣйшее русское лѣтописаніе пошло въ Московскомъ государствѣ двумя путями. Съ одной стороны оно стало официальнымъ дѣломъ,—при дворѣ Московскомъ записывались погодно дворцовыя и политическія событія (лѣтописи времени Грознаго, напр.: *Александроневская*, *Партовенная книга* и вообще послѣднія части *Московскихъ сводовъ*,—*Никоновскаго*, *Воскресенскаго*, *Львовскаго*), а съ теченіемъ времени и самый типъ лѣтописей сталъ измѣняться, онѣ стали замѣняться, такъ называемыми, разрядными книгами. Съ другой стороны, въ разныхъ мѣстностяхъ Руси стали являться лѣтописи строго мѣстнаго, областного, даже городского характера, въ большинствѣ лишенныхъ значенія для политической исторіи (таковы *Нижегородская*, *Двинская*, *Умичская* и др. таковы до нѣкоторой степени и *Сибирскія*).

Съ XVI вѣка, рядомъ съ лѣтописями, возникаетъ новый видъ историческихъ произведеній: это—*Хронографы* или обзоры исторіи всемірной (точнѣе: библейской, византійской, славянской и русской). Первый хронографъ былъ составленъ въ 1512 году, преимущественно, на основаніи греческихъ источниковъ съ дополнительными свѣдѣніями по русской исторіи. Въ 1616—1617 году былъ составленъ *хронографъ 2-й редакціи*. Это произведеніе интересно въ томъ отношеніи, что болѣе древнія событія изображаетъ на основаніи первой редакціи хронографа, а русскія—начиная съ XVI, XVII вѣковъ, описываетъ за ново, самостоятельно. Авторъ его несомнѣнно обладалъ литературнымъ талантомъ, и кто хочетъ ознакомиться съ древне-русской риторикой въ ея

удачныхъ образцахъ, долженъ прочитать русскія статьи этого хронографа. Въ XVII вѣкѣ московское общество начинаетъ проявлять особенную склонность къ хронографамъ, которые растутъ въ большомъ количествѣ. Погодинъ въ свою бібліотеку собралъ ихъ до 50-ти экземпляровъ; нѣтъ сколько нибудь крупнаго собранія рукописей, гдѣ бы ихъ не считали десятками. Распространенность хронографовъ легко объяснить: краткіе по системѣ изложенія, написанные литературнымъ языкомъ, они давали русскимъ людямъ тѣ же свѣдѣнія, что и лѣтописи, но въ болѣе удобномъ видѣ.

Кромѣ собственно лѣтописей, въ древне-русской письменности можно найти много литературныхъ произведеній, служащихъ источниками для историка. Можно даже сказать, что вся древнерусская литературная письменность должна разсматриваться, какъ историческій источникъ, и часто трудно бываетъ предугадать, изъ какого литературнаго труда историкъ почерпнетъ лучшее разъясненіе интересующаго его вопроса. Такъ, напримѣръ, смыслъ *сословнаго* наименованія Киевской Руси «огнищанинъ» толкуется въ историографіи не только изъ памятниковъ законодательства, но и изъ древняго славянскаго текста поученій св. Григорія Богослова, въ которомъ встрѣчаемъ архаическое рѣченіе «огнище» въ смыслѣ рабы, челядь («грѣдящейся мѣногы огнищи и стады»). Переводы священныхъ книгъ, сдѣланные кн. А. М. Курбскимъ, даютъ матеріалъ для біографіи и характеристики этого знаменитаго дѣятеля XVI вѣка. Но при такомъ значеніи всего историко-литературнаго матеріала нѣкоторые его виды имѣютъ все-таки особенный интересъ для историка: таковы *отдѣльныя сказанія* о лицахъ и фактахъ, носящія на себѣ характеръ то *историческій*, то *публицистическій*. Рядъ историческихъ сказаній цѣликомъ занесенъ въ наши лѣтописные своды; таковы, напримѣръ, сказанія о *креще ии Руси, объ ослѣпленіи князя Василка, о битвѣ на Липицѣ, о Батыевомъ нашествіи, о Куликовской битвѣ* и много другихъ. Въ отдѣльныхъ спискахъ или также въ сборникахъ дошли до насъ любопытныя публицистическія произведенія древней Руси, которыми особенно богатъ былъ XVI вѣкъ; изъ нихъ видное мѣсто занимаетъ «Исторія», написанная кн. А. М. Курбскимъ о Грозномъ; памфлетистическія произведенія такъ называемаго *Иваики Пересеттова*, защитника правительственной системы Грознаго; «*Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа*», бывшаго противникомъ этой системы; «*Весьда Влаамскихъ чудодѣльцевъ*», въ которой видятъ произведеніе боярской среды, недовольной московскими порядками, и т. п. Рядомъ съ публицистикой въ XVI—XVII вв. продолжала существовать и развиваться историческая письменность, выражаясь рядомъ любопытныхъ повѣстей и сказаній, принимавшихъ часто крупныя внѣшніе объемы. Отдѣльнымъ томомъ напечатана въ 1791 году, составленная въ XVI вѣкѣ «*Исторія о Казанскомъ царствѣ*», излагающая исторію Казани и паденіе ея въ 1552 году. Въ XIII томѣ «Русской Исторической Библіотеки» издана цѣлая серія русскихъ *повѣстей о смутномъ времени XVI—XVII вв.*, изъ которыхъ многія давно уже стали извѣстны наслѣдователямъ смуты. Среди десятковъ этихъ повѣстей выдаются: 1) такъ называемое *Иное Сказаніе*, представляющее

собою политическій памфлетъ, вышедшій изъ партіи Шуйскихъ въ 1606 г. 2) *Сказаніе* келаря Троице-Сергіевой Лавры *Авраамія Пампича*, написанное въ окончательномъ видѣ въ 1620 г.; 3) *Временникъ* *Ивана Тимофеева*, малоизвѣстная и очень любопытная хроника смуты, 4) *Повѣсть князя И. Мих. Катирева Ростовскаго* отмѣченная печатью большого литературнаго таланта, 5) *Новый Лѣтописецъ*—попытка фактическаго обзора смутной эпохи и т. д. Къ болѣе поздней эпохѣ относятся сказанія о *взятіи Азова казаками*, описаніе Московскаго государства, сдѣланное *Г. К. Котошичинымъ* въ 60 годахъ XVII вѣка, и, наконецъ, цѣлый рядъ записокъ русскихъ людей (*А. А. Матюева, С. Медовъдева, Желябужскаго* и др.) о времени Петра Великаго. Этими записками открывается безконечный рядъ *мемуаровъ* русскихъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ правительственной дѣятельности и общественной жизни прошлаго и настоящаго столѣтій. Общеизвѣстность нѣкоторыхъ мемуаровъ (*Болотова, Дашковой*) избавляетъ отъ необходимости перечислять виднѣйшіе изъ нихъ.

Рядомъ съ историческими сказаніями въ качествѣ историческаго источника стоятъ сказанія *агиографическія*, или *житія святыхъ и повѣствованія о чудесахъ*. Не только самое житіе святого даетъ иногда цѣнныя историческія показанія объ эпохѣ, въ которую жилъ и дѣйствовалъ святой, но и въ «чудесахъ» святого, приписанныхъ къ житію, историкъ находитъ цѣнныя указанія объ обстоятельствахъ того времени, когда совершались чудеса. Такъ, въ житіи *Стефана Сурожскаго* одно изъ повѣствованій о чудѣ святого даетъ возможность установить существованіе народа *Русь* и его дѣйствія въ Крыму ранѣе 862 года, когда, по лѣтописи, Русь была призвана въ Новгородъ съ *Рюрикомъ*. Безыскусственная форма древнѣйшихъ житій даетъ особенную цѣнность ихъ показаніямъ, но съ XV в. вырабатываются особыя приемы въ писаніи житій, замѣняющіе риторикой фактическую содержительность и искажающіе смыслъ факта въ угоду литературной модѣ. Житія (св. *Сергія Радонежскаго, Стефана Пермскаго*), составленныя въ XV вѣкѣ *Епифаніемъ Премудрымъ*, уже страдаютъ риторикой, хотя и блещутъ литературнымъ талантомъ и силою искренняго чувства. Больше риторики и холодной условности въ житіяхъ, составленныхъ учеными сербами, жившими на Руси въ XV в. *митр. Киприаномъ* и монахомъ *Пахоміемъ Логоветомъ*. Сочиненія ихъ создали на Руси условную форму житійнаго творчества, распространеніе которой замѣтно на житіяхъ XVI и XVII вв. Эта условная форма, подчиняя себѣ содержаніе житій, лишаетъ ихъ показанія свѣжести и точности.

Мы закончимъ перечень историческихъ источниковъ литературнаго типа, если упомянемъ о большомъ числѣ тѣхъ записокъ о Россіи, которыя были въ разные вѣка составлены иностранцами, посѣщавшими Русь. Изъ *сказаній иностранцевъ* замѣтнѣе труды: католика-монаха *Плако Карпини* (XIII вѣкѣ), *Сигизмунда Герберштейна* (начало XVI в.), *Павла Ювія* XVI вѣка), *Геронима Горсея* (XVI вѣка), *Гейденштейна* (XVI вѣка), *Флетчера* (1591), *Маржерета* (XVII вѣка), *Конрада Буссова* (XVII вѣка), *Жолтоскаго* (XVII вѣка), *Олсарія*

(XVII вѣка), *фонъ-Мейербега* (XVII вѣка), *Гордона* (конецъ XVII), *Корба* (конецъ XVII вѣка). Для исторіи XVIII вѣка большое значеніе имѣютъ дипломатическія депеши западно-европейскихъ пословъ при русскомъ дворѣ и безконечный рядъ мемуаровъ иностранцевъ, знакомыхъ съ русскими дѣлами. На ряду съ сочиненіями иностранныхъ писателей, знавшихъ Россію, слѣдуетъ помнить и тотъ иноземный матеріалъ, которымъ пользуются историки при изученіи первыхъ страницъ исторіи славянъ и Руси. Начало нашей исторической жизни нельзя, напримѣръ, изучать безъ знакомства съ *арабскими писателями* (IX—X вв. и позднѣе), знавшими хазаръ, русь и вообще народы, обитавшіе на нашей равнинѣ; одинаково необходимо пользоваться сочиненіями и *византийскими писателями*, хорошее знакомство съ которыми въ послѣднее время даетъ особенные результаты въ трудахъ В. Г. Васильевского, Ѳ. И. Успенскаго и другихъ нашихъ византинистовъ. Наконецъ, свѣдѣнія о славянахъ и руссахъ находятся у средне-вѣковыхъ писателей западно-европейскихъ и польскихъ: готскаго историка *Иорнанда* (VI вѣка), польскихъ *Мартина Галла* (XII вѣка) *Яна Длугоша* (XV вѣка и другихъ).

Перейдемъ къ *памятникамъ юридическаго характера*, къ памятникамъ правительственной дѣятельности и гражданскаго обществія. Этотъ матеріалъ обыкновенно зовется *актами* и *грамотами* и во множествѣ хранится въ правительственныхъ *архивахъ* (изъ которыхъ замѣчательны: въ Москвѣ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Архивъ Министерства Юстиціи, въ Петербургѣ Архивы Государственный и Сенатскій, наконецъ, Архивы въ Вильнѣ, Витебскѣ и Кіевѣ). Чтобы освоиться съ архивнымъ матеріаломъ, слѣдуетъ его по возможности точно классифицировать, но памятниковъ юридическаго характера до насъ дошло такъ много и они такъ разнообразны, что это довольно трудно сдѣлать. Мы можемъ отмѣтить только главные виды: 1) *Государственные акты*, т. е. всѣ документы, которые касаются важнѣйшихъ сторонъ государственной жизни, напримѣръ *договоры*. Памятники этого рода сохранились у насъ отъ самаго начала нашей исторіи, это—замѣчательные договоры съ греками Олега и послѣдующихъ князей. Далѣе, рядъ между—княжескихъ договоровъ дошелъ до насъ отъ XIV—XVI вѣковъ. Въ этихъ договорахъ опредѣляются политическія отношенія древнерусскихъ князей. Рядомъ съ договорными грамотами надо поставить грамоты *душевные*, т. е. духовныя завѣщанія князей. До насъ, напримѣръ, дошли два духовныхъ завѣщанія Ивана Калиты. Первое написано передъ поѣздкой въ орду, второе передъ смертью. Въ нихъ онъ дѣлитъ свое имущество между сыновьями и поэтому перечисляетъ его; такимъ образомъ, душевная грамота является подробнѣйшимъ перечнемъ земельныхъ владѣній и имущества русскихъ князей и съ этой точки зрѣнія представляетъ весьма цѣнный историческій и географическій матеріалъ. За душевными грамотами упомянемъ *грамоты избирательныя*. Первая изъ нихъ относится къ избранію Бориса Годунова на Московскій престолъ, ея составленіе приписываютъ патри-

арху Іову; вторая — къ избранію Михаила Ѳедоровича Романова. Наконецъ, къ государственнымъ актамъ должны быть отнесены *памятники древнерусскаго законодательства*. Къ нимъ прежде всего слѣдуетъ отнести *Русскую Правду*, поскольку ее можно признавать актомъ *правительственной дѣятельности*, а не частнымъ сборникомъ. Затѣмъ сюда же относятся *Судныя грамоты* Новгорода и Пскова, утвержденныя вѣчемъ; онѣ заключаютъ рядъ постановленій по судебнымъ дѣламъ. Такимъ же характеромъ отличается и *Судебникъ Ивана III-го* 1497 года (называемый *первымъ* или *княжескимъ*). Въ 1550 году за этимъ Судебникомъ послѣдовалъ второй или *царскій Судебникъ Ивана Грознаго*, болѣе полный, а чрезъ 100 лѣтъ послѣ него, въ 1648 — 1649 годовъ было составлено *Соборное Уложение* царя Алексѣя Михайловича, которое, сравнительно, было уже очень полнымъ кодексомъ дѣйствовавшаго тогда права. Рядомъ съ сборниками свѣтскаго законодательства дѣйствовали въ сферѣ церковнаго суда и администраціи сборники законодательства церковнаго (*Кормчая книга* или *Номоканонъ* и др.); эти сборники составлены были въ Византіи, но въ теченіи вѣковъ понемногу приравнивались къ особенностямъ русской жизни. 2) Вторымъ видомъ историко-юридическаго матеріала являются *административныя грамоты*: это — отдѣльныя правительственныя распоряженія, даваемыя или на частные случаи административной практики, или отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ для того, чтобы опредѣлить отношенія этихъ лицъ и общинъ къ власти. Изъ такихъ грамотъ нѣкоторыя имѣли довольно широкое содержаніе, — на примѣръ, грамоты *установля* и *убныхъ*, опредѣлявшія порядокъ самоуправленія цѣлыхъ волостей. Въ большинствѣ же это отдѣльныя распоряженія правительства по текущимъ дѣламъ. Въ Московскомъ государствѣ законодательство развивалось именно путемъ накопленія отдѣльныхъ законоположеній, изъ которыхъ каждое, возникая по поводу частнаго случая, обращалось затѣмъ въ прецедентъ для всѣхъ подобныхъ случаевъ, становилось постояннымъ закономъ. Такой казуистическій характеръ законодательства создалъ въ Москвѣ, такъ называемыя, *Указныя книги Приказовъ* или отдѣльныхъ вѣдомствъ: каждое вѣдомство записывало у себя въ хронологическомъ порядкѣ царскіе указы, которые его касались, и возникла «Указная книга», становившаяся руководствомъ для всей административной или судебной практики вѣдомства. 3) Третьимъ видомъ юридическаго матеріала можно считать *челобитныя*, т. е. тѣ просьбы, которыя по разнымъ дѣламъ подавались правительству. Право челобитій ничѣмъ не было стѣснено въ древней Руси до середины XVII вѣка и законодательная дѣятельность правительства зачастую была прямымъ отвѣтомъ на челобитныя; отсюда ясно большое историческое значеніе челобитій: они не только знакомятъ съ нуждами и бытомъ населенія, но объясняютъ и направленіе законодательства. 4) На четвертомъ мѣстѣ поманемъ *грамоты частнаго, гражданаискаго быта*, въ которыхъ отражались личныя и имущественныя отношенія частныхъ лицъ — кабалныя записи, купчія и т. под. 5) Далѣе, особымъ видомъ памятниконъ можно считать *памятники судопроизводства*, въ которыхъ находимъ много данныхъ для исторіи

не только суда, но и тѣхъ гражданскихъ отношеній, той реальной жизни, которыхъ касался судъ. 6) Наконецъ, особое мѣсто въ ряду источниковъ занимаютъ такъ называемыя *Приказныя книги* (одинъ видъ ихъ—Указныя книги—уже упомянуть). Приказныхъ книгъ было много видовъ, и намъ слѣдуетъ ознакомиться только съ важнѣйшими въ историческомъ отношеніи. Любопытнѣе всѣхъ: *книги писцовыя*, содержащія въ себѣ поземельную опись уѣздовъ Московскаго государства, производившуюся съ податными цѣлями; *книги перетистыя*, содержащія въ себѣ переписи людей податныхъ классовъ населенія; *книги кормленныя* и *десятки*, заключающіе въ себѣ переписи придворныхъ и служилыхъ людей съ указаніями на ихъ имущественное положеніе; *книги разрядныя* (и такъ называемыя *дворцовыя разряды*), въ которыхъ записывалось все, что относилось къ придворной и государственной службѣ боярства и дворянства (иначе говоря, это—дневники придворной жизни и служебныхъ назначеній).

Если мы упомянемъ о матеріалахъ для исторіи дипломатическихъ сношеній („Наказы“, т. е. инструкции посламъ, „Статейные списки“, т. е. дневники переговоровъ, отчеты пословъ и т. п.), то историко-юридическіе памятники будутъ нами перечислены съ достаточною полнотою. Что касается до этого рода памятниковъ Петровской Руси, то ихъ терминологія и классификація въ XVIII вѣкѣ въ главныхъ чертахъ настолько мало разнится отъ современной намъ, что не требуетъ поясненій.

Древнѣйшая исторія нашей страны.

Въ настоящее время нѣтъ нужды указывать на то, что природа страны вліяетъ на бытъ народа, обуславливаетъ особенности народнаго хозяйства, налагаетъ свой отпечатокъ и на весь ходъ историческаго развитія общества. Тотъ, кто захотѣлъ бы ознакомиться съ вопросомъ о вліяніи нашей страны на расселеніе, бытъ и исторію русскаго племени, найдетъ прекрасный матеріалъ въ I мѣ томѣ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева; этотъ историкъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на объясненіи того значенія, какое имѣла наша равнина въ качествѣ историческаго фактора. Въ нашемъ же курсѣ мы можемъ дать лишь намеки на главнѣйшія стороны вопроса. Прежде всего мы отмѣтимъ, что равнинность страны и обиліе рѣчныхъ путей, идущихъ въ разныя стороны, должны были содѣйствовать широкому расселенію славянъ, должны были облегчать и даже вызывать тотъ грандіозный процессъ колонизаціи, которымъ славянское племя осваивало громадныя пространства земель. Фактъ колонизаціи—одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ нашей исторіи, многое объясняющій исторіку и въ сферѣ народнаго хозяйства, и въ сферѣ народнаго права. Далѣе, плодородная почва страны и обиліе лѣсовъ должны были развить земледѣльческій и лѣсной промыслы, тогда какъ рѣки, вытекавшія изъ центра равнины во всѣ четыре окраинныхъ моря, должны были содѣйствовать зарожденію и развитію торговли и внутри страны, и съ сосѣдними странами. Такъ особенности страны предопредѣляли разнообразіе хозяйственной дѣятельности народа.

Но давая широкій просторъ для передвиженія жителей, содѣйствуя сложенію ихъ въ крупныя общества, природа страны въ то же время не охраняла эти общества отъ чуждыхъ вторженій. Ничѣмъ не защищенные со стороны Азии, наши предки не разъ дѣлались жертвами дивныхъ азіатскихъ кочевниковъ, и въ природѣ не имѣли вѣрнаго союзника противъ этихъ враговъ. Въ первые вѣка нашей исторіи, какъ мы знаемъ, кіевскіе князья искусственной границей, цѣпью укрѣпленій, обороняли свою землю отъ степныхъ кочевниковъ; позднѣе московскіе государи создали такую же искусственно укрѣпленную границу («черту», «берегъ») отъ татаръ. Такъ, рядомъ съ условіями, содѣйствующими успѣхамъ народной жизни, страна создавала и условія, противоодѣйствующія этимъ успѣхамъ.

Условія русскаго юга, благопріятныя для развитія человѣческой производительности, очень рано привлекли вниманіе древнихъ грековъ. За 500 лѣтъ до Р. Х. на сѣверномъ берегу Чернаго моря существовали уже греческіе города, жители которыхъ торговали съ окрестными туземцами. Геродотъ оставилъ намъ пространный разсказъ объ этихъ туземцахъ, которыхъ греки называли общимъ именемъ *скивоовъ*. По этому разсказу, были скивоы кочевые, но были скивоы и осѣдлые, достигшіе уже извѣстной гражданственности. Многочисленность скивоескихъ племенъ и разнообразіе формъ ихъ быта позволяютъ, съ большимъ вѣроятіемъ, думать, что греки называли общимъ именемъ скивоовъ не одно обширное племя, а нѣсколько племенъ различнаго происхожденія, жившихъ на сѣверѣ отъ Чернаго моря. Во время болѣе позднее, около Рождества Христова, на мѣстахъ поселенія древнихъ скивоовъ греческіе и римскіе писатели помѣщаютъ народы съ иными уже названіями. Общее наименованіе этихъ народовъ—*сарматы*; видовыя имена—*язги*, *аланы*, *роксоланы*; всѣ эти народы причисляются нынѣ къ арійской расѣ, хотя и о нихъ мы знаемъ очень мало. Нѣсколько опредѣленнѣе данныя о тахъ называемомъ Веспорскомъ царствѣ на Азовскомъ побережьѣ; оно было основано скивоами и греками-колонистами и жило въ такихъ формахъ быта, которыя отражали въ себѣ вліяніе и варваровъ-скивоовъ и эллиновъ. Вещественные остатки этого быта (курганъ Куль-Оба около Керчи и проч.) ярко рисуютъ намъ эту смѣшанную культуру такъ же, какъ и остатки, находимые въ болѣе сѣверныхъ скивоо-сарматскихъ могилахъ, даютъ довольно хорошее представленіе о бытѣ скивоовъ и сарматовъ, жившихъ особо отъ грековъ (Чертомлыцкій или Никопольскій курганъ на Днѣпрѣ).—Собирая всѣ скудныя данныя о жизни на Черноморскомъ побережьѣ въ наиболѣе древнее время, мы получаемъ возможность сказать, что уже до Рождества Христова югъ нашей страны былъ ареною оживленнаго торговаго движенія. Предметами вывоза отсюда служили хлѣбъ, рыба, воскъ и медь, кожи и мѣха, шерсть, лошади, рыба; ввозились же сюда преимущественно предметы роскоши и искусства.

Въ II и III вв. въ исторіи великой сѣверной равнины произошли крупныя событія: большое германское племя *готовъ* передвинулось отъ Балтійскаго моря къ Черному и основало въ Черноморьѣ сильное государство. Готскій король Германарихъ владѣлъ приблизительно

южной половиной нынѣшней Европейской Россіи и ему, какъ полагаютъ, повиновались кромѣ готовъ и финскіи племена (чудь, весь, меря, мордва). Въ числѣ подданныхъ Германариху племя видимъ и нашихъ предковъ *славянъ* подъ именемъ *венедовъ*. Несмотря на свою силу, Готское царство въ IV вѣкѣ пало подъ натискомъ еще болѣе сильнаго врага—*гунновъ*. Прийдя изъ Азии, гунны заставили готовъ всю массу отступить отъ Чернаго моря на западъ и войти въ предѣлы Римской имперіи; на Черноморьѣ (въ Крыму и въ Тамани) осталась лишь небольшая часть готскаго племени, державшаяся тамъ очень долго. Оттѣснивъ готовъ, гунны подчинили себѣ венедовъ т. е. славянъ, и въ то же время стали подъ ихъ культурное вліяніе. Рассказъ писателя *Приска* прямо свидѣтельствуетъ о славянизациі гунновъ, чѣмъ и даетъ поводъ нѣкоторымъ историкамъ считать гунновъ за славянъ, несмотря на многіе признаки ихъ монгольскаго происхожденія (Д. И. Иловайскій отстаивалъ славянство гунновъ предъ В. Г. Васильевскимъ). Съ паденіемъ гунновъ, въ VI вѣкѣ славяне попали подъ владычество *аваровъ* или *обровъ*, которыхъ знаетъ уже и наша первоначальная лѣтопись: истребленіе обровъ Карломъ Великимъ, а затѣмъ болгарами, создало въ древней Руси поговорку, записанную лѣтописцемъ: «погибоша, ази обры».

Такъ, изъ за племя, чуждыхъ и малозвѣстныхъ, выступаютъ мало-по-малу и наши предки славяне въ качествѣ обитателей великой сѣверной равнины. Но не въ первый разъ выступаютъ они въ исторіи подъ властью готскаго Германариха, можно собрать и болѣе раннія указанія на существованіе славянъ въ Европѣ.

Уже Геродотъ въ IV в. до Р. Х. называетъ на Вислѣ *Генетовъ*, въ которыхъ нѣкоторые видятъ славянъ. Писатели I—II в. по Р. Х. (Тацитъ и др.) говорятъ о *венетахъ* у Балтійскаго моря, подъ которыми позже разумѣются славяне. Тацитъ приравниваетъ венедовъ къ сарматамъ, но указываетъ то различіе, что венеды — народъ *острый*. Писатели VI вѣка, готъ Юрианъ и византійцы Прокопій и Маврикій, уже хорошо знаютъ славянъ, подъ именами *славяне* и *анты* и помѣщаютъ первыхъ между Вислой и Днѣпромъ, а вторыхъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Предгорья Карпатъ были такимъ образомъ древнѣйшими мѣстами славянскихъ поселеній. Отъ Карпатъ (отъ Дуная) ведетъ славянъ на Днѣпръ и наша лѣтопись. Славяне ушли съ Дуная, тѣснимые *волгами* (неизвѣстнымъ народомъ) и поселились на русскихъ рѣкахъ, раздѣлясь на племена. *Полане* сѣли на среднемъ Днѣпрѣ, *древляне*—на Припяти, *дрогоичи*—на Березнѣ, *полочане*—на З. Двинѣ, *стверяне*—по Деснѣ, *радичичи*—по Сожи, *кривичи*—на водораздѣлѣ З. Двины и Днѣпра, *ильменскіе славяне* на Ильменѣ и Волховѣ; *тивериты* и *уличы* на нижнемъ теченіи Днѣпра и Днѣстра, *волыняне* (*бужаны*, *дубы*)—по З. Бугу.

Повѣствованіемъ лѣтописи о жизни всѣхъ этихъ племенъ и начинается исторія Руси. Въ дополненіе къ даннымъ нашего лѣтописца о первыхъ порахъ нашей исторіи, привлекаются историками и всѣ извѣстія иноземныхъ писателей, какія только извѣстны въ настоящее

время. Съ помощью ихъ и рѣшаются вопросы о формахъ первоначальнаго быта славянъ и о началѣ государственной жизни на Руси.

Но раньше, чѣмъ приступить къ знакомству съ этими вопросами слѣдуетъ остановиться на томъ замѣчаніи, что славянскія племена въ началѣ своей исторіи не владѣли всей территоріей нынѣшней европейской Россіи. На сѣверѣ отъ нихъ, отъ Балтійскаго моря до Урала, жили многочисленныя *финскія* племена. При Балтійскомъ морѣ въ бассейнѣ рѣки Нѣмана сидѣли племена *литовскія*. По Камѣ и средней Волгѣ шли владѣнія *тюркскаго* народа *болгарь*, а на нижней Волгѣ и Донѣ было государство *тюркскаго же* народа *хазарь*, управлявшееся ханомъ, носившимъ титулъ *кагана*. Не останавливаемся теперь на подробномъ изложеніи данныхъ обо всѣхъ этихъ народахъ, такъ какъ мы будемъ еще говорить о нихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Общественный бытъ древнихъ славянъ.

Мы познакомились съ тѣми извѣстіями о славянахъ, которыя позволяютъ намъ сказать, что русскіе до начала самобытнаго политическаго существованія имѣли нѣсколько вѣковъ примитивной жизни. Тѣ же древніе писатели раскрываютъ намъ и черты первоначальнаго быта славянъ, съ которыми интересно ознакомиться, чтобы уяснить себѣ, въ какомъ положеніи, на какой степени общественнаго развитія застаеъ славянъ исторія? Прийдя въ предѣлы теперешней Россіи, въ подѣйствіе, славяне не нашли здѣсь такой культуры и цивилизаціи, какъ германское племя, вторгшись въ Западно-Римскую имперію. Последніе сами должны были подняться до той высоты, на которой стояли туземцы, славяне же предстаютъ передъ нами въ достаточной чистотѣ примитивнаго быта. Объ этомъ бытѣ еще въ XVIII вѣкѣ сложились два воззрѣнія. Представителемъ перваго былъ извѣстный *Шлецеръ*, другая же теорія получила окончательное развитіе въ «Исторіи русской жизни» современнаго намъ ученаго *И. Е. Забѣлина*. Шлецеръ представлялъ себѣ первоначальный бытъ славянъ не выше быта дикарей ирокесцевъ. Еще лѣтописецъ говорилъ, что славяне, «живяку звѣринскимъ образомъ», такъ думалъ и Шлецеръ. Первыя сѣмена гражданственности и культуры, по его мнѣнію, были брошены Варягами, которые вызвали славянъ на историческую арену. Это взглядъ—очевидно крайній. Забѣлинъ же («Исторія русской жизни». 2 тома М. 1876—1879) рисуетъ намъ бытъ славянъ русскихъ въ IX—X вв. очень сложнымъ и развитымъ и впадаетъ поэтому въ иную крайность. Отрѣшившись отъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и рассмотримъ, какія несомнѣныя данныя для выясненія этого вопроса можемъ мы найти у древнихъ историковъ?

Прежде всего славяне народъ не кочевой, а осѣдлый. Уже Тацитъ, который сближаетъ ихъ съ сарматами, отмѣчаетъ, что они были дикимъ народомъ, но отличались отъ сарматовъ тѣмъ, что жили осѣдло и строили дома. Осѣдлость славянъ надо понимать въ томъ смыслѣ, что главный капиталъ ихъ состоялъ не въ стадахъ и табунахъ, а въ

землѣ, и хозяйство было основано на эксплуатаціи земли. Но осѣдность славянъ была не прочна, такъ какъ истощивъ пашню въ одномъ мѣстѣ, они легко покидали жилище и искали другого. Такимъ образомъ, поселки славянъ имѣютъ первоначально очень подвижной характеръ. Объ этомъ согласно свидѣлствуютъ и греческіе писатели и лѣтописецъ, который говоритъ о древлянахъ и вятичахъ, такъ, что можно понять, что они только что принялись за обработку земли. Древляне, которые по словамъ лѣтописца, «живяху звѣринскимъ образомъ», уже къ началу лѣтописи «дѣлають нивы своя и земля своя».

Страны, въ которыхъ приходилось жить и пахать славянамъ, были лѣсныя, поэтому рядомъ съ земледѣіемъ возникаетъ и эксплуатація лѣсовъ, развиваются лѣсные промыслы, бортничество и охота съ цѣлью промышленною. Воскъ, медъ и шкуры были искони предметами торговли, которыми славилась Россія на Дунаѣ. Святославъ, напримѣръ, желая остаться на Дунаѣ, говорилъ: «хочю жити въ Переяславецы на Дунаи, яко то есть середѣ въ земли моеи, яко ту вся благая сходятся... (перечисляетъ, что привозять изъ Греціи и Рима, а о Руси говоритъ)... изъ Руси же скоро и медъ, воскъ и челядь». Охота на пушного звѣря составляла одинъ изъ основныхъ промысловъ славянъ, точно такъ же, какъ издѣлія изъ дерева: лодки и т. п. Конечно, это обуславливалось тѣмъ, что пашня славянина стояла въ лѣсу. Вотъ, такимъ образомъ, хозяйство, въ которомъ, какъ мы видимъ, всѣ отрасли промышленности тѣсно связаны съ землею.

Другая сторона хозяйственной жизни славянъ заключалась въ торговлѣ. Давно уже, на пространствѣ отъ южнаго побережья Балтійскаго моря до Урала находятъ клады съ арабскими (куфическими) монетами, относящимися къ VIII, даже и къ VII вѣку (693 г.) Если принять во вниманіе, что у арабовъ былъ обычай при каждомъ новомъ ханѣ перечекаивать монеты, то можно приблизительно точно опредѣлить время, по крайней мѣрѣ, вѣкъ, въ которомъ зарытъ кладъ. На основаніи этого и дѣлають выводъ, что въ VIII, IX и X вѣкѣ тѣ народы, кот. жили на Руси, вели торговлю съ Арабами. Эти археологическія предположенія совпадаютъ съ разсказами Арабскихъ писателей, кот. передають намъ, что Арабы торговали въ предѣлахъ нынѣшней Россіи и между прочимъ съ народомъ Россъ. Велась торговля, вѣроятно рѣчными путями, по крайней мѣрѣ клады своимъ мѣстонахожденіемъ намекають на это. О размѣрахъ торговыхъ оборотовъ мы можемъ судить, напр. потому, что у Великихъ Лукъ найденъ кладъ, оцененный въ 7 тысячъ рублей. Возможность зарытъ въ одномъ кладѣ столько цѣнностей показываетъ, что торговля велась большими капиталами. Въ торговлѣ съ Востокомъ для славянъ большое значеніе имѣли хозары, которые, покоривъ южныхъ славянъ, открыли имъ безопасный путь къ Каспійскому морю. Подъ покровительствомъ этихъ же хозаръ славяне проникли и въ Азію. Это было одно направленіе торговли славянъ-русскихъ. Второе ведетъ насъ на югъ. Древній договоръ Олега съ греками показываетъ, что подобные торговые договоры писались уже и раньше и что въ X вѣкѣ сложились уже опредѣленные формы и традиціи торговыхъ сношеній. Указываютъ и на

3-й торговый путь, который шелъ изъ Руси въ Западную Европу. Профессоръ Васильевскій, основываясь на хорошихъ данныхъ, говоритъ, что Славяне въ глубокой древности подъ именемъ «руговъ» были постоянными торговыми частями на верхнемъ Дунаѣ. Такимъ образомъ, свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ отъ древнѣйшей поры, показываютъ, что рядомъ съ земледѣльемъ славяне занимались и торговлею. А при такомъ условіи мы можемъ предположить у славянъ раннее существованіе городовъ, какъ торговопромышленныхъ центровъ. Этотъ выводъ—выводъ несомнѣнный, проливаетъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя явленія древней кievской жизни.

Хотя Юрнандъ и утверждаетъ, что у славянъ не было городовъ, тѣмъ не менѣе, съ перваго же времени исторической жизни славянъ мы видимъ у нихъ признаки развитія городской жизни. Скандинавскія саги, знакомыя съ Русью, зовутъ ее «Гардарикъ», т. е. страна городовъ. Лѣтопись уже не помнитъ времени возникновенія на Руси многихъ городовъ: они были «изначала». Главнѣйшіе города древней Руси (Новгородъ, Полоцкъ, Ростовъ, Смоленскъ, Кіевъ, Черниговъ) всѣ расположены на рѣчныхъ торговыхъ путяхъ и имѣли значеніе именно торговое, а не были только пунктами племенной обороны.

Вотъ тѣ несомнѣнныя данныя о первоначальномъ бытѣ славянъ, которыя показываютъ, что послѣдніе были далеко не дикимъ народомъ, что лѣтописецъ впаля въ неточность, говоря, что въ большинствѣ своемъ они «живяху звѣринскимъ образомъ», но, съ другой стороны, у насъ нѣтъ никакой возможности утверждать, что этотъ бытъ достигалъ высокихъ степеней общественной культуры.

Какую же внутреннюю организацію имѣли славяне? Разрѣшеніе этого вопроса вводитъ насъ въ интересную полемику.

Бытъ славянъ несомнѣнно вначалѣ былъ *племенной*. На первыхъ страницахъ лѣтописецъ постоянно называетъ ихъ по племенамъ, но, читая лѣтопись далѣе мы видимъ, что имена полянъ, древлянъ, вятичей и т. п. постепенно исчезаютъ и замѣняются разсказами о волостяхъ: «Новгородци бо изначала и Смоленяне и Кыяне и Полочане и вся *власти* (то есть *волости*) яко же на думу на вѣча сходятся»,—говоритъ лѣтописецъ и подъ именемъ этихъ «властей» разумѣетъ не членовъ какого-либо племени, а жителей городовъ и волостей. Такимъ образомъ, бытъ племенной постепенно переходитъ въ бытъ волостной. Это не подлежитъ сомнѣнію; но нужно рѣшить, изъ какихъ же мелкихъ союзовъ состояли сперва племена, а затѣмъ волости? Какая связь связъ серѣпляла людей: родовая, или сосѣдственная, территориальная? Дерптскій профессоръ *Эверс* въ 1826 году издалъ книгу «*das aelteste Recht der Russen*» въ которой впервые попробовалъ дать научный отвѣтъ на эти вопросы (его книга переведена и по русски). Во 1-хъ, онъ отмѣчаетъ у славянъ фактъ *общаго* владѣнія при отсутствіи личной собственности; во 2-хъ, въ лѣтописи постоянно упоминается о родѣ: «живяху *родомъ*», возста «*родъ* на *родъ*», Святославъ, «имаше за убіенные глаголя: яко *родъ* его возьметъ»; и въ 3-хъ, «Русская Правда» умалчиваетъ о личной поземельной собственности. На основаніи этихъ данныхъ и создается теорія, по которой славяне на

первыхъ ступеняхъ жизни, жили родомъ, составленнымъ по образцу римскаго, т. е. жили обществами, построенными на родовыхъ началахъ; во главѣ рода стояла власть родовладыки—авторитетъ патріархальный. Со смертію родоваго патріарха, родовая собственность не дѣлилась и движимое и недвижимое имущество все находилось во владѣніи рода. Родовой бытъ дѣйствительно исключалъ возможность личнаго владѣнія. Теорія Эверса была принята нашею «школою родоваго быта». *Соловьевъ* и *Кавелинъ* развили ее и перенесли въ сферу политической исторіи.

Но когда родовая теорія легла въ основаніе всей нашей исторіи, она встрѣтила безпощаднаго критика въ лицѣ извѣстнаго славянофила *К. С. Аксакова*, выступившаго со статьею «О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности», и историковъ юристовъ *Блжлева* и *Лешкова*. Они утверждаютъ, что слово «родъ» въ лѣтописи употребляется не какъ римское «*gens*», что оно имѣетъ нѣсколько значеній, такъ какъ иногда подъ нимъ подразумѣвается семья (въ сказаніи о Кіѣ, Щеки и Хоривѣ), иногда родъ (въ призваніи князей); стало быть народъ, а съ нимъ и лѣтописецъ подъ этимъ словомъ понимали различныя вещи. Общее же владѣніе и отсутствіе личнаго землевладѣнія могутъ доказывать не родовыя формы быта, а общинную организацію. Подъ ударами критики родовое ученіе потеряло свою непреложность; стали говорить, что родовой бытъ существовалъ лишь во времена глубокой древности, бытъ можетъ доисторическій, а затѣмъ замѣнился общиннымъ. Ученіе объ общинѣ было развито Аксаковымъ и Блжлевымъ. По ихъ мнѣнію, славяне жили общиною, не на основаніи филологическихъ, кровныхъ началъ, а на основаніи общаго сожителства на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и единства хозяйственныхъ, матеріальныхъ интересовъ. Общины управлялись властью избранныхъ старшинъ, такъ называемымъ *вѣчемъ*. Мелкія общины или *верви* сливались въ *волости*, которыя были общинами уже политическими. Въ первоначальныхъ разсужденіяхъ объ общинѣ было много неопредѣленнаго. Гораздо удачнѣе, конкретнѣе поставилъ вопросъ о первоначальномъ бытѣ славянъ профессоръ Одесскаго (нынѣ Варшавскаго университета) *Леонтовичъ* (его поддерживалъ *Бестужевъ-Рюминъ*). Взгляды Леонтовича извѣстны подъ названіемъ теоріи *задружно общиннаго быта*. По этой теоріи родственныя славянскія семьи не принимали строгой родовой организаціи, но жили, не забывая своего физическаго родства, уже на началахъ территориальныхъ, сосѣдственныхъ. Образцомъ подобнаго рода общинъ была Сербская задруга. Въ трудахъ позднѣйшихъ этнографовъ (Ефименко и др.) указано было на *существованіе своеобразныхъ общинъ архаическаго склада и у русскихъ людей* въ историческое уже время. Эти труды окончательно позволяютъ утверждать, что у славянъ на первый стадіи исторической жизни существовалъ своеобразный общинный, а не кровный бытъ.

Если же славяне не знали исключительности кровнаго быта и слагались въ общины по интересамъ хозяйственнымъ, то очень легко объяснить себѣ, какъ и почему такъ скоро распался племенной бытъ и замѣнился волостнымъ. Города становились центрами для извѣстной

области («волости»), которая жила общимъ хозяйственнымъ интересомъ и смотрѣла на городъ, какъ на свое средоточіе. Такъ Новгородъ притянулъ къ себѣ часть кривичей, Кіевъ не только полянъ, но и древлянъ, Черниговъ—сѣверянъ и вятичей. Такимъ образомъ границы города и его волости не совпадали съ границами племенъ. Племенной бытъ сталъ разлагаться, яснѣе становилось городское устройство, при которомъ города, имѣя свое *отче*, посредствомъ его управляли и волостями. Однако, рядомъ съ вѣчемъ независимо отъ призванія варяжскихъ князей, въ различныхъ мѣстностяхъ Руси мы видимъ существованіе княжеской власти. Въ Полоцкѣ былъ свой князь, у древлянъ были князья о которыхъ лѣтописецъ говоритъ, что они «добрѣ суть», Аскольдъ и Диръ были не кѣмъ инымъ, какъ такими мѣстными князьями неизвѣстно откуда пришедшими. Олегъ уничтожилъ ихъ, но онъ же требовалъ съ грековъ дани не только на дружину свою, но и на города: «по тѣмъ бо городамъ сѣдяху *великій князи*, подь Олгомъ суще».

Трудно объяснить власть и происхожденіе этихъ князей, изъ которыхъ одни носятъ характеръ городскихъ охранителей, другіе—племенныхъ вождей. Несомнѣнно одно, что русскіе славяне на первыхъ порахъ составили рядъ мелкихъ политическихъ міровъ и управлялись двумя властями: властью городскихъ *отчей* и властью городскихъ и племенныхъ *князей*. На рубежѣ IX и X вѣковъ эти мелкие міры были соединены въ одно политическое тѣло силами и способностями новгородскаго князя Олега.

Образованіе Кіевскаго Княжества.

Вопросъ объ образованіи одного княженія (Кіевскаго) приводитъ насъ къ вопросу о варягахъ—руси, которымъ приписывается водвореніе на Руси политическаго единства и порядка.

Кто же были эти варяги—русь, покорившіе сперва Новгородъ, а затѣмъ и Кіевъ? Вопросъ этотъ возникъ въ русской историографіи уже давно, но изслѣдованія за 150 лѣтъ настолько осложнили его, что и теперь разрѣшать его нужно очень осторожно.

Остановимся прежде всего на двухъ мѣстахъ лѣтописи, мѣстахъ важныхъ, которыя въ сущности, и породили варяжскій вопросъ: 1) лѣтописецъ, перечисляя племена, жившія по берегамъ Балтійскаго моря говоритъ: «По сему же морю Варяжскому (т. е. Балтійскому) сѣдять Варязи, а сосѣди ихъ: (Варязи) свеи, урмане (норвежцы) готъ, русь, англяне... Все это скандинавскія племена и варяги поставлены среди нихъ; о славянахъ же балтійскихъ говорится въ другомъ мѣстѣ. 2), Далѣе въ разсказѣ лѣтописца о призваніи князей читаемъ: «Идоша за море къ варягамъ-руси, сице бо ся зваху ты варязи-русь, яко се друзіи зовутся свеи, друзіи же англяне, урмане, друзіи готъ, тако и си». Такимъ образомъ по словамъ лѣтописи, изъ Варяговъ одни назывались русью, другіе англянами, урманами и т. д., лѣтописецъ очевидно думаетъ, что варяго-руссы есть норманны. На основаніи этихъ и другихъ показаній лѣтописи стали

искать болѣе точныхъ свѣдѣній и увидали, что варяговъ знали не только нашъ лѣтописецъ, но и греки. Слово «варягъ» писалось съ юсомъ и стало быть произносилось какъ «варенгъ». Такое слово встрѣчается и у греческихъ писателей и служитъ совершенно опредѣленнымъ понятіемъ.—У грековъ подъ именемъ *Βαρραγγοι* (варанги) разумѣлись наемныя дружины сѣверныхъ людей, пришедшихъ съ острова Туле (въ Британіи) и служившихъ въ Византіи. Съ тѣмъ же значеніемъ сѣверныхъ дружинъ встрѣчается слово *Waeringer*, (варанги), и у лѣтописца среднихъ вѣковъ; арабскіе писатели также знаютъ варанговъ, какъ норманновъ. Слѣдовательно «варанги», представляютъ собою нѣчто вполне опредѣленное въ смыслѣ этнографическомъ:—сборную дружину норманнскаго происхожденія. Въ послѣднее время удалось, какъ кажется, опредѣлить точно и родину варяговъ, т. е. страну Варангію. Удалось это, главнымъ образомъ благодаря одному извѣстію, найденному и напечатанному профессоромъ Васильевскимъ въ его статьѣ: «Совѣты и отвѣты Византійскаго боярина XI вѣка». Этотъ византійскій бояринъ, пересказывая извѣстную скандинавскую сагу о Гаральдѣ, прямо называетъ Гаральда сыномъ короля Варангін, а извѣстно, что Гаральдъ былъ изъ Норвегіи. Такъ отождествляются Норвегія и Варангія, норвежцы и варяги. Этотъ выводъ очень важенъ въ томъ отношеніи, что раньше была тенденція толковать слово варанги, какъ техническое названіе бродячаго наемнаго войска (варягъ—врагъ—хищникъ—бродячій); на основаніи такого пониманія, Соловьевъ нашелъ возможнымъ утверждать, что варяги не представляли отдѣльнаго племени, а только сборную дружину и не могли имѣть племеннаго вліянія на славянъ.

И такъ варяги—норманны. Но этотъ выводъ еще не рѣшаетъ такъ называемаго «варяжскаго» вопроса, потому что не говоритъ намъ кто назывался именемъ *русь*. Лѣтописецъ отождествилъ варяговъ и русь, теперь же ученые ихъ различаютъ и для этого имѣютъ свои основанія. У иностранныхъ писателей русь не смѣшивается съ варягами и дѣлается извѣстной раньше варяговъ. Древніе арабскіе писатели не разъ говорятъ о народѣ русь и жилища его помѣщаютъ у Чернаго моря, на побережьѣ котораго указываютъ и городъ *Русію*. Въ содѣйствіе съ печенѣгами помѣщаютъ русь въ Черноморьи и нѣкоторые греческіе писатели (Константинъ Багрянородный и Зонара). Два греческихъ житія (Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго), разработанныя В. Г. Васильевскимъ, удостовѣряютъ присутствіе народа русь на Черномъ морѣ въ началѣ IX вѣка, стало быть, ранѣе призванія варяговъ въ Новгородъ. Рядъ другихъ извѣстій также свидѣтельствуетъ о томъ, что варяги и русь дѣйствуютъ отдѣльно другъ отъ друга, что они не тождественны. Естественно было бы заключить отсюда, что имя руси принадлежало не варягамъ, а славянамъ и всегда обозначало то же, что оно значило въ XII вѣкѣ, т. е. *Кіевскую область* съ ея населеніемъ; есть однако извѣстія, по которымъ считать «русь» славянскимъ племеннымъ названіемъ нельзя.

Первое изъ этихъ извѣстій—знаменитыя Бертинскія лѣтописи, составлявшіяся въ Карловой монархіи. Въ нихъ говорится, что въ 839

году цареградскій императоръ Теофилъ отправилъ пословъ къ Людовику Благочестивому, а съ ними людей: «Rhos vocagi dicebant» — т. е. людей называвшихъ себя россами, и посланныхъ въ Византию ихъ царемъ, называемый Хаканомъ («rex illorum Chacanus vocabulo»). Людовикъ спросилъ у нихъ о цѣли ихъ прихода, они отвѣчали, что желаютъ вернуться къ себѣ на родину черезъ его, Людовика, землю. Людовикъ заподозрилъ ихъ въ шпіонствѣ и сталъ разузнавать, кто они и откуда. Оказалось, что они принадлежатъ къ шведскому племени (eos gentis esse sueonum). Такимъ образомъ въ 839 году Россовъ относятъ къ шведскому племени чему въ то же время какъ будто противорѣчить имя ихъ царя—«Chacanus»—Хаканъ, вызвавшее много различныхъ толкованій. Подъ этимъ именемъ одни разумѣютъ германское, скандинавское имя «Гаконъ», другіе же прямо переводятъ это «Chacanus» словомъ «Каганъ», разумѣя здѣсь казарскаго хана, который назывался титуломъ «каганъ». Во всякомъ случаѣ извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей, сбиваетъ до сихъ поръ всё теорію. Не лучше и слѣдующее извѣстіе:—писатель X-аго вѣка *Литтрадъ Кременскій* говоритъ: «греки зовутъ Rhusos тотъ народъ, который мы зовемъ Nordmannos—по мѣсту жительства (a positione loci)» и тутъ же перечисляетъ народы: «печенѣги, казарвы, руссы, которыхъ мы зовемъ норманнами». Очевидно авторъ окончательно запутался: вначалѣ онъ говоритъ, что русь—это норманны потому, что они живутъ на сѣверѣ, а вслѣдъ за тѣмъ помѣщаетъ ихъ съ печенѣгами и казарами на югъ Россіи.

Такимъ образомъ, опредѣляя варяговъ, какъ скандинавовъ, мы не можемъ опредѣлить руси. По однимъ извѣстіямъ русь—тѣ же скандинавы, по другимъ—русъ живетъ у Чернаго, а не Балтійскаго моря, въ сосѣдствѣ съ хозарами и печенѣгами. Самый надежный матеріалъ для опредѣленія національности Руси—остатки ея языка, очень скудны. Но на немъ-то главнымъ образомъ и держится такъ называемая норманнская школа. Она указываетъ, что собственныя имена князей руси—норманскія: Рюрикъ (Hrugiŕ), Аскольдъ (Oskoldr, Hōskuldr), Труворъ (Tруваръ, Торвардъ), Игорь (Ингваръ), Олегъ, Ольга (Helgi, Helga; у Константина Багрянороднаго наша Ольга называется "Елга), Рогволодъ (Ragnvaldr),—всѣ эти слова звучатъ по германски. Названія Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго приведены *по-русски* и *по-славянски*; имена *русскія* звучатъ не по-славянски и объясняются изъ германскихъ корней (Ессуви, Ульворси, Геландри, Ейфаръ, Варуфоросъ, Леанти, Струвунъ); напротивъ, тѣ имена, которыя Константинъ Багрянородный называетъ славянскими, дѣйствительно славянскія (Островунипрахъ, Неяситъ, Вуднипрахъ, Веруди, Напрези). Въ послѣднее время нѣкоторые представители норманнской школы, настаивая на различіи руси и славянъ, ищутъ Руси не на скандинавскомъ сѣверѣ, а въ остаткахъ тѣхъ германскихъ племенъ, которыя жили въ первые вѣка нашей эры у Чернаго моря; такъ профессоръ Будиловичъ находитъ возможнымъ настаивать на готскомъ происхожденіи Руси, а самое слово Русъ или Росъ производить отъ названія готскаго племени Roth (произносится «Гросъ»).

Цѣнные изслѣдованія Васильевскаго давно идутъ въ томъ же направленіи, и отъ нихъ можно ждать большихъ результатовъ.

Въ такомъ состояніи находится нынѣ варяго-русскій вопросъ. (Доступнѣйшее его изложеніе въ трудѣ датскаго ученаго *Вильгельма Томсена*, русскій переводъ котораго «Начало русскаго государства» изданъ отдѣльною книгою и въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» за 1891 годъ, книга I). Наибольше авторитетныя силы нашей научной среды всё держатся возрѣвнѣй той норманнской школы, которая основана еще въ XVIII вѣкѣ Байеромъ и совершенствовалась въ трудахъ позднѣйшихъ ученыхъ (Шлецера, Погодина, Круга, Куника, Васильевскаго). Рядомъ съ ученіемъ господствующимъ давно существовали и другія, изъ которыхъ большую пользу для дѣла принесла такъ называемая *славянская школа*. Представители ея (начиная съ *Домошова*, продолжая *Венелинымъ* и *Морошкинымъ*, даме *Геденовымъ* и, наконецъ, *Иловайскимъ*) пытались доказать, что Русь всегда была славянскою. Оспаривая всё доводы школы норманнской, эта славянская школа заставила не разъ пересматривать вопросъ и привлекать къ дѣлу новые матеріалы. Книга Геденова «Варяги и Русь» (два тома. СПб. 1876) заставляла *многихъ норманнистовъ* отказаться отъ смѣшенія варяговъ и Руси и тѣмъ самымъ сослужила большую службу дѣлу. Что касается до иныхъ точекъ зрѣнія на разбираемый вопросъ, то о нихъ можно упомянуть лишь для полноты обзора: *Костомаровъ*, одно время настаивалъ на литовскомъ происхожденіи руси, Щегловъ — на происхожденіи финскомъ.

Знать положеніе варяго-русскаго вопроса для насъ важно въ одномъ отношеніи. Даже не рѣшая вопроса, къ какому племени принадлежали первые князья русскіе съ ихъ дружиною, мы должны признать, что частыя извѣстія лѣтописи о варягахъ на руси указываютъ на сожительство славянъ съ людьми чуждыхъ, именно германскихъ племенъ. Каковы же были отношенія между ними и сильно-ли было вліяніе варяговъ на жизнь нашихъ предковъ? Вопросъ этотъ не разъ поднимался и въ настоящее время можетъ считаться рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, *что варяги пришли безъ воздѣйствія на основныя формы общественнаго быта нашихъ предковъ-славянъ*. Водвореніе варяжскихъ князей въ Новгородѣ, а затѣмъ въ Киевѣ, не принесло съ собою ощутительнаго чуждаго вліянія на жизнь славянъ, и сами пришельцы; князья и ихъ дружины подверглись на Руси быстрой славянизации.

Итакъ, вопросъ о началѣ государства на Руси, связанный съ вопросомъ о появленіи чуждыхъ князей, вызвалъ рядъ изысканій не позволяющихъ вполнѣ вѣрить той лѣтописной легендѣ, которая повѣствуетъ о пришествіи въ Новгородъ варяга Рюрика съ родомъ по имени русь. Если съ другой стороны, въ Новгородѣ и осѣлъ посторонній славянамъ князь, то это былъ одинъ изъ многихъ мѣстныхъ князей, и не съ него слѣдуетъ начинать исторію политической власти, подчинившей себѣ всю землю русскихъ славянъ.

Мы уже видѣли, что племенной бытъ славянъ постепенно пере-

ходилъ въ бытъ волостной: городъ дѣлался центромъ для окружающихъ его общинъ, приобреталъ вліяніе и власть надъ ними. Городскія вѣча и ихъ старѣйшины («старцы градскіе») были первою политическою властью у славянъ и рядомъ съ нею существовала по мѣстамъ (въ городахъ и у племенъ) власть князей, имѣвшихъ значеніе только въ одномъ городѣ, у одного племени. Такъ возникло много маленькихъ политическихъ міровъ, которые въ IX вѣкѣ были частью подчинены чуждой власти: славяне южные платили дань хозарамъ, сѣверные были завоеваны варягами, бравшими съ Новгорода дань. Если вѣрить лѣтописи, Новгородъ раньше свергъ чужую власть и создалъ свою въ лицѣ добровольно принятыхъ князей изъ тѣхъ же варяговъ. Затѣмъ новгородскіе князья освободили отъ хозаръ и южную Русь, объединивъ славянъ подъ своею властью. Такъ создано у русскихъ славянъ одно государство съ центромъ въ Кіевѣ.

Что образованіе единого Кіевского княженія произошло именно такъ, доказываетъ слѣдующею подробностью похода Олега, новгородскаго князя на Кіевъ. Олегъ, отправляясь изъ Новгорода, занимаетъ Смоленскъ и только; но со Смоленскомъ подчинились ему и всѣ кривичи, которые тянули къ этому городу, слѣдовательно городъ въ данномъ случаѣ увлекъ съ собою и часть племени. Завоевавъ затѣмъ Кіевъ, Олегъ этимъ самымъ подчинилъ себѣ часть полянъ и древлянъ. Очевидно отсюда, что племенной бытъ измѣняется въ бытъ городской раньше, чѣмъ въ Кіевѣ появились князья. Изучая этотъ городской бытъ, бывшій первой стадіей политической жизни нашихъ предковъ, мы подмѣчаемъ въ немъ признаки опредѣленной власти: мы видимъ въ городахъ какихъ-то старѣйшинъ. Это, какъ называетъ лѣтописецъ, «старцы градскіе», происхожденіе и власть которыхъ до сихъ поръ толкуются различно: и теперь еще не выяснено, представляютъ ли они выборную власть, созданную общиной, или же вообще людей высшаго общественнаго класса. Школа родового быта этихъ старцевъ градскихъ, понимала, какъ родовладыкъ, въ силу своего физическаго старѣйшинства пользовавшихся властью. Нѣкоторые историки-юристы въ старцахъ видѣли земскихъ бояръ, то есть городскую знать, высокое положеніе которой основывалось на ея крупномъ землевладѣніи (Владимірскій-Будановъ). Профессоръ Ключевскій этихъ старцевъ понималъ, какъ крупнѣйшихъ представителей торгово-промышленнаго класса, державшихъ въ своихъ рукахъ главный капиталъ страны, это такъ называемая торговая аристократія. Какъ ни понимать происхожденіе этихъ старцевъ, ясно одно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ высшимъ классомъ докняжескаго общества.

Рядомъ со старшинами, въ городахъ древней Руси стоитъ вѣче, то есть, собраніе полноправныхъ гражданъ города, домохозяевъ, главъ семей (не выдѣленные сыновья на вѣче ходятъ, кажется, не могли). Желая пояснить функціи вѣчевыхъ собраній, лѣтописецъ говоритъ, что горожане «сходятся на вѣче, какъ на думу, и на чемъ порѣшать старшіе города, на томъ стануть и пригороды». Это подтверждаетъ отчасти мнѣніе, что вѣче имѣло не только хозяйственно-экономическое значеніе для своего города, но и политическое для всей волости.

Иногда политическія функціи вѣче раздѣляло съ князьями, появившимися въ городахъ. Такими мѣстными князьями были Аскольдъ и Диръ въ Кіевѣ, Рогволодъ въ Полоцкѣ, Мамъ у древлянъ. Такъ обнаруживается съ большою ясностью первая стадія политическаго быта славянъ, которую застада при своемъ появленіи норманнская династія Рюрика, давшая начало второму стадію—княженію Кіевскому.

Происхожденіе этой династіи въ общихъ чертахъ таково. Въ VIII—IX-мъ вѣкахъ весь сѣверъ Европы дѣлается жертвою норманскихъ военныхъ шаекъ, которыя подъ предводительствомъ «витязей» и «князей» нападали на туземцевъ и организовали свои государства. Нападая на берега Западной Европы, они появляются на великомъ водномъ «пути изъ Варягъ въ Греки» и осѣдаютъ въ сѣверныхъ славянскихъ городахъ. Эти князья и витязи представляютъ изъ себя на первыхъ порахъ вооруженныхъ искателей приключеній, охраняющихъ за извѣстную плату города и волостныя границы. (Такой характеръ ихъ дѣятельности былъ замѣченъ давно, еще Шлецеромъ). Одинъ изъ этихъ князей, наиболѣе сильный, не ограничился владѣніемъ одной своей волости, а сталъ покорять себѣ другія и, мало по-малу, соединилъ подъ своею властью всѣ восточныя славянскія племена. Такъ постепенно составилось Кіевское княжество, не изъ одного города, но изъ всѣхъ городовъ, лежащихъ по Двѣгирю. Такова была вторая форма политической жизни древней Россіи.

Посмотримъ, что рассказываетъ объ этомъ лѣтописецъ. Онъ передаетъ намъ, что первоначально славяне были въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ и вотъ, наскучивъ этими внутренними раздорами и неурядицами, они отправили къ варягамъ (къ Варяжскому племени—русь) пословъ съ знаменитой фразой: «земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдѣте княжити и владѣть нами». И пришли три брата «съ родѣ своими, пояша по себѣ всю русь», то есть три брата со всѣмъ племенемъ русь переселились къ славянамъ. Старшій изъ нихъ—Рюрикъ срубилъ себѣ городъ Ладогу и т. д. (Разбирая эту легенду, историки напали на чрезвычайно схожее съ нею сказаніе англійскаго лѣтописца—*Видукинда*, что бритты отправили къ англо-саксамъ своихъ пословъ, почти съ тѣми же словами: «Terram latam et spatiosam et omnium rerum copiam refertam». Вотъ почему сложился взглядъ, понимающій это преданіе лѣтописи, какъ эпическій, а не историческій рассказъ.

Когда умеръ Рюрикъ, власть перешла въ руки чрезвычайно энергичнаго и талантливаго князя,—Олега. Олегъ недолго пробылъ на сѣверѣ, онъ спустился по великому водному пути, покорилъ всѣ племена, на немъ жившія, и успѣлъ счастливо, безъ особенныхъ усилий, завладѣть Кіевомъ, а владѣніе Кіевомъ было чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что Кіевскій князь держалъ въ своихъ рукахъ главный узелъ торговыхъ сношеній съ греками.

Такъ образовалось Кіевское княжество, объединившее политически большую часть племенъ русскихъ славянъ.

Замѣчанія о первыхъ временахъ Кіевскаго княжества.

Обратимся къ изученію исторіи Кіевскаго княжества.

Образованіе государствъ можетъ совершаться различно. Можетъ быть такъ, что извѣстное общество складывается естественно:—подъ вліяніемъ мирной дѣятельности хозяйственныхъ заимокъ постепенно обозначаются тѣ или другія границы, занятой племенемъ территоріи; слагаются опредѣленные общественныя связи и затѣмъ въ обществѣ выдѣляется правящій классъ, господствующій обыкновенно въ силу знатности происхожденія или своего экономического преобладанія. Всеобщая исторія показываетъ намъ такимъ образомъ разившееся кельтическое общество, въ которомъ созданъ рядъ вполне опредѣленныхъ отношеній экономического характера и въ силу этихъ отношеній во главѣ общества, какъ его вожаки, стали лица, имѣющія большее количество земли и рабочаго скота. Это и была аристократія, господствующей классъ, который мало по малу приобрѣлъ полное преобладаніе. Таковъ былъ ростъ общества, совершавшійся въ силу кровныхъ и экономическихъ связей. Но бываетъ и иначе. Извѣстное общество уже сложилось, въ немъ образовалась или образуется политическая власть, но вдругъ является непріятель, ухватываетъ въ свои руки путемъ открытаго насилія политическое преобладаніе и власть, а вмѣстѣ съ этимъ перерабатываетъ и всѣ прежнія общественныя отношенія. Такъ было въ Западной Римской имперіи, когда въ нес вторглись германцы, заняли первое мѣсто въ старомъ обществѣ и захватили себѣ земли. Экономическій порядокъ, который существовалъ здѣсь раньше, перестроился къ выгодамъ господствующаго политическаго класса.

Который же изъ этихъ порядковъ имѣлъ мѣсто въ Кіевѣ? Мы видимъ, что племенной бытъ славянъ естественно измѣнялся въ володственной и въ этомъ, уже сложившемся организмѣ общественной жизни, возникла власть Варяжскихъ князей. Чрезвычайно важно опредѣлить: отразилось ли вліяніе этихъ князей съ ихъ дружинами на общественныхъ отношеніяхъ славянъ или нѣтъ? Судя по историческимъ даннымъ, мы скорѣе можемъ сказать—нѣтъ. Вліяніе варяговъ было крайне ничтожно; они не нарушали общаго порядка прежней общественной жизни. Въ такомъ случаѣ невольно возникаетъ вопросъ: какую же роль играли князья, въ чемъ заключалась ихъ дѣятельность и какова была ихъ власть. Власть ихъ была настолько неопредѣленна и своеобразна, что ее чрезвычайно трудно уложить въ готовые формулы. Вообще говоря, теорія государственнаго права различаетъ три главныхъ вида политической власти. Первый вырастаетъ на основаніи кровныхъ связей, слѣдующимъ путемъ: постепенно развивается аристократическій (господствующій) родъ и его родовладыка признается родовладыкою и вмѣстѣ политическою властью всего племени. Такой власти присвоено названіе власти *патріархальной*, она является у народовъ кочевыхъ и полукочевыхъ. Второй видъ есть такъ называемая *вотчинная* или *патримоніальная* власть: извѣстное

лицо считает своею собственностью всю территорию племени, а в силу этого и людей, живущих на территории, признает подвластными себе. Такой тип власти наблюдается у нас в удельный период XIII, XIV, XV вв. в очень чистой формѣ. Третий вид власти зиждется уже не на кровных родовых началах и не на территориальной основѣ, а на основаніи болѣе сложномъ. Современная намъ политическая власть возникает на почвѣ національнаго самосознанія, когда племя, сознавая свое единство племенное и вѣроисповѣдное, сознает и свое историческое прошлое, обращается въ націю съ національнымъ самосознаніемъ. И такой моментъ былъ въ исторіи Руси впервые въ XVI вѣкѣ. Что же касается до власти варяжскихъ князей, то она въ сущности не подходит ни къ одному изъ указанныхъ типовъ: во 1-хъ) варяжскіе князья не могли у насъ господствовать въ силу кровнаго начала, во 2-хъ) они не считали землю своею собственностью и въ 3-хъ) самое понятие земли русской впервые складается на глазахъ исторіи въ устахъ прежде всего князя Святослава, который говорилъ своимъ войнамъ: «не посраимъ земли Русской!» Кіевскіе князья въ сущности представляютъ собою защитниковъ страны, которые за извѣстную плату охраняютъ общество отъ непріятеля. Читая скудные свидѣтельства лѣтописи, мы видимъ, что главная дѣятельность князей заключалась въ томъ, во 1) что они устанавливаютъ внѣшній порядокъ въ странѣ, во 2) «рубятъ» города, сажаютъ въ нихъ своихъ наместниковъ и въ 3) собираютъ съ населенія дань. Послѣднее дѣлалось такимъ образомъ: или покоренныя племена сами везли дань въ Кіевъ на княжескій дворъ,—это такъ называемый «повозъ»; или же князь самъ съ дружиной отправлялся за нею,—это такъ называемое «полюдь». Константинъ Багрянородный сообщаетъ объ этомъ слѣдующія интересныя подробности: въ ноябрѣ мѣсяцѣ, какъ только устанавливался зимній путь, Кіевскіе князья отправлялись на полюдь по всѣмъ своимъ волостямъ; собирали они дань большею частью натурою, тутъ же чиня судъ и расправу. Въ этомъ блужданіи проходила цѣлая зима и лишь въ апрѣлѣ, когда вскрыется Днѣпръ, князья возвращались въ Кіевъ, а заними везли дань, которую тотчасъ же перегружали на лады, а затѣмъ отправляли въ Константинополь для продажи. Во время такихъ путешествій, князья основывали города на окраинахъ земли или устраивали опредѣленные административные центры. О томъ, какъ Ольга собирала дань, лѣтописецъ говоритъ: «Въ лѣто 6455 иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ погосты и дани». Игорь, какъ намъ извѣстно, погибъ во время «боровъ дани. Князья управляли совершенно примитивными средствами, земли дробились на волости и въ каждой волости сидѣлъ наместникъ—«княжій мужъ», власть котораго была приблизительно такая же, какъ власть князя; они тоже собирали дань и иногда даже успѣшнѣе князей, по крайней мѣрѣ дружина Игорева говоритъ: «отроки (т. е. дружина) Свѣнелжи изодѣлися суть оружемъ и порты, а мы нади». (Свѣнелдь—одинъ изъ дружинниковъ Игоря).

Вотъ первая функція кіевскихъ князей; въ этомъ періодѣ дѣятельность князей опредѣляется улучшеніемъ городской администраціи,

судомъ и собираніемъ дани. Кромѣ того, князья обязаны были охранять границы своей земли и торговые пути. Въ то время, какъ нарождалось Кіевское княжество, вѣншіе враги съ Востока не могли тревожить Руси. Племена хозаръ выдерживали свою послѣднюю, предсмертную борьбу съ печенѣгами и уграми и закрывали отъ нихъ Русь. Но печенѣги мало-по-малу сломили силу хозаръ, а затѣмъ пробрались въ южныя степи, въ Поднѣпровье. Противъ нихъ кіевскіе князья и принимали рядъ мѣръ: прежде всего граница Руси со стороны южной степи была правильно укрѣплена. Одинъ изъ западныхъ миссіонеровъ, монахъ Бруно, бывшій въ Кіевѣ въ 1007 году, даетъ ея описаніе: она представляется ему крѣпкимъ частоколомъ съ воротами. Русскій князь (Владиміръ) самъ проводилъ этого миссіонера до воротъ и сказалъ ему, что тутъ кончается его земля. Третья и, нужно замѣтить очень сложная задача князей заключалась въ покровительствѣ торговлѣ. Русь въ VIII—IX вѣкахъ торговала съ Востокомъ, преимущественно съ арабами, но когда появляются печенѣги, эти сношенія прекращаются и у Руси остается одинъ торговый путь—съ Византіей чрезъ Днѣпровскіе пороги и Чернымъ моремъ до Босфора. Но путь этотъ былъ крайне опасенъ: печенѣги, сидѣвшіе въ низовьяхъ Днѣпра, грабили русскіе караваны, вотъ противъ нихъ то и направлялись силы князей. Обыкновенно съ княжескими караванами шли и частные, ихъ сопровождала дружина, которая въ опасныхъ мѣстахъ высаживалась и прогоняла печенѣговъ, сторожившихъ богатую добычу; затѣмъ караваны благополучно достигали Византіи. Провожать караваны изъ Кіева въ Византію и обратно было прямою обязанностью князя. Изъ договоровъ кіевскихъ князей съ греками, дошедшихъ до насъ, мы можемъ заключить, во-первыхъ, что торговые отношенія русскихъ и Византіи были уже весьма развиты и хорошо регламентированы, и, во-вторыхъ, что отношенія къ Византіи были не всегда мирныя: до XII-го вѣка мы насчитываемъ походовъ шесть, семь: Аскольда и Дира, Олега и послѣдующихъ князей; походы эти заканчивались мирными договорами, всѣ эти договоры носятъ торговый характеръ. (Во время подобныхъ походовъ греки знакомились съ русскими людьми и нужно замѣтить, строго различали славянъ отъ руси).

*Вотъ все, что мы можемъ сказать несомнѣннаго о характерѣ, дѣятельности и власти первыхъ русскихъ князей. Историческое значеніе ихъ дѣятельности не трудно уловить. Будучи первою общою властью среди многихъ разрозненныхъ раньше мировъ, варяжскіе князья съ ихъ дружинами были первыми представителями *племенинаго единства*. Передвигаясь съ мѣста на мѣсто по Русской землѣ, соединяя племена и города въ общихъ военныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, князья создавали этимъ почву для національнаго объединенія и національнаго самосознанія. Сплотить государство вѣншнимъ образомъ, они создавали и возможность внутренняго сплоченія.*

Другимъ и болѣе могучимъ факторомъ объединенія послужило христіанство. Первыми представителями его у славянъ были, кажется, тѣ же варяги они очень легко забывали свои божества подъ вліяніемъ и христіанства, и славянскихъ языческихъ пред-

ставленій. Въ X вѣкѣ, среди русскихъ славянъ, и до Владиміра св. христіанство было уже замѣтно распространено: крестилась княгиня Ольга, среди Игоревой дружины было много христіанъ, какъ это видно изъ договора съ греками, еще до формальнаго крещенія Руси въ Кіевѣ уже есть «соборная» церковь Св. Ильи. Христіанство проникло къ славянамъ одновременно съ варягами, но окончательно восторжествовало при Владимірѣ. Разсказъ лѣтописи о крещеніи Руси передаетъ дѣло такимъ образомъ: къ великому князю Владиміру, узнавъ, что онъ хочетъ мѣнять свою вѣру, приходили послы отъ разныхъ народовъ, нѣмцевъ, хазарскихъ евреевъ, болгаръ, и каждый хвалилъ свою вѣру, но ни одна изъ нихъ не понравилась Владиміру. Наконецъ, пришли греки и, изложивъ исторію Ветхаго и Новаго Заветъа, показали ему картину страшнаго суда. Подъ вліяніемъ этой картины Владиміръ, посовѣтовавшись съ дружиной и старцами градскими, отправляетъ пословъ въ тѣ государства, откуда приходили къ нему проповѣдники. Послы, вернувшись, восхваляли греческую вѣру; они говорили, что «всякъ бо человекъ, аще искуситъ сладка, послѣди горести не приимаеть», такъ и они, видѣвши греческое богослуженіе, не хотятъ опять вернуться къ язычеству. Послѣ этого Владиміръ пошелъ съ войскомъ на Корсунь, осадилъ городъ и тамъ принялъ христіанство, женившись на греческой царевнѣ Аннѣ. Есть данныя, что разсказъ этотъ былъ составленъ въ началѣ XII вѣка, въ эпоху существованія Іерусалимскаго Королевства. Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, какъ оно слагалось въ умахъ русскаго народа черезъ столѣтіе послѣ факта крещенія Руси. Любопытно то явленіе, что объ этомъ фактѣ крещенія, сказанія иностранцевъ не даютъ намъ ничего точнаго; крещеніе Руси прошло незамѣченнымъ даже въ Византію; а любопытнѣйшія показанія араба Бенъ-Яхъи о походахъ Владиміра и крещеніи еще недостаточно разобраны и истолкованы.

Достоверно однако то, что христіанство въ концѣ X вѣка становится на Руси господствующей религіей и оказываетъ громадное вліяніе на общество, даже на такія стороны его жизни, которыя повидимому имѣютъ мало общаго съ религіознымъ міровоззрѣніемъ народа.

Для того, чтобы уяснить себѣ, до какой степени отразилось уничтоженіе язычества на всей внутренней жизни нашихъ предковъ, нужно бросить общій взглядъ на культурное состояніе тогдашняго Кіевскаго княжества. Кіевское княжество не представляло собою одной сплотившейся національности съ однообразнымъ уровнемъ культуры. Напротивъ того, бытъ населенія былъ крайне разнообразенъ: въ то время, какъ племена древлянъ и вятичей пребываютъ въ примитивной формѣ племеннаго «звѣринскаго» быта, племена, селящіяся по Днѣпру (къ низовью), потеряли племенную, кровную связь и приобрѣли связь экономическую, основанную на единствѣ матеріальныхъ интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали и замѣтные культурные успѣхи. При неравномерномъ развитіи культуры и общественный строй не принималъ однообразныхъ, опредѣленныхъ формъ.

О первоначальномъ составѣ кіевскаго общества мы имѣемъ слѣ-

дующія свѣдѣнія. Судя по лѣтописи и другимъ историческимъ памятникамъ, около князей стоятъ въ качествѣ сотрудниковъ и совѣтниковъ «князѣе мужи»—это дружина, съ помощью которой князь правилъ страной и собиралъ дань. Дружина представляетъ собою высшій, привилегированный классъ общества. Но въ кievскомъ обществѣ есть и еще привилегированныя лица, стоящія независимо отъ князя, это— «старцы градскіе». Что старцы градскіе представляютъ собою высшій классъ, мы уже видѣли, но мы видѣли также, что нельзя опредѣлить, на какой почвѣ онъ выросъ. Мы не знаемъ, есть ли это крупныя землевладѣльцы, или торговые капиталисты, или племенные старшины—родовладыки, или выборныя городскія власти, которыя не въ силу своего имущественнаго преобладанія, а по выбору общинъ занимаютъ выдающееся положеніе въ странѣ. Последняя полемика относительно старцевъ градскихъ развилась въ 80-хъ годахъ нашего столѣтія между крупными авторитетами—*В. О. Ключевскимъ* и *М. Ѡ. Владимірскимъ-Будановымъ*. Ключевскій полагаетъ, что весь строй кievской Руси обусловливался торговлей, которую русскіе вели сперва съ Востокомъ, потомъ съ Византіей, и что градскіе старцы представляли собою людей, черезъ руки которыхъ проходятъ всѣ торговые обороты, иначе говоря, крупнѣйшихъ капиталистовъ страны. Владимірскій-Будановъ смотритъ на «старцевъ», какъ на богатыхъ землевладѣльцевъ, которые именно потому и богаче другихъ, что на ихъ землѣ кормится масса народу—они представляютъ собою высшее общество. Нельзя съ увѣренностью сказать, которое изъ этихъ двухъ мнѣній правильнѣе; пона несомнѣнно только то, что тѣ старцы, съ которыми совѣтуется Владимір—земская аристократія, положеніе которой совершенно не зависитъ отъ князей.

Около князей мы видимъ еще и младшую дружину—отроковъ, гридей. Дружина старшая и младшая представляла собой первый, такъ сказать, привилегированный классъ. Кромѣ того въ составъ Кievскаго общества входили еще «люди»—а) горожане (люди градскіе) и б) сельчане (смерды)—это свободное сословіе и наконецъ третій классъ—рабы (холопы). Эти общественныя группы: 1) высшій классъ, 2) свободныхъ людей и 3) рабовъ, мы находимъ у всѣхъ народовъ арийскаго племени, даже во времена глубокой древности, слѣдовательно судя, по своей простой группировкѣ, Кievское общество стоитъ не на высокой степени развитія.

Также мало развита была и ихъ религія. Религія славянъ въ общихъ чертахъ была такова: славяне имѣли двѣ категории божествъ,—первыя олицетворяли собою природу, вторыя душу предковъ. У славянъ они несомнѣнно существовали одновременно. Имена общеизвѣстныхъ Хорса, Даждь-бога и Стрибога встрѣчаются въ преданіяхъ руси даже до XII вѣка. Авторъ «Слова о полку Игоревѣ» еще вѣритъ «великому Хрѣсови», вѣтры зоветъ «Стрибожи внуци», а людей—«Даждь-божими внуками». Гораздо менѣе навѣстны боги другой категории—покровители родовыхъ союзовъ—Родъ, Рожаница, Домовой и Щуръ. Вышній культъ выражался въ жертвоприношеніяхъ, для которыхъ не было кажется опредѣленныхъ мѣстъ, и приносилъ жертвы это хотѣлъ, вѣроятно всего, родовладыки за свой родъ. Жрецовъ, какъ сословія,

не было, а это первый признакъ недостаточно развитаго религіознаго культа. Перечитывая страницы лѣтописи, мы встрѣчаемъ постоянныя указанія на эту неразвитость напр.: лишь въ X вѣкѣ Владиміръ ставитъ идоловъ въ Кіевѣ, а до того лѣтописи молчатъ объ нихъ, слѣдовательно внѣшнюю форму религія славянъ стала принимать на памяти исторіи.

При такой неоформленности общественнаго быта и невыработанности религіознаго сознанія, христіанству легко было вліять на умы молодаго племени. Ученіе Христа встрѣчалось на Руси съ нетвердыми языческимъ міросозерцаніемъ, а православная іерархія столкнулась съ общественнымъ порядкомъ, еще мало устойчивымъ. Если мы примемъ во вниманіе, что русская среда и до Владиміра была знакома съ христіанствомъ Византіи и у себя дома; если мы будемъ помнить, что христіанское вѣроученіе принесено было на Русь на языкѣ славянскомъ, то мы объяснимъ себѣ фактъ быстрыхъ успѣховъ новой вѣры въ Кіевской Руси и поймемъ, почему эта вѣра глубоко повліяла на бытъ нашихъ предковъ. Это вліяніе не ограничилось тѣмъ, что раскрыло языческому міру блага христіанской морали и, установивъ церковь, дало нашимъ предкамъ возможность достигать духовнаго совершенствованія въ церковномъ обществѣ—новая религія вліяла и на гражданскій бытъ славянъ, на ихъ государственныя представленія; она создала возможность высокой культуры, она была могучимъ средствомъ для побужденія національнаго сознанія.

Нравственное вліяніе христіанской церкви, проводниками котораго были какъ іерархія со своею проповѣдью и дѣятельностью, такъ и первые подвижники, сплоченные въ монашескія общины, касалось не только отдѣльных лицъ и индивидуальной нравственности, но и всего общества и общаго міровоззрѣнія. Съ первыхъ же своихъ шаговъ на Руси, христіанство столкнулось съ крупными общественными явленіями такихъ свойствъ, которыхъ оно не могло терпѣть въ силу своего нравственнаго ученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, борьба съ этими явленіями была трудна уже потому, что касалась существеннѣйшихъ сторонъ языческаго быта. Таково было, на примѣръ, *рабство*, развитое въ древней до-христіанской Руси и количественно и качественно. Древне-русскій рабъ соотвѣтствовалъ рабу древнеримскому, который опредѣлялся какъ *res* (вещь) и *instrumentum vocale* (говорящее орудіе). Истребить сразу рабство было невозможно, а мириться съ нимъ при его грубыхъ и тяжелыхъ формахъ церковь не могла. Представители церкви на Руси высказывались противъ рабства, а между тѣмъ новые христіане изъ усердія къ церкви приносили ей въ даръ цѣлыя села съ рабами. Отказаться отъ дара церковь не могла, не могла она также сдѣлаться и рабовладѣлицей, вотъ почему на церковной землѣ положеніе рабовъ очень измѣнялось:—они подчинялись инымъ законамъ и получали иные права. Церковь обращала рабовъ въ вѣчныхъ арендаторовъ земли дома Божія; рабъ становился условнымъ землевладѣльцемъ и изъ рабочаго животнаго превращался въ человѣка, пользующагося нѣкоторою свободою. Эта перемѣна въ положеніи рабовъ на церковной землѣ вела къ перемѣнѣ ихъ и у свѣтскихъ владѣльцевъ. Былъ и еще одинъ разрядъ

людей, въ Киевской Руси, которыхъ церковь принимала подъ свое покровительство: въ обществѣ въ то время существовалъ обычай, по которому человекъ, терявшій связь съ своимъ прежнимъ, терялъ положеніе и выкидывался изъ своего общественнаго союза. Это *изгой*; слово это, происходящее отъ формы глагола жить—*жити*, въ буквальный смыслъ означаетъ «*изжитой*», поставленный внѣ житейскихъ условій человекъ. Въ одномъ древнемъ законодательномъ памятникѣ дается такое опредѣленіе изгой: «Изгой-трои:—поповъ сынъ грамотъ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се четвертое изгойство о себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ». По древнему обычаю всѣ эти люди перестаютъ быть тѣмъ, чѣмъ были прежде, теряютъ права прежняго состоянія и ставятся какъ бы внѣ защиты закона. Но не такъ думала церковь, передъ нею всѣ были равны, всѣ одинаково могли рассчитывать на ея покровительство; и поповъ безграмотный сынъ и выкупившійся холопъ и задолжавшій купецъ и осиротѣлый князь, всѣ становились подъ ея защиту, въ рядъ съ «людьми церковными». Вотъ доказательство того, сколько новаго, чисто реального внесла въ русскую жизнь церковь.

Но она не ограничилась этимъ случайнымъ вліяніемъ на общественный бытъ. Въ Византіи и на Руси она имѣла право суда въ семейныхъ и другихъ дѣлахъ. Сфера ея, права и законы, были иможены въ законодательномъ сборникѣ, называвшемся «*Номоканонъ*». Болгаре, принявшіе христіанство раньше русскихъ, перевели его на свой языкъ; отсюда Номоканонъ перешелъ на Русь въ нѣсколькихъ редакціяхъ (подъ названіемъ «*Кормчей книги*»), въ которыхъ излагался рядъ законодательныхъ постановленій, не только церковно административнаго, но и судебного характера. «Кормчая» стала такимъ образомъ на Руси новымъ закономъ, съ которымъ въ русскую жизнь вторгается новые элементы—церковный канонъ и римское право. Но при этомъ церковь принимала во вниманіе русскіе права и обычаи, такъ какъ дѣятельность свою она развивала въ странѣ русской. Руководясь въ дѣлѣ суда и управленія своего русскимъ правомъ, церковная іерархія обрабатывала его и вліяла на его измѣненіе, какъ объ этомъ дошли до насъ свидѣтельства еще отъ времени Владиміра Святаго. Вотъ дѣльный рядъ тѣхъ юридическихъ послѣдствій, которыя влекло за собою для Руси принятіе христіанства.

Но этими явленіями въ сферѣ общественной не ограничилось вліяніе новой церкви на Русь. И политическій порядокъ, существовавшій на Руси, не оставленъ былъ безъ вниманія со стороны церковной среды, принесшей съ собою на Русь византійскія понятія о государствѣ. Церковное подчиненіе Киевскаго митрополита Константинопольскому патриарху было фактомъ обще-признаннымъ, а въ связи съ этимъ церковнымъ подчиненіемъ брошена была на русскую почву и идея о свѣтскомъ подчиненіи русскихъ Византіи. Правда, тѣ немногіе факты, которые свидѣтельствуютъ о существованіи какихъ-то обязательныхъ отношеній между Киевскими князьями и византійскимъ императоромъ, не даютъ еще права говорить о правильной политической зависимости Руси отъ Константинополя, нѣтъ однако сомнѣнія, что

въ идеѣ Византійскій императоръ представлялся русскимъ людямъ, какъ верховный повелитель всего православнаго міра. Въ Кіевскую эпоху эта мысль о политическомъ единствѣ, не получила никакого практическаго примѣненія, но въ эпоху болѣе позднюю мы встрѣтимся съ фактомъ ея господства надъ умами. Большимъ сравнительно значеніемъ пользовалась другая идея, взятая русскими книжниками изъ Византіи; это—идея о божественномъ происхожденіи власти. Князья съ точки зрѣнія этой идеи были лицами, въ своей власти независимыми отъ народныхъ массъ, а при такомъ взглядѣ на дѣло, власть князей должна была считаться болѣе высокой и полномочной. Новая идея направлялась такимъ образомъ въ пользу князей, усиливала ихъ авторитетъ, требуя отъ нихъ въ то же время и болѣе серьезнаго отношенія къ власти: князь, какъ слуга Божій, не долженъ былъ руководиться иными цѣлями, кромѣ достиженія общаго блага. Указанные примѣры достаточны для того, чтобы видѣть, какого рода политическія представленія сообщались русскимъ людямъ и насколько они шли въ разрѣзъ съ фактами ихъ государственной жизни.

Мы не можемъ останавливаться на изображеніи культурнаго вліянія христіанства. Изученіе древнѣйшей русской письменности въ курсѣ исторіи литературы, откроетъ передъ вами тотъ фактъ, что только съ принятіемъ христіанства, для русскаго общества открылась возможность усвоенія славянской письменности, созданной трудами Кирилла и Меѳодія. Только съ конца X вѣка началось книжное просвѣщеніе въ Кіевѣ и Новгородѣ и скоро дало блестящіе плоды. Скорые успѣхи достигнуты были и русскимъ искусствомъ, которое зародилось какъ слуга религіи, поди вліяніемъ Византіи. Намъ очень важно отмѣтить одну сторону культурнаго вліянія новой религіи на народный бытъ. Новая церковная организація, давшая одну іерархію всей землѣ, была могучимъ средствомъ для *внутренняго народнаго объединенія*, рядомъ съ политическимъ единствомъ, существовавшимъ ранѣе. Церковь и созданное ею просвѣщеніе, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ князья и созданная ими администрація, подѣйствовала на народное самосознаніе. Въ XI вѣкѣ мы можемъ уже назвать Кіевское княжество *политической формой единой народности*.

Кіевская Русь въ XI—XII вв.

Принятіе христіанства съ его многообразными послѣдствіями представляетъ собою въ исторіи кіевской Руси тотъ рубежъ, который отдѣляетъ древнѣйшую эпоху отъ таеъ называемой эпохи удѣльно — вѣчевой. Изучая періодъ дохристіанскій, мы приходимъ къ тому заключенію, что единодержавіе въ то время не было; Русь нѣсколько разъ дробилась на княжества (послѣ Святослава, Владиміра Св.). При жизни князя отца, сыновья сидѣли намѣстниками въ главныхъ городахъ и платили отцу дань. По смерти отца, земля дробилась на части по числу сыновей, и лишь политическая случайность приводили къ тому, что въ концѣ концовъ возстановлялось единодержавіе. (Братья,

враждующих за наследство, обыкновенно истребляли друг друга). Познакомимся теперь с группой тех политических фактов, совершившихся по смерти Ярослава Мудрого, которые дадут нам первые понятия о порядке государственного владения в XI вѣкѣ, (во второй его половинѣ) и в XII вѣкѣ. Ярославъ, умирая раздѣлилъ землю такимъ образомъ, Старшему сыну *Изяславу*, далъ Кіевъ и Новгородъ, т.-е. два конца торговаго пути, очевидно, что Изяславъ былъ самый богатый, самый могущественный князь. Второму сыну Святославу Ярославъ далъ Черниговъ; третьему—Всеволоду—Переяславль, (недалеко отъ Кіева), четвертому, Вячеславу—Смоленскъ; пятый, Игорь—владѣлъ Владиміромъ—Волинскимъ; но у Ярослава былъ еще внукъ отъ старшаго сына, Владиміра Ярославича, доблестный Ростиславъ, о которомъ сложилось много легендъ,—ему Ярославъ ничего не далъ. Тогда Ростиславъ бросился самъ на Тмутаракань, захватилъ ее и оставилъ за собою. Старшинство Ярославъ далъ старшему сыну. Но Изяславъ—не счѣмъль поддержать свой авторитетъ: онъ возсталъ противъ себя кіевлянъ, которые его изгнали. Возвратясь затѣмъ въ Кіевъ, Изяславъ былъ вторично изгнанъ оттуда братьями; онъ бѣжалъ на Западъ; Кіевскій столъ занялъ Святославъ и княжилъ тамъ до смерти. Затѣмъ Кіевъ опять переходитъ къ Изяславу, а Черниговъ въ это время достается Всеволоду. Послѣ смерти Изяслава, Кіевскій престолъ занялъ Всеволодъ, а второй городъ—Черниговъ, Всеволодъ отдалъ своему старшему сыну Владиміру. Дѣтей Святослава онъ совсѣмъ вычеркнулъ изъ общаго наследія, какъ *изгоевъ*, которые не имѣли права на великокняжескій престолъ, ибо отецъ ихъ не могъ бы стать великимъ княземъ, еслибы соблюдалъ старшинство и не прогналъ съ престола старшаго брата своего, который его пережилъ. Въ 1093 году умеръ Всеволодъ, оставивъ послѣ себя сына Владиміра, прозваннаго Мономахомъ по имени своего дѣда со стороны матери. Молодой князь не встрѣтилъ бы препятствій со стороны кіевлянъ, если бы захотѣлъ занять отцовскій великокняжескій престолъ, но не желая новыхъ усобицъ и соблюдая родовое старшинство, Мономахъ предоставляет Кіевскій столъ старшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ Святополку Изяславичу, который, какъ старшій въ родѣ, имѣлъ на великокняжескій столъ всѣ права. Этотъ князь однако не умѣлъ соблюдать спокойствіе въ русской землѣ и потому не пользовался народнымъ расположеніемъ. Во время его княженія Святославичи, признанные *изгоями*, со стороны своихъ дядей Изяслава и Всеволода, стали добиваться политической полноправности и заявили притязаніе на Черниговскій столъ, занятый Мономахомъ. Послѣ долгихъ смутъ Любечскимъ съѣздомъ 1097 г. права Святославичей на Черниговъ были восстановлены и вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ подѣлилъ всѣ русскія волости между князьями на началахъ справедливости. Но справедливость была вскорѣ попорана главнымъ ея блюстителемъ Святополкомъ, который совершилъ извѣстное насиліе надъ Василькомъ. Это насиліе повлекло за собой новыя усобицы, для прекращенія которыхъ былъ назначенъ новый съѣздъ. Въ 1100 году въ городѣ Увѣтчахъ или

Витичевъ, Святополкъ, Мономахъ и Святославичи, заключили между собой союзъ для возстановленія мира на Руси.

Когда Витическимъ съѣздомъ былъ водворенъ порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ, тогда стало возможно подумать и о дѣлахъ вѣшнихъ—о борьбѣ съ половцами. Владиміръ и Святополкъ съѣхались на берегу Долобскаго озера (1103 г.) и рѣшили двинуться общими силами на половцевъ. Эти съѣзды Любечскій, Витичевскій и Долобскій показываютъ намъ что въ важныхъ спорныхъ вопросахъ князья—внуки Ярослава—прибѣгаютъ къ създамъ, какъ къ высшему учрежденію, имѣющему право безапелляціоннаго рѣшенія. Событія же ихъ вызвавшія свидѣлствуютъ, что Русь во время княженія Святополка не пользовалась спокойствіемъ и что нарушителемъ этого спокойствія часто былъ самъ великій князь. Понятно, почему по смерти Святополка (1113 г.) даже лѣтописецъ, всегда готовый хвалить покойнаго князя, хранитъ о немъ полное молчаніе.

Послѣ смерти нелюбимаго князя кіевляне посылаютъ звать на великокняжескій престолъ Владиміра Мономаха, но Мономахъ, не желая нарушать разъ признанныхъ правъ Святославичей, отказывается отъ великокняжества. Однако кіевляне, не любившіе Святославичей, не принимаютъ отказа Мономаха и отправляютъ къ нему новое посольство съ тѣмъ же предложеніемъ, угрожая бунтомъ въ случаѣ отказа, и тогда Владиміръ вынужденъ былъ согласиться и принять Кіевъ. Такъ воля гражданъ нарушила права старшинства, передавъ ихъ въ руки достойнѣйшему помимо старѣйшаго. Однако это нарушеніе старшинства, хотя и вынужденное, должно было вызвать новыя усобицы и если при жизни сильнаго и всѣми любимаго Мономаха, Святославичи должны были затанить свою ненависть къ невольному похитителю ихъ правъ, то они передали эту ненависть своимъ дѣтямъ, она то и послужила причиной кровавыхъ усобицъ между потомствомъ Святослава и потомствомъ Всеволода, но эти усобицы произошли значительно позднѣе. Потомки Святослава Черниговскаго не препятствовали тому, чтобы послѣ смерти Мономаха (1125 г.) старшинство принялъ сынъ его Мстиславъ. Да и не легко было оспаривать у него великокняжескій столъ: Святославичи, по тогдашнимъ понятіямъ, потеряли свои права на Кіевъ оттого, что не противились занятію Кіевского стола Мономахомъ; этимъ понизили свой родъ передъ родомъ Мономаха и утратили, не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, всякое право на великокняжескій столъ. Со стороны черниговскихъ князей также не послѣдовало возобновленія притязаній на Кіевъ и тогда, когда (въ 1132 году) Мстиславъ умеръ и старшинство перешло въ руки брата его Ярополка Владиміровича, что вполнѣ согласовалось съ желаніемъ кіевлянъ, которые не хотѣли никого кромя Мономаховичей. Черниговскіе князья не могли протестовать, ибо они были безсильны, пока миръ господствовалъ въ родѣ Мономаха. Въ княженіе Ярополка однако этотъ миръ былъ нарушенъ. Передъ смертью Мстиславъ обязавъ своего брата и преемника Ярополка отдать Переяславль его старшему сыну Всеволоду Мстиславичу. Вступивъ на великокняжескій престолъ, Ярополкъ успѣшилъ исполнить

предсмертную волю брата, но это вызвало неудовольствие со стороны младших сыновей Мономаха—Юрія Ростовскаго и Андрея Владиміро-Волынскаго. Узнавъ о перемѣщеніи племянника въ Переяславль, они сочли это шагомъ къ старшинству помимо ихъ и поспѣшили выгнать Всеволода изъ Переяславля. Тогда Ярополкъ водворилъ туда втораго Мстиславича,—Изяслава, княжившаго въ Полоцкѣ. Но и это распоряженіе не успокоило младшихъ дядей,—въ каждомъ племянникѣ, который сидѣлъ въ Переяславлѣ, они видѣли наслѣдника старшинства, будущаго князя Кіевскаго. Чтобы успокоить братьевъ Ярополкъ вывелъ и Изяслава изъ Переяславля и послалъ туда брата своего Вячеслава; но тотъ скоро самъ оставилъ эту область и она была уступлена Юрію Ростовскому.

Враждою между дядями и племянниками, въ потомствѣ Мономаха, не замѣдлили воспользоваться Святославичи и рѣшились предъявить свои права на великое княженіе. Обстоятельства сложились благоприятно для Святославичей: Ярополкъ Владиміровичъ скончался въ 1139 году и мѣсто его заступилъ братъ его Вячеславъ, человекъ безхарактерный и не способный. Такимъ ничтожествомъ великаго князя воспользовались Святославичи въ лицѣ Всеволода Ольговича; онъ подступилъ къ Кіеву, Вячеславъ не могъ сопротивляться и уѣхалъ въ Туровъ, а Всеволодъ занялъ его мѣсто. Довольно понятно, почему Мономаховичи допустили внука Святослава занять старшій столъ: линия Мономаха въ это время не имѣла главы,—все старшіе Мономаховичи (Вячеславъ, Юрій, Андрей) были слабые неэнергичные люди и единственный предпримчивый человекъ, могущій защищать интересы своего рода, былъ старшій сынъ старшаго Мономаховича—Изяславъ Мстиславичъ Владиміро-Волынскій, но онъ находился во враждѣ со старшими членами рода и потому не вступился за права своего дяди Вячеслава. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что старшая сестра Изяслава была замужемъ за княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, а по понятіямъ того времени старшій зять почитался за отца.

Въ 1144 году Всеволодъ Ольговичъ, въ присутствіи Ольговичей, Давидовичей и одного Мономаховича—Изяслава Мстиславича, объявилъ, что поступокъ Мономаха и сына его Мстислава, которые не обращая вниманія на родъ Святослава, отдали Кіевъ одинъ—сыну своему, другой—брату, что этотъ поступокъ даетъ ему право передать старшинство своему брату Игорю, помимо Мономаховичей. Со всѣхъ присутствовавшихъ была потребована клятва въ признаніи Игоря Ольговича на столѣ Кіевскомъ. Такая же клятва была взята и съ кіевскихъ гражданъ въ 1146 г., но клятва эта была скоро нарушена. Едва Игорь сѣлъ на столъ, какъ кіевляне отправили посольство звать на кіевскій столъ Изяслава Мстиславича. Послѣдній немедленно двинулся къ Кіеву, объявивъ, что терпѣлъ на старшемъ столѣ Всеволода, какъ мужа старшей сестры своей, но что другихъ Ольговичей на Кіевскомъ столѣ не потерпитъ. Кіевляне перешли на его сторону, Игорь былъ взятъ въ плѣнъ и погибъ, а Изяславъ занялъ великокняжескій столъ.

Въ лицѣ Изяслава родъ Мономаха снова восторжествовалъ

надъ родомъ Святослава. Но самовольный захватъ Изяславомъ кievскаго стола вооружилъ противъ него двухъ старшихъ Мономаховичей, двухъ его дядей: Вячеслава, который нѣкогда сидѣлъ въ Кіевѣ, но былъ изгнанъ Всеволодомъ Ольговичемъ, и Юрія, князя Ростовскаго. Юрій, недовольный тѣмъ, что старшинство досталось его племяннику, а не брату, началъ съ Изяславомъ борьбу и одержалъ верхъ. Изяславъ удалился во Владиміръ-Волинскій, а въ Кіевѣ сталъ княжить Юрій. Но и онъ не долго удержалъ за собой кievскій столъ; Изяславу удалось изгнать его и снова вернуть себѣ Кіевъ, а чтобы обезпечить себя отъ обвиненій въ незаконномъ захватѣ престола, онъ пригласилъ въ Кіевъ старшаго дядю Вячеслава, который, довольствуясь почетомъ, предоставилъ всю власть племяннику. Но Юрій не оставилъ своихъ притязаній на Кіевъ, несмотря на то, что Изяславъ обставилъ дѣло вполне законно, воспользовавшись первой удобною минутою и подступилъ къ Кіеву. Изяславъ и Вячеславъ оставили городъ и Юрій вторично завладѣлъ имъ, но опять-таки не на долго. Кіевскіе граждане любили Изяслава и при первомъ его появленіи перешли на его сторону. Юрій снова уѣхалъ изъ Кіева, а Изяславъ, вѣрный прежнему намѣренію, сталъ княжить именемъ Вячеслава. Въ 1154 году Изяславъ умеръ; престарѣлый Вячеславъ вызвалъ другого своего племянника Ростислава Смоленскаго, и кievляне присягнули ему, заключивъ однако договоръ, что онъ будетъ чтить своего дядю Вячеслава, какъ дѣлалъ это его покойный братъ. Послѣ же смерти Вячеслава кievляне приняли Изяслава Давидовича, представителя Святославичей; но тутъ снова выступаетъ Юрій, и престолъ въ третій разъ переходитъ къ нему.

Въ 1157 г. Юрій умираетъ, и кievляне, не любившіе этого князя, хотя онъ и былъ Мономаховичъ, снова зовутъ на кievскій столъ Изяслава Давидовича, но одинъ изъ младшихъ Мономаховичей, Мстиславъ Изяславичъ Владиміро-Волинскій, опасаясь, что кievскій столъ уйдетъ изъ рукъ Мономаховичей, изгналъ Изяслава изъ Кіева и водворилъ тамъ своего дядю Ростислава, а послѣ смерти его въ 1168 году самъ занялъ великокняжескій престолъ. Но въ то же время претендентомъ на старшинство является сынъ Юрія—Андрей, котораго Мстиславъ обошелъ, какъ раньше отецъ его Изяславъ обошелъ дядю своего Юрія. Одинаковыя отношенія вызвали одинаковыя послѣдствія — упорную вражду. Побѣда въ этой борьбѣ осталась на сторонѣ Андрея; въ 1169 г. Кіевъ былъ взятъ, Мстиславъ удалился въ свою Волинскую область, Кіевъ былъ ограбленъ и сожженъ и самъ побѣдитель не остался въ немъ, а ушелъ на сѣверъ.

Таковы факты политической жизни такъ называемаго Кіевского періода. Изъ всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать выводъ, что существовалъ въ данное время порядокъ наслѣдованія и владѣнія *родовой*—отъ брата къ брату и отъ дяди къ племяннику, и что этотъ порядокъ въ первое же время своего существованія терпѣлъ нарушенія. Событія времени внуковъ и правнуковъ Ярослава ясно показываютъ, что эти нарушенія были чрезвычайно часты и что наслѣдованіе столовъ запутывалось до чрезвычайности. Вопросъ о политическомъ устройствѣ Кіевской Руси поэтому представляетъ много трудностей; онъ вызывалъ

массу изслѣдованій и споровъ между историками. Научная полемика здѣсь вращается около двухъ вопросовъ: 1) что породило и поддерживало раздробленіе на княжества древней Руси? 2) на какомъ принципѣ, при такомъ положеніи дѣлъ, держалось единство Русской земли?

Отвѣтъ на первый вопросъ сначала казался очень простымъ. Историки прошлаго вѣка, и отчасти *Карамзинъ*, объясняли его тѣмъ, что князья не желали обижать сыновей и всѣмъ имъ давалъ землю. Но впоследствии поняли, что личный княжескій произволъ не можетъ раздробить государство, которое обладаетъ національнымъ единствомъ и стали искать причину въ другихъ явленіяхъ, въ обычаяхъ и отвлеченныхъ воззрѣніяхъ племенъ. Одни думали, что политическое дробленіе вообще въ нравахъ и обычаяхъ славянъ (впервые эта мысль была высказана *Надеждинымъ*). Другіе (какъ *Погодинъ*) видѣли причину образованія многихъ княжескихъ столовъ въ томъ, что князья, какъ собственники земли, считали себя въ правѣ, по обычаю славянскому, владѣть землею *сообща*. Наконецъ, третьи (школа родового быта) удачно подмѣтили порядокъ наследованія столовъ и думали, что родового быта князей въ одно время и поддерживалъ земское единство и дѣлилъ землю на части по числу родичей, имѣющихъ право на владѣніе родовымъ имуществомъ. Въ послѣднее время изслѣдователи ищутъ причинъ раздробленія Руси въ реальныхъ условіяхъ общественной жизни: *Пассекъ* находилъ эти причины въ стремленіи городскихъ общинъ къ автономіи. *Костомаровъ* полагалъ, что причины эти вытекали изъ стремленія къ обособленію не городскихъ общинъ, а племенъ входившихъ въ составъ Кіевского княжества, (онъ насчитывалъ 6 племенъ). *Ключевскій* въ сущности поддерживалъ взглядъ *Пассека*, говоря такимъ образомъ: «Русская земля первоначально сложилась изъ самостоятельныхъ городовыхъ областей помощью тѣснаго союза двухъ аристократій,—военной и торговой. Когда этотъ союзъ земскихъ силъ распался (благодаря подвижности, бродячести князей), составныя части земли стали также возвращаться къ прежнему политическому обособленію, тогда знать торгового капитала осталась во главѣ мѣстныхъ міровъ, и аристократія оружія съ своими князьями поверхъ этихъ міровъ... («Боярская Дума», 2 изд., 51—52).

Второй вопросъ—на чемъ держалось единство земли? Разрѣшался также различно. Прежніе историки, и даже *Карамзинъ*, не останавливались надъ нимъ долго: они говорили, что единство земли основывалось на чувствѣ княжескаго родства, которое связывало князей въ одно цѣлое. Школа родового быта первая дала научное объясненіе вопросу; она основывалась на понятіи родового владѣнія. Родъ князей, представляя одно неразрывное цѣлое, соединяетъ въ своемъ владѣніи землю. Землю сразу владѣютъ всѣ князья, помня, что сами они «одного дѣда внуки». Русь была такимъ образомъ, единымъ государствомъ, потому что она была владѣніемъ одного рода. Иного мнѣнія были представители федеративной теоріи, во главѣ которыхъ стоялъ *Костомаровъ*; онъ видѣлъ въ древней Руси федерацію, основанную на единствѣ происхожденія и языка, единствѣ вѣры и церкви, и наконецъ на единствѣ династии, правящей страной. Но федерація предполагаетъ существо-

ваніе нѣкоторыхъ постоянныхъ учреждений, общихъ для всей федераціи, между тѣмъ на Руси такихъ учреждений указать нельзя; княжескіе съѣзды, напримѣръ, не представляютъ ничего юридически опредѣленнаго. Вотъ почему федеративную теорію смѣнила новая, принадлежащая *Сергѣевичу*—послѣдователю Чичерина. Еще Чичеринъ говорилъ, что древняя Русь не знала государственнаго порядка и жила на правѣ частномъ, на порядкѣ договорномъ. Исходя изъ этой мысли, *Сергѣевичъ* пришелъ къ тому выводу, что древняя Русь не имѣла политическаго единства, а единственнымъ движущимъ началомъ жизни было начало личнаго интереса. Князья не знаютъ сдержки личному произволу, они не наследуютъ столовъ по праву, а «добываютъ» ихъ силою или искусствомъ, формулируя свои отношенія къ другимъ князьямъ и къ земщицѣ условіями «рядовъ», т. е. договоровъ; о единствѣ государства не можетъ быть и рѣчи. Профессоръ *Ключевскій* предлагаетъ въ «Боярской Думѣ» рядъ соображеній, которыми пытается слить въ одно цѣлое нѣкоторыя прежнія представленія по этому вопросу. Но у него есть и очень оригинальная мысль: онъ говоритъ, что въ основаніи единства русской земли лежатъ двѣ связи: 1-я родственная, связывающая князей 2-я экономическая, связывающая области. Своеобразное сочетаніе условій, вытекающихъ изъ экономической жизни волостей, съ условіями родового быта князей породило постоянное движеніе князей по городамъ и постоянное взаимодействіе земскихъ мировъ. Въ этомъ и выражалось единство Русской земли.

Попробуемъ резюмировать обзоръ втораго вопроса. Съ своей точки зрѣнія, всѣ ученія были правы, потому что всѣ освѣщали правильно одну какую нибудь сторону вопроса: одни уловили формулу законнаго владѣнія, собственно *идею* порядка,—это школа родового быта; другіе занимались не столько изученіемъ нормъ, хотя бы и идеальныхъ, сколько изслѣдованіемъ ихъ нарушеній—это *Сергѣевичъ*; третьи отмѣтили роль общества въ древней Руси, при чемъ понимали ее различно, это *Костомаровъ* и *Пассекъ*. Каждый вносилъ свой взглядъ, и взглядъ этотъ возбуждалъ возраженія другихъ. При всѣхъ разногласіяхъ, существующихъ въ вопросѣ, мы можемъ однако сказать, что вопросъ теперь достаточно освѣщенъ въ основныхъ своихъ чертахъ. Родовой порядокъ наследованія столовъ, какъ идеальная законная норма, несомнѣнно существовалъ. Но рядомъ съ нимъ существовали и условія подрывавшія правильность этого порядка. Такъ, княжескіе съѣзды нерѣдко постановляли рѣшенія, противныя законному теченію наследованія, Любечскій съѣздъ князей (1096) постановилъ рѣшеніе о князьяхъ, чтобы каждый изъ нихъ «держалъ отчину свою». Этотъ принципъ отчинности, т. е. семейнаго наследованія отъ отца къ сыну безспорно начиналъ дѣйствовать въ умахъ той эпохи, разлагая родовое начало. Произволъ князей, или же признававшихъ законнаго порядка и авторитета старшихъ, или же нарушавшихъ, благодаря силѣ и старшинству, интересы младшихъ князей,—тоже препятствовалъ правильности политической жизни. Изгойство, исключеніе князей изъ правъ ихъ состоянія, создавало по краямъ Русской земли такіа области изгоевъ, которыми они владѣли уже по семейному, а не по родовому порядку: вла-

дѣтель-изгой не могъ претендовать на инныя волости, но и на его волость не должны были претендовать другіе князья. Наконецъ, если мы вспомнимъ вмѣшательство въ политическія дѣла и въ вопросы наследованія городскихъ вѣчей, которые иногда не признавали для себя обязательными счеты княжескаго старшинства и звали въ города князей по своему выбору, то мы укажемъ всѣ важнѣйшія условія, разлагавшія правильный порядокъ политической жизни.

Наличность этихъ условій служить яснымъ доказательствомъ того, что политическое устройство Киевскаго княжества было неустойчиво. Составленное изъ многихъ племенныхъ и городскихъ міровъ это княжество не могло объединиться въ единое *государство* въ нашемъ смыслѣ слова и въ XI вѣкѣ распалось. Поэтому, точнѣ всего будетъ опредѣлить Киевскую Русь, какъ совокупность многихъ княженій, объединенныхъ одною династіей, единствомъ религіи, племени, языка и народнаго самосознанія. Это самосознаніе достовѣрно существовало: съ его высоты народъ обсуждалъ свое политическое неустройство, осуждалъ князей за то, что они «несли землю розно» своими «которами» и убѣждалъ князей быть въ единствѣ въ интересахъ единой «земли Русской».

Политическая связь киевскаго общества была слабѣе всѣхъ другихъ его связей, и это было одною изъ самыхъ видныхъ причинъ паденія Киевской Руси.

Отъ общей формы политическаго быта перейдемъ къ частностямъ этого быта. Мы замѣтили, что первою политическою формою, которая зародилась на Руси, былъ бытъ городской или областной. Когда областная и городская жизнь уже сложилась, въ города и области явилась княжеская династія, объединившая области въ одно княжество. Рядомъ съ властями городскими стала власть княжеская. Этимъ и обусловливается тотъ фактъ, что въ XI, XII вв. наблюдаются на Руси двѣ политическія власти: 1-я) княжеская и 2-я) городская или вѣчевая. Вѣче старше князя, но зато князь часто виднѣе вѣча; послѣднее на время уступаетъ ему свое значеніе и въ X и XI вв. князь кажется единственнымъ представителемъ политической власти.

Обратимся къ изученію княжеской власти. Князья киевскіе, — старшіе или младшіе, были всѣ политически другъ отъ друга независимы. на нихъ лежали только нравственныя обязанности: князья волостные должны были почитать старшаго, великаго князя «въ отца мѣсто»; вмѣстѣ съ нимъ должны были охранять «отъ поганыхъ» свою волость, сообща съ нимъ думать-гадать о русской землѣ и рѣшать важные вопросы русской жизни. Мы отличаемъ три главныя функціи дѣятельности древне-киевскихъ князей. Во-первыхъ, князь законодательствовалъ, и «Русская Правда» нѣсколькими изъ своихъ статей прямо подтверждаетъ это. Въ Правдѣ читаемъ, напримѣръ, что сыновья Ярослава: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ совмѣстно постановили замѣнить мечь за убійство денежнымъ штрафомъ. Заглавія нѣкоторыхъ статей «Правды» свидѣтельствуютъ, что эти статьи были

«судомъ» княжескимъ, т.-е. были уставлены князьями. Такимъ образомъ законодательная функція князей засвидѣтельствована древнимъ памятникомъ. Вторая функція ихъ власти—военная. Князья явились въ первый разъ въ русскую землю, какъ защитники ея границъ, и въ этомъ отношеніи послѣдующіе князья отличались отъ первыхъ. Припомнимъ, что Владиміръ Мономахъ едва ли не главной своей задачей считалъ оборону границъ отъ половцевъ; къ борьбѣ съ половцами склонялъ онъ другихъ князей на сѣздахъ и предпринималъ вмѣстѣ съ другими князьями общіе походы на кочевниковъ.

Третья функція—есть функція судебная и административная. «Русская Правда» свидѣтельствуетъ, что князья сами судили уголовныя дѣла. По «Русской Правдѣ» за убіеніе княжескаго конюшаго взымался штрафъ въ 80 гривенъ «яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили Дорогобужьци». Здѣсь «Правда» указываетъ дѣйствительный судебный случай. Относительно административной дѣятельности князей мы можемъ сказать, что они съ давнишнихъ поръ несли на себѣ обязанности управленія, устанавливали «погосты и дани». Еще на самыхъ первыхъ страницахъ лѣтописи мы читаемъ, какъ Ольга «устави по Мьстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани». (Погосты представляли собою административные округа). Вотъ главныя обязанности князя Кіевской эпохи: онъ законодательствуетъ, онъ представитель военной власти, онъ верховный судья и верховный администраторъ. Эти признаки всегда характеризуютъ высшую политическую власть. Сообразно съ характеромъ своей дѣятельности князья имѣютъ и слугъ, такъ называемую дружину, своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, съ помощью которыхъ они управляютъ странюю. Въ лѣтописи можно найти много свидѣтельствъ, даже съ поэтическимъ характеромъ, о близкомъ отношеніи дружины къ князю. Еще Владиміръ Святой, по лѣтописному преданію, высказалъ мысль, что серебромъ и золотомъ дружины нельзя пріобрѣсти, а съ дружиною можно достать и золото, и серебро. Такой взглядъ на дружину, какъ на нѣчто неподкупное, стоящее къ князю въ отношеніяхъ нравственнаго порядка, проходитъ черезъ всю лѣтопись.—И въ позднѣйшее время Дмитрій Донской въ своемъ завѣщаніи называетъ бояръ «князьями земли своей» и завѣщаетъ дѣтямъ слушаться ихъ. Дружина въ древней Руси пользовалась большимъ вліяніемъ на дѣла, она требовала, чтобы князь безъ нея ничего не предпринималъ, и когда одинъ молодой кіевскій князь рѣшилъ походы, не посоветовавшись съ нею, она отказала ему въ помощи, а безъ нея не пошли и союзники князя. Сплоченность князя съ дружиною вытекала изъ самыхъ реальныхъ жизненныхъ условий, хотя и не опредѣлялась никакимъ закономъ. Дружина скрывалась за княжескимъ авторитетомъ, но она поддерживала его; князь съ большою дружиною былъ силенъ, съ малой—слабъ. Дружина дѣлилась на старшую и младшую. Старшая называлась «боярами»; происхождение этого слова толкуютъ различно, между прочимъ существуетъ предположеніе, что оно произошло отъ слова «болій»; «большій»). Бояре были вліятельными совѣтниками князя; они въ дружинѣ безспорно составляли самый высшій слой и нерѣдко имѣли свою соб-

ственную дружину. За ними слѣдовали такъ называемые «мужи» или «князьи мужи»—воины и княжескіе чиновники. Младшая дружина называется «гриди»; иногда ихъ называютъ «отроками» при чемъ это слово нужно понимать лишь какъ терминъ общественнаго быта, который могъ относиться, можетъ быть, и къ очень старому человѣку. Вотъ какимъ образомъ дѣлилась дружина. Вся она, за исключеніемъ княжескихъ рабовъ—холоповъ, одинаково относится къ князю,—она приходила къ послѣднему и заключала съ нимъ «ряды», въ которыхъ обозначала свои обязанности и права. Князь долженъ былъ относиться къ дружиннику, какъ къ человѣку, вполне независимому, потому что дружинникъ всегда могъ покинуть князя и искать другой службы. Изъ дружины князь беретъ своихъ администраторовъ, съ помощью которыхъ онъ управляетъ землею и охраняетъ ее. Эти помощники назывались «вирниками» и «тіунами», обязанность которыхъ состояла въ судѣ и взыскаіиіи виры, т. е. судебной пошлины, въ управленіи землею и въ сборѣ дани.

Дань и вира кормила князя и дружину. Князь собиралъ дань иногда съ помощью чиновниковъ, а иногда и лично. Собиралась дань натурой и деньгами, и точно также не одной натурой, но и деньгами давалась дружинѣ. Одинъ лѣтописецъ-публицистъ XIII вѣка пишетъ о времени болѣе раннемъ, что князь «оже будяше права вира, и ту возма,—даеше дружинѣ на оружіе. А дружина его.. не жадаху: «мало ми есть, княже, 200 гривенъ», не кладаху на свои жены златыхъ обручей, но хожуху ихъ жены въ серебрѣ». Окладъ въ 200 гривенъ каждому дружиннику—очень великъ по тогдашнимъ понятіямъ и несомнѣнно свидѣтельствуетъ о богатствѣ кievскихъ князей (если въ гривнѣ считать $\frac{1}{2}$ фунта серебра, то ея вѣсовая стоимость около 10 рублей). Откуда же появилось это богатство, какими источниками доходовъ пользовались князья? Во-первыхъ, средства князьямъ давала ихъ судебная дѣятельность. Во вторыхъ, князья получали дань, о которой уже говорилось. Въ-третьихъ, въ пользу князей шла военная добыча. Наконецъ, послѣдній видъ княжескихъ доходовъ—частные доходы. Пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, князья приобретаютъ себѣ частныя земли (села), которыя они строго различаютъ отъ владѣній политическихъ. Князь не можетъ завѣщать политическое владѣніе женщинѣ, а только сыну или брату, а между тѣмъ мы видимъ, что свои частныя земли онъ даетъ женѣ или дочери, или въ монастыри.

Перейдемъ къ характеристикѣ власти *вѣча*. Вѣче было старѣе князя. У лѣтописца XIII вѣка мы читаемъ: «Новгородцы до изначала и смольняне и кыяне, и полочане и вся власти яко же на думу на вѣче сходятся, на что же старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды стануть». Смыслъ этихъ словъ такой: изначала города и волости («власти») управлялись вѣчами и вѣче старшаго города управляло не только городомъ, но и всею его волостью. Рядомъ съ этими вѣчами, на которыхъ правомъ голоса пользовались всѣ главы семействъ, появилась власть князей, но князья не упразднили вѣча, а правили землею иногда при содѣйствіи, а иногда и съ противодѣйствіемъ послѣдняго. Отношенія князя къ вѣчу и, наоборотъ, вѣча къ князю—многіе

историки пытались опредѣлить съ точки зрѣнія законченнаго политическаго понятія, но это приводило только къ натяжкамъ. Факты вѣчевой дѣятельности, собранные въ книгѣ Сергѣевича «князь и вѣче», прежде всего не позволяютъ установить самой формы вѣча, которое очень легко спутать съ простыми народными сходками, и неопредѣленность формы часто заставляла исследователей различать вѣче законное и незаконное. Законнымъ называлось вѣче, созданное княземъ; вѣче же, собравшееся противъ князя, мятежническими обществами,—считалось незаконнымъ. Слѣдствіемъ юридической неопредѣленности въ вѣчѣ было то, что послѣднее было въ большой зависимости отъ условій чисто мѣстныхъ или временныхъ: политическое значеніе его понижалось при сильномъ князѣ, имѣвшемъ большую дружину, и, наоборотъ, усиливалось при слабомъ; кромѣ того, въ большихъ городахъ оно имѣло бѣдшее политическое значеніе, чѣмъ въ малыхъ. Изученіе этого вопроса заставляетъ насъ убѣдиться въ томъ, что отношенія между княземъ и вѣчемъ постоянно колеблются. Такъ, при Ярославѣ и его сыновьяхъ вѣче далеко не имѣло той силы, какъ при его внукахъ и правнукахъ. Когда власть князей усилилась и опредѣлилась, вѣче отъ политической дѣятельности перешло къ хозяйственной—занималось дѣлами внутренняго быта общины. Но когда родъ Рюриковичей размножился и наследственные счеты запутались,—городскія вѣча стремились возвратитъ себѣ политическое значеніе. Пользуясь смутю, они сами призывали къ себѣ того князя, котораго хотѣли, и заключали съ нимъ «ряды». Мало-по-малу, вѣче почувствовало себя настолько сильнымъ, что рѣшалось спорить съ княземъ, случалось, что князь стоялъ за одно, а вѣче за другое, и тогда вѣче зачастую «указываетъ князю путь», т. е. изгоняетъ его.

Перейдемъ къ общественному дѣленію древне-киевской Руси. Нужно замѣтить, что общество, стоящее на первой степени развитія, всегда имѣетъ одно и то же общественное дѣленіе, и у всѣхъ народовъ арійскаго племени мы встрѣчаемъ слѣдующія три группы: 1) основная масса (въ киевской Руси *люди*), 2) привилегированный слой (старцы, *болге*) и 3) лишенные правъ рабы (или на древне-киевскомъ языкѣ *золоти*). Такимъ образомъ, первоначальное общественное дѣленіе вызывалось не какимъ-нибудь исключительнымъ мѣстнымъ историческимъ условіемъ, а природою племени, если можно такъ выразиться. Но на глазахъ исторіи сложились и росли и мѣстные условія. Доказательствомъ этого роста служить «Русская Правда»—почти единственный источникъ нашихъ сужденій о специальномъ строѣ киевской Руси. Она дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ. Первая или краткая состоитъ изъ 43 статей, изъ которыхъ первыя 17-ть слѣдуютъ другъ за другомъ въ логической системѣ. Новгородская лѣтопись, содержащая въ себѣ этотъ текстъ «Правды», выдаетъ ее за законы, изданные Ярославомъ. Краткая редакція «Правды» многимъ отличается отъ нѣсколькихъ пространныхъ редакцій этого памятника. Она, несомнѣнно, древнѣе ихъ и отражаетъ въ себѣ киевское общество въ древнѣйшую пору его развитія. Пространныя редакціи «правды», состояція уже бо-

лѣе, чѣмъ изъ 100 статей, заключаютъ въ своемъ текстѣ указанія на то, что возникли онѣ въ цѣломъ составѣ въ XII вѣкѣ, не ранѣе; онѣ заключаютъ въ себѣ законоположенія князей именно XII вѣка (Владимира Мономаха) и рисуютъ намъ общество кievской Руси уже въ полномъ его развитіи. Разнообразіе текста разныхъ редакцій «Правды» затрудняетъ рѣшеніе вопроса о происхожденіи этого памятника. Старые историки (*Карамзинъ, Полюбинъ*) признавали «Русскую Правду» за официальный сборникъ законовъ, составленный Ярославомъ Мудрымъ и дополнявшійся его преемниками. Въ позднѣйшее время такого же мнѣнія держится изслѣдователь «Правды» *Ламе*. Но большинство ученыхъ (*Калачевъ, Дювернуа, Сергеевичъ, Бестужевъ-Рюминъ* и др.) думаютъ, что «Правда» есть сборникъ, составленный частными лицами, желавшими для личныхъ надобностей имѣть сводъ дѣйствовавшихъ тогда законодательныхъ правилъ. Это мнѣніе вѣроятнѣе потому, что, во-первыхъ, въ текстѣ «Русской Правды» можно указать статьи не юридическаго, а хозяйственнаго содержанія, имѣвшія значеніе только для частнаго быта, и во-вторыхъ, внѣшняя форма отдѣльныхъ статей и цѣлыхъ редакцій «Правды» имѣетъ характеръ частныхъ записей, составленныхъ какъ бы посторонними зрителями княжеской правообразовательной дѣятельности.

Изучая по «Русской Правдѣ» и по лѣтописи *составъ древняго кievскаго общества*, мы можемъ отмѣтить три древнѣйшихъ его слоя: 1) *тысый*, называемый «старцами градскими», «старцами людскими»; это земская аристократія, къ которой нѣкоторые изслѣдователи причисляютъ и огнищанъ. О старцахъ мы уже говорили, что же касается до *огнищанъ*, то о нихъ много мнѣній. Старые ученые считали ихъ домовладѣльцами или землевладѣльцами, производя терминъ отъ словъ *огнище* (въ областныхъ говорахъ оно означаетъ очагъ или пашню на изгари, т.-е. на мѣстѣ сожженаго лѣса); Владимірскій-Будановъ говорить, въ своемъ «обзорѣ исторіи русскаго права», что «старшіе дружинники именовались сначала огнищанами», но тутъ же прибавляетъ, что чешскій памятникъ «*Mater verborum*» толкуетъ слово огнищанинъ, какъ «вольнотпущенный» («*libertus, cni post servitium accedit libertas*»); видимое противорѣчіе авторъ думаетъ закрыть тѣмъ соображеніемъ, что старшіе дружинники могли происходить изъ младшихъ *невольныхъ* слугъ князя. Слово *огнище* въ древности значило дѣйствительно *раба, чалдъ*; въ такомъ смыслѣ встрѣчается оно въ древнемъ, XI вѣка переводѣ Словъ Григорія Богослова; поэтому нѣкоторые изслѣдователи (Ключевскій) въ огнищанахъ видятъ рабовладѣльцевъ, иначе говоря, богатыхъ людей въ ту древнѣйшую пору жизни общества, когда не земля, а рабы были главнымъ видомъ собственности. Если же обратить вниманіе на статьи «Правды Русской» (пространной), которыя, вмѣсто «огнищанина» краткой «Русской Правды», говорятъ о «княземъ мужѣ» или «тіунѣ огнищомъ»; то можно огнищанина счесть за князя мужа, завѣдывающаго княжескими холопами, т.-е. за лицо, предшествующее позднѣйшимъ *дворскимъ* или *дворецкимъ*. Положеніе послѣднихъ было очень высоко при княжескихъ дворахъ и въ то же время они могли сами быть холопами. Въ Новгородѣ же, какъ кажется,

огнищанами звали не однихъ дворецкихъ, а весь княжескій дворъ (повдѣе, *дворяне*). Такъ, стало быть, возможно принимать огнищанъ за знатныхъ княжескихъ мужей; но сомнительно, чтобы огнищане были высшимъ классомъ земскаго общества. 2) Средній классъ составляли *моди* (ед. чис. *модинъ*), «*мужи*», соединенные въ общины, *верви*. 3) *Холопы* или *челядь*—рабы и притомъ безусловные: *полные*, *обельные* (облыи—круглый) были третьимъ слоемъ. Съ теченіемъ времени, это общественное дѣленіе усложняется. На верху общества находится уже княжеская *дружина*, съ которой сливается прежній высшій земскій классъ. Дружина состоитъ изъ старшей («*бояръ* думающихъ и *мужей* храбрствующихъ») и младшей (*отроковъ*, *гридей*) въ нее входятъ и рабы князя. Изъ рядовъ дружины назначается княжеская администрація и судьи (*посадникъ*, *тиунъ*, *вирники* и др.). Классъ *модей* дѣлится опредѣленно на горожанъ (купцы, ремесленники) и *сельчанъ*, изъ которыхъ свободные люди называются *смердами*, а зависимые—*закупами* (закупомъ *ролейнымъ*, напримѣръ, называется сельскій земледѣльческій батракъ). Закупы не рабы, но ими начинается на Руси классъ *условно* зависимыхъ людей, классъ, съ теченіемъ времени, смѣнявшій собою полныхъ рабовъ. *Дружина* и *моди* не суть замкнутые общественные классы: изъ одного можно было перейти въ другой; основное различіе въ положеніи ихъ заключалось, съ одной стороны, въ отношеніи къ князю (одни князю *служили*, другіе ему *платили*; что же касается до *холоповъ*, то они имѣли своимъ «господиномъ» хозяина, а не князя, который ихъ вовсе не касался), а съ другой стороны—въ хозяйственномъ и имущественномъ отношеніи общественныхъ классовъ между собою.

Мы допустили бы большой пробѣлъ, еслибы не упомянули о совершенно особенномъ классѣ лицъ Кіевского общества, классѣ, который повиновался не князю, а церкви. Это *церковное общество*, состоявшее изъ: 1) іерархіи, священства и монашества; 2) лицъ, служившихъ церкви, церковнослужителей; 3) лицъ, призываемыхъ церковью,—старыхъ, увѣчныхъ, больныхъ; 4) лицъ, поступившихъ подъ опеку церкви,—изгоевъ, и 5) лицъ, зависимыхъ отъ церкви, «челядь» (холоповъ), перешедшихъ въ даръ церкви отъ свѣтскихъ владѣльцевъ. Церковные уставы князей такъ описываютъ составъ церковнаго общества: «А се церковныи люди: игумень, игуменьа, попь, діаконъ и дѣти ихъ; а се кто въ крылосѣ: попадьа, чернець, черница, проскурница, паломникъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ (т. е. получившій чудесное исцѣленіе), задѣшній человекъ (т. е. вольноотпущенный по духовному завѣщанію), изгонъ (т. е. лица, потерявшія права гражданскаго состоянія);... монастыреве, больницы, гостиницы, страннопримницы, то люди церковныи, богадѣльныи». Всѣхъ этихъ людей церковная іерархія вѣдаетъ администраціей и судомъ: «или митрополить, или епископъ тыи вѣдаютъ, между ими судъ или обиду»; изгоямъ и холопамъ и всѣмъ своимъ людямъ церковь создаетъ твердое общественное положеніе, сообщаетъ права гражданства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выводитъ ихъ вовсе изъ свѣтскаго общества.

Настолько развито и сложно стало общественное дѣленіе кievскаго общества къ XII вѣку. Раньше, какъ мы видѣли, общество было проще по составу и развилось оно уже на глазахъ исторіи.

Закончимъ нашъ обзоръ кievской Руси общей характеристикой ея культурнаго состоянія. Первое же знакомство съ кievскимъ бытомъ покажетъ вамъ существованіе древнихъ и сильныхъ городскихъ общинъ на Руси и обиліе вообще городскихъ поселеній; это обстоятельство — лучший признакъ того, что эта страна обладала крупными торговыми оборотами. Любопытенъ тотъ фактъ, что въ скандинавскихъ сагахъ Кіевъ называли «Гирдирикъ», страной городовъ, — «слѣдовательно, городская жизнь была въ глазахъ иноземцевъ выдающеюся чертою кievской Руси. Всѣхъ городовъ насчитываютъ около 300, — цифра очень крупная для земледѣльческой страны, которая не должна бы, кажется, отличатся большимъ развитіемъ городской жизни. Ясно, что такая многочисленность городовъ вызывалась не одними административными и военными потребностями, но и развитіемъ торговли, которая придавала городу значеніе рынка. Несомнѣнно, что главнымъ занятіемъ городскихъ жителей была торговля и что масса городского населенія состояла изъ торговыхъ и промышленныхъ людей. О развитіи торговли въ кievской Руси говорятъ намъ многие древніе авторы: русскіе купцы ѣздили въ Грецію, Болгарію, Германію, Чехію и на далекій Востокъ. Въ Кіевѣ и Новгородѣ было постоянное стеченіе купцовъ. Въ Новгородѣ жили нѣмецкіе купцы и имѣли свою церковь — «Варяжскую божницу», нѣмецкіе же купцы черезъ Польшу ѣздили въ Кіевъ. Въ Кіевѣ былъ еврейскій и, кажется, польскій кварталъ; жили постоянно купцы католическаго вѣроисповѣданія, которыхъ называли «Латиною», есть извѣстіе и объ армянахъ. Кіевъ былъ торговой станціей не только между сѣверомъ и югомъ, т.-е. между варягами и Греціей, но и между западомъ и востокомъ, т.-е. между Европою и Азіей, отсюда понятно торговое значеніе Кіева и всей южной Руси. Тихій земледѣльческій трудъ мѣшался здѣсь съ бойкимъ и шумнымъ торговымъ движеніемъ; жизнь отличалась многообразіемъ функций; торговля, вызывая знакомство съ многими народами, способствовала накопленію богатствъ и знаній. Много условій создавалось здѣсь для культурнаго развитія, и это развитіе начиналось и зацвѣтало яркимъ цвѣтомъ. Просвѣщеніе, принесенное христіанствомъ, нашло приютъ въ русскихъ монастыряхъ и приобрѣло себѣ многихъ поборниковъ. Мы знаемъ, что христіанская мораль успѣшно боролась съ грубыми возрѣвнiями языческой старины; мы видимъ князей, читающихъ и собирающихъ книги, князей, заказывающихъ переводы благочестивыхъ произведеній церковной литературы на русскій языкъ, мы видимъ распространеніе грамотности, видимъ школы при церквахъ и епископскихъ дворахъ, мы любуемся фресками, которыя писаны по греческимъ образцамъ русскими художниками; мы читаемъ произведенія богословски-образованныхъ русскихъ людей. Словомъ, въ отношеніи просвѣщенія, кievская Русь стояла не ниже прочихъ молодыхъ госу-

дарствъ и своихъ ближайшихъ сосѣдей, славянъ. Исслѣдователи первоначальныхъ сношеній Руси и Польши прямо признають культурное превосходство первой. И матеріальная культура кievскаго общества стояла, сравнительно съ прочей Европой, не низко. Вѣѣшность Кieва вызывала панегирики писателей XI вѣка. Западнымъ иностранцамъ Кieвъ казался соперникомъ Константинополя. Впечатлѣніе, которое онъ производилъ на иноземцевъ, вело къ невольнымъ гиперболамъ съ ихъ стороны: они, напр., считали въ Кieвѣ 400 церквей, чего на самомъ дѣлѣ не было. Но во всякомъ случаѣ Кieвъ былъ крупнымъ торговымъ городомъ восточной Европы, городомъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, высшіе классы котораго знакомы были съ лучшими произведеніями окрестныхъ странъ и вызывали со стороны нашего лѣтописца даже упреки въ роскоши. И если, за исключеніемъ Кieва и другихъ городовъ, вся прочая страна была еще въ младенческихъ формахъ общественнаго и хозяйственнаго быта, то, все-таки, мы не имѣемъ права назвать кievскую Русь некультурною страной, принимая во вниманіе бытъ древнихъ городовъ, жизнь которыхъ отмѣчена явно культурными чертами.

Мы видѣли, что еще въ глубокой древности Русь стала терять черты патріархальнаго племеннаго быта, хотя и не отлилась еще въ окончательныя формы государственнаго быта. Долгое совмѣстное жителство, единство племени, языка и религіи, дѣлали изъ Руси одну страну, изъ русскихъ славянъ—одинъ народъ. И это единство чувствовалось и сознавалось крѣпко въ XI вѣкѣ нашими предками. Пѣвецъ «Слова о Полку Игоревѣ», который помнилъ много такой старины, какая и для его времени была уже сѣдою стариною, мыслилъ русскую землю единою отъ Южнаго Галича и Карпатъ до верхней Волги. Всѣхъ князей и сѣверныхъ, и южныхъ одинаково зоветъ онъ помочь бѣдѣ Игоря—и стать «за землю русскую». Въ его глазахъ бѣда Игоря—бѣда всей земли русской, а не только Игорева княжества: «Тоска разлилась по Русской землѣ, обильна печаль потекла среди земли русскія!» говорить онъ объ этомъ. Въ XI еще вѣкѣ лѣтописецъ пишетъ свою «Повѣсть» не о томъ или другомъ княжествѣ, а о всей Русской землѣ. Такъ выросло постепенно, твердо національное самосознаніе, выросло и въ сказаніяхъ, и въ лѣтописяхъ, и въ самой жизни. Въ XII вѣкѣ окончательно опредѣлилась русская національность.

Тѣмъ болѣе непонятнымъ долженъ казаться упадокъ кievской Руси въ XIII вѣкѣ; какая же была тому причина? Первая главная причина заключалась въ томъ, что въ единой землѣ, въ единомъ обществѣ не было единой политической власти.

Владѣлъ Русью многочисленный княжескій родъ; при спутанности родовыхъ счетовъ изъ за старшинства или изъ-за какихъ нибудь обидъ, князья часто затѣвали усобицы и втягивали население въ междоусобную войну; отъ этихъ усобицъ страдали люди, страдало развитіе народнаго быта. Изъ 150 лѣтъ (1055—1228) Погодинъ насчитываетъ 80 лѣтъ, прошедшихъ въ усобицахъ и 90 лѣтъ мирныхъ и хотя тотъ же

Погодинъ говоритъ, что для массы они не имѣли важнаго значенія, мы видимъ въ нихъ несчастье для страны, какъ бы легко не переносилось населеніемъ каждое отдѣльное разореніе.

Вторымъ несчастьемъ Кіевской Руси было усиленіе, съ половины XII вѣка, ея степныхъ враговъ. Въ южныхъ степяхъ появились половцы и въ теченіи двухъ столѣтій 40 разъ опустошали русскую землю значительными набѣгами, а мелкихъ набѣговъ и не перечесть. Торговля съ югомъ стала замирать благодаря тѣмъ же половцамъ: они грабили купцовъ на нижнемъ Днѣпрѣ и Днѣстрѣ, и торговые караваны бывали внѣ опасности только подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ. Въ 1170 году у южныхъ русскихъ князей, по почину Мстислава Изяславича, былъ съѣздъ, на которомъ обсуждались средства борьбы съ половцами и говорилось, что половцы «уже у насъ и Греческій путь (въ Царьградъ) изыотнимають, и Соляный (Крымскій), и Заловный (на Дунай)». Это было большимъ бѣдствіемъ для страны. А рядомъ съ этимъ въ XII вѣкѣ явились враги Руси и съ запада — стала часто нападать литва. Такимъ образомъ, жизнь кіевской Руси не имѣла безопасности и чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе становилось жить на югѣ; вотъ почему по немногу цѣлые города и волости начинаютъ пустѣть, тѣмъ болѣе, что князья, какъ прежде ссорились изъ за старшинства, такъ теперь ссорятся изъ-за людей, за «полонъ». Князья дѣлали набѣги на сосѣднія княжества и уводили народъ толпами, населеніе не могло жить спокойно, потому что свои же князья отрывали его отъ земли, отъ хозяйства.

Эти три обстоятельства — усобицы князей, отсутствіе внѣшней безопасности и бѣгство населенія — были главными причинами упадка южно-русской общественной жизни. Появленіе татаръ нанесло ей окончательный ударъ. Послѣ нашествія татаръ, Кіевъ превратился въ маленький городокъ съ 200 домовъ; торговля заглохла, и, мало-по-малу, кіевскую Русь по частямъ захватили ея враги. А въ то же время на окраинахъ Русской земли зарождалась новая жизнь, возникали новые общественные центры, слагались новыя общественныя отношенія. Возникновеніе и развитіе Суздальской Руси, Новгорода и Галича начинаютъ уже собою новый періодъ Русской Исторіи.

Колонизація суздальской Руси.

Въ XII-мъ вѣкѣ, когда вслѣдствіе княжескихъ усобицъ и половецкихъ опустошеній начинается упадокъ кіевской Руси, неурядицы кіевской жизни вызываютъ передвиженіе населенія отъ средняго Днѣпра на югъ и сѣверо-востокъ, отъ центра тогдашней Руси — Кіева къ ея окраинамъ. На сѣверо-востокъ русскіе переселенцы попадаютъ на новыя мѣста, въ страну, съ инымъ географическимъ характеромъ, чѣмъ Поддѣпровье. Особенности этой страны обусловливають и новыя черты въ физическомъ типѣ колонистовъ и новыя соціальныя и экономическія порядки въ ихъ быту. Занятая на сѣверо-востокѣ мѣстность — это страна между верхнимъ теченіемъ Волги и Окой; природа ея совершенно разнится отъ Днѣпровской: ровная, плодородная почва здѣсь

смѣняется суглинкомъ, болотами и первобытнымъ лѣсомъ. Хотя обиліе рѣчныхъ водъ замѣчается и здѣсь, но свойства рѣкъ различны: южная Русь имѣетъ большія рѣки, текущія, въ громадномъ большинствѣ, къ одному центру, къ Днѣпру; въ сѣверной Руси масса мелкихъ рѣчекъ, не имѣющихъ общаго центра, текущихъ по самымъ различнымъ направленіямъ. Климатъ сѣверо-восточной Руси вслѣдствіе обилія воды и лѣса суровѣе; почва требуетъ большихъ трудовъ для обработки. Первоначальными жителями сѣверо-восточной Руси были финскія племена: меря и мурома, о бытѣ которыхъ исторія не знаетъ ничего достовѣрнаго. Исследователь древнѣйшей исторіи суздальской Руси, проф. Корсаковъ («Меря и Ростовское княжество». 1872) пробуетъ возстановить бытъ меря: 1) по указаніямъ источниковъ, — такъ какъ лѣтопись говоритъ о первоначальныхъ жителяхъ этой страны хотя и очень мало, 2) по сравненію быта теперешняго населенія губерній Московской, Владимірской, Костромской и Ярославской съ бытомъ жителей другихъ великорусскихъ губерній, — особенности этого быта могутъ бытъ объясняемы бытомъ первоначальныхъ обитателей названныхъ губерній; 3) по сравненію данныхъ лѣтописи о бытѣ меря и мурома съ бытомъ сосѣднихъ имъ и нынѣ существующихъ финскихъ племенъ: мордвы и черемисъ. Этнографія ихъ нѣсколько разработана и жизнь этихъ племенъ можетъ съ нѣкоторой приближенностью дать основанія для заключеній о жизни исчезнувшей ихъ родни; 4) по указаніямъ, добытымъ изъ раскопокъ, на мѣстахъ поселенія меря и мурома; эти раскопки, произведенныя здѣсь археологами — Савельевымъ и графомъ Уваровымъ, даютъ рядъ, отрывочныхъ правда, указаній на особенности меря и мурома. Тщательныя изысканія Корсакова не привели къ большимъ результатамъ: онъ указываетъ, что меря и мурома племена финскаго происхожденія, близкія по быту къ мордвѣ; религія ихъ была неразвита, политической организаціи не существовало, не было и городовъ, культура была на очень низкой ступени развитія, первенствующее значеніе принадлежало жрецамъ.

Колонизаціонное движеніе Руси по Волгѣ явленіе очень древнее: на первыхъ уже страницахъ лѣтописи мы встрѣчаемся съ городами Суздальемъ и Ростовомъ, появившимися неизвѣстно когда. Откуда, т.-е. изъ какихъ мѣстъ Руси первоначально шла колонизація въ суздальскомъ краѣ, можно догадаться потому, что Ростовъ политически всегда тянулъ къ Новгороду, составлялъ какъ бы часть новгородскаго княжества. Это даетъ поводъ предположить, что первыми колонистами на Волгѣ были новгородцы, шедшіе на Востокъ, какъ и всѣ русскіе колонизаторы, по рѣкамъ. Противъ такого предположенія возражаютъ, что Новгородъ отъ Волги и рѣкъ ея бассейна отдѣляется водораздѣлами (они препятствія для свободнаго передвиженія) и указываютъ на различіе нарѣчій суздальскаго и новгородскаго. Но противъ перваго положенія можно сказать, что водораздѣлы никогда не могутъ задерживать переселенія, а второе объясняется историческими причинами; подъ вліяніемъ новыхъ природныхъ условій, встрѣчи съ чуждымъ народомъ и языкомъ, въ языкѣ колонистовъ могли выработаться извѣстныя особенности. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ достаточныхъ основаній отрицать,

что первыми русскими колонистами въ суздальской Руси могли быть новгородцы. Зато позднѣ главныя массы колонистовъ въ эту область двигались съ юга отъ Кіева. Сообщение Кіева съ Суздальской землей въ первые вѣка русской жизни совершалось кругомъ—по Днѣпру и верхней Волгѣ, потому что непроходимые лѣса вятичей мѣшали отъ Днѣпра прямо проходить на Оку, и только въ XII в. являются попытки установить безопасный путь изъ Кіева къ Огбѣ; эти попытки и трудности самого пути остались въ памяти народа въ разсказѣ былины о путешествіи Ильи Муромца изъ роднаго его села Карачарова въ Кіевъ. Со второй половины XII вѣка этотъ путь, сквозь вятичей, устанавливается и начинается замѣтное оживленіе Суздальскаго княжества, туда приливаетъ населеніе, строятся города, и въ этой позднѣйшей порѣ колонизаціи замѣчается любопытное явленіе: появляются на сѣверѣ географическія имена юга (Черыславль, Стародубъ, Галичъ, Трубежъ, Почайна), вѣрный признакъ, что населеніе пришло съ юга и занесло сюда южную номенклатуру. Занесло оно и свой южный эпосъ; фактъ, что былины южно-русскаго цикла сохранились до нашихъ дней *на сѣверѣ*, также ясно показываетъ, что на сѣверѣ перешли и сложившіе ихъ.

Страна, въ которую шли поселенцы, своими особенностями вліяла на расселеніе колонистовъ. Рѣчки, по которымъ селились колонисты, не стягивали поселенія въ густыя массы, а располагали ихъ отдѣльными группами. Городовъ было мало, господствующимъ типомъ селеній были деревни, и такимъ образомъ городской бытъ юга здѣсь замѣнился сельскимъ. Новые поселенцы, сидя на почвѣ, не вполне плодородной, должны были заниматься, кромѣ земледѣлія, еще лѣсными промыслами: угольничествомъ, лыкодерствомъ, бортничествомъ, и пр., на это указываютъ и названія мѣстностей: угольнички, смолотечье, деготино и т. д. Въ общемъ характеръ суздальской Руси лежали крупныя различія, сравнительно съ жизнью Кіевской Руси; изъ городской, торговой она превратилась въ сельскую, земледѣльческую. Переселяясь въ Суздальскій край, русскіе, какъ мы сказали, встрѣтились съ туземцами финскаго происхожденія. Слѣдствіемъ этой встрѣчи для финновъ было ихъ полное обрусѣніе. Мы не находимъ ихъ теперь на старыхъ мѣстахъ, не знаемъ объ ихъ выселеніи изъ суздальской Руси, а знаемъ только что славяне не истребляли ихъ; и что слѣдовательно, оставаясь на старыхъ мѣстахъ, они потеряли національность, ассимилировавшись совершенно съ русскими поселенцами, какъ съ расой, болѣе цивилизованной. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для славянскихъ переселенцевъ поселеніе въ новой обстановкѣ и смѣшеніе съ финнами не осталось и не могло бы остаться безъ послѣдствій; во 1-хъ, измѣнился ихъ говоръ, во 2-хъ, совершилось нѣкоторое измѣненіе фізіологическаго типа, въ 3-хъ, видоизмѣнился умственный и нравственный складъ поселенцевъ. Словомъ, въ результатъ явились въ сѣверно-русскомъ населеніи нѣкоторыя особенности, создавшія изъ него особенную *великорусскую* народность.

Со времени Любечскаго сѣзда съ начала XII в. судьба Суздальскаго края связывается съ родомъ Мономаха. Изъ Ростова и Суздаля образуется особое княжество и первымъ самостоятельнымъ княземъ

суздальскимъ дѣлается сынъ Мономаха, Юрій Владиміровичъ Долгорукій. Очень скоро это вновь населенное княжество становится сильнѣйшимъ среди другихъ старыхъ. Въ концѣ того же XII вѣка, Владиміро-Суздальскій князь, сынъ Юрія Долгорукаго, Всеволодъ III уже считается могущественнымъ княземъ, который, по словамъ пѣвца «Слова о Полку Игоревѣ», можетъ «Волгу веслы раскропити и Донъ шеломами выльяти». Одновременно съ внѣшнимъ усиленіемъ Суздальскаго княжества, мы наблюдаемъ внутри самаго княжества слѣды создающаго процесса: здѣсь слагается иной, чѣмъ на югѣ, общественный строй. Въ XI-мъ и даже въ XII-мъ вѣкѣ въ суздальской Руси, какъ и на югѣ, мы видимъ развитіе городскихъ общинъ (Ростовъ, Суздаль) съ ихъ вѣчевымъ бытомъ. Новые же города въ этой странѣ возникаютъ съ инымъ типомъ. «Разница между старыми и новыми городами та, «говоритъ Соловьевъ», что старые города, считая себя старѣе князей, смотрѣли на нихъ, какъ на пришельцевъ, а новые, обязанные имъ своимъ существованіемъ, естественно, видятъ въ нихъ своихъ строителей и ставятъ себя относительно нихъ въ подчиненное положеніе». Въ самомъ дѣлѣ, на сѣверѣ князь часто первый занималъ мѣстность и искусственно привлекалъ въ нее новыхъ поселниковъ, ставя имъ городъ или указывая пашню. Въ старину на югѣ бывало иначе: пришельцемъ въ извѣстномъ городѣ былъ князь, исконнымъ же владѣльцемъ городской земли вѣче, теперь на сѣверѣ пришельцемъ оказывалось населеніе, а первымъ владѣльцемъ земли князь. Роли перемѣнились, должны были измѣниться и отношенія. Какъ политическій владѣлецъ, князь на сѣверѣ по старому—вѣче, управлялъ и законодательствовалъ; какъ первый занимающій земель, онъ считалъ себя и свою семью сверхъ того вотчинниками—хозяевами даннаго мѣста. Въ лицѣ князя произошло соединеніе двухъ категорій правъ на его землю: правъ политическаго владѣльца и правъ частнаго собственника. Власть князя стала шире и полнѣе. Съ этимъ новымъ явленіемъ не могли примириться старые вѣчевые города. Между ними и княземъ произошла борьба; зачинщиками и руководителями городовъ въ этой борьбѣ были, по мнѣнію Бѣляева и Корсакова, «земскіе бояре». И въ южной Руси, по «Русской Правдѣ» и в лѣтописи, мелькаютъ слѣды земской аристократіи, которая состояла изъ земскихъ, а не княжескихъ бояръ,—градскихъ старцевъ. На сѣверѣ въ городахъ должна была быть такая же аристократія съ землевладѣльческимъ характеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно допустить, что «бояре» повгородскіе, колонизуя востокъ, скупили себѣ въ Ростовской и Суздальской землѣ владѣнія, вызвали туда на свои земли работниковъ и составляли собою классъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ ихъ рукахъ, независимо отъ князя, сосредоточивалось влияніе на вѣчѣ, и вотъ съ этой-то землевладѣльческой аристократіей, съ этой силой, сидѣвшей въ старыхъ городахъ, приходилось бороться князьямъ; въ новыхъ построенныхъ князьями городахъ, такой аристократіи понятно не было. Борьба князей со старыми городами влечетъ за собою неминуемо и борьбу новыхъ городовъ со старыми. Эта борьба оканчивается побѣдой князей, которые подчиняютъ себѣ старые города и

возвышаютъ надъ ними новыя. Полнота власти князя становится признаннымъ фактомъ. Князь не только носитель верховной власти въ странѣ, онъ ея наслѣдственный владѣлецъ, «вотчинникъ». На этомъ принципѣ вотчинности (патримональности) власти строятся всѣ общественыя отношенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ «удѣльнаго порядка» и весьма не сходныя съ порядкомъ кievской Руси.

Вліяніе татарской власти на удѣльную Русь.

Новый порядокъ едва обозначился въ суздальской Руси, когда надъ этою Русью стала тяготѣть татарская власть. Эта случайность въ нашей исторіи не достаточно изучена для того, чтобы съ увѣренностью ясно и опредѣленно указать степень историческаго вліянія татарскаго ига. Одни ученые придаютъ этому вліянію большое значеніе, другіе—его вовсе отрицаютъ. Въ татарскомъ вліяніи прежде всего надо различать двѣ стороны: 1) вліяніе на государственное и общественное устройство древней Руси и 2) вліяніе на ея культуру. Въ настоящую минуту насъ главнымъ образомъ долженъ занимать вопросъ о степени вліянія татаръ на политическій и социальный строй. Эта степень можетъ быть нами угадана по измѣненіямъ: во 1-хъ, въ порядкѣ княжескаго престолонаслѣдія; во 2-хъ, въ отношеніяхъ князей между собою; въ 3-хъ, въ отношеніяхъ князей къ населенію. 1) Въ первомъ отношеніи замѣчаемъ, что порядокъ наслѣдованія великокняжескаго стола при татарахъ, въ первое столѣтіе ихъ власти (1240—1340), оставался тѣмъ же, какимъ былъ до татаръ: это—родовой порядокъ съ нерѣдкими ограниченіями и нарушеніями. Великое княженіе оставалось неизмѣнно въ потомствѣ Всеволода Большаго Гнѣзда, въ линіи его сына Ярослава. Въ теченіе, немногимъ болѣе, 100 лѣтъ (съ 1212 по 1328) пятнадцать князей изъ четырехъ поколѣній было на великокняжескомъ столѣ и изъ нихъ только три князя захватили престолъ съ явнымъ беззаконіемъ, мимо дядей или старшихъ братьевъ [сыновья Всеволода: 1) Юрій; 2) Константинъ; 3) опять Юрій, ранѣе сидѣвшій не по старшинству; 4) Ярославъ; 5) Святославъ; сыновья Ярослава Всеволодовича; 6) Михаилъ Хоробритъ, захватившій силою престолъ у дяди Святослава мимо своихъ старшихъ братьевъ; 7) Андрей; 8) Александръ Невскій, который былъ старше Андрея и современемъ свергъ его; 9) Ярославъ Тверской; 10) Василій Костромской; сыновья Александра Невскаго; 11) Димитрій; 12) Андрей; 13) сынъ Ярослава Тверскаго Михаилъ; 14) внукъ Александра Невскаго Юрій Даниловичъ; 15) внукъ Ярослава Тверскаго Александръ Михайловичъ; внукъ Александра Невскаго Иванъ Даниловичъ Калита]. Если обратимся къ дотатарскому періоду, въ такъ называемую кievскую Русь, то увидимъ тамъ однородный порядокъ и однородныя правонарушенія. Очевидно, татарская власть ничего не измѣнила въ старомъ обычаѣ передачи столовъ и присвоила себѣ лишь право санкціонировать проявленія этого обычая. Мало того, и этимъ правомъ своимъ она какъ будто не дорожила и не всегда спѣшила его осуществлять: самоуправство князей оставалось подолгу не наказаннымъ. Михаилъ Хоробритъ умеръ,

владѣлъ великокняжескимъ столомъ, и не былъ наказанъ за узурпацію власти. Поправныя имъ права дяди Святослава, санкціонированныя ранѣе татарами, не были ими восстановлены даже и тогда, когда послѣ смерти Хоробрита власть и столичные города, Владиміръ и Кіевъ, выпросили себѣ племянники Святослава, Андрей и Александръ. Въ поколѣннн внуковъ и правнуковъ Всеволода Большаго Гнѣзда образовалась даже такая повадка, которая явно изобличаетъ слабость татарскаго авторитета и вліянія: удѣльные князья неизмѣнно враждовали съ утвержденнымъ татарами великимъ княземъ и старались, въ одиночку или коллективно, ослабить его. Александръ Невскій враждовалъ съ великимъ княземъ Андреемъ Ярославичемъ Василиіемъ Костромской—съ великимъ княземъ Ярославомъ Тверскимъ, Дмитрій Александровичъ—съ великимъ княземъ Василиемъ Костромскимъ, Андрей Александровичъ—съ великимъ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ и т. д. Татары видѣли всѣ эти свары и усобицы и не думали, что ихъ существованіе подрываетъ на Руси значеніе татарской власти; напротивъ, не слѣдуя никакому опредѣленному принципу въ этомъ дѣлѣ, они смотрѣли на ссоры князей какъ на лишній источникъ дохода и цинично говорили князю: будешь великимъ, «оже ты даси выходъ (то-есть, дань), больши»,—если будешь платить больше соперника. Зная это, князья прямо торговались въ Ордѣ, даже другъ съ другомъ. Искали великаго княженія Михаилъ Тверской и Юрій Московскій, и Михаилъ посулилъ больше «выхода», чѣмъ Юрій; тогда Юрій «шедь къ нему рече: отче и брате, азъ слышу, яко хошеши большую дань поступити и землю Рускую погубити, сего ради азъ ти уступаю отчины моя, да не гибнетъ земля Руская насъ ради,—и шедше къ хану, объявиша ему о семъ; тогда даде ханъ ярлыкъ Михаилу на великое княженіе и отпусти я». Такимъ образомъ, татарская власть не могла что-либо установить или отмѣнить, такъ какъ не руководилась никакимъ сознательнымъ мотивомъ. Татары застали на Руси оттягиваніе родоваго наслѣдованія и зародыши семейновотчиннаго владѣнія; при нихъ одно продолжало оттягивать, другое продолжало развиваться и крѣпнуть, и нарушенія этого процесса, давно и глубоко измѣнявшаго основы общественной организаціи, мы не замѣчаемъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ сѣверно-русскихъ князей въ XIII и XIV вѣкахъ несомнѣнно происходятъ измѣненія и по сравненію ихъ съ болѣе древнимъ порядкомъ, мы замѣчаемъ нѣкоторыя рѣзкія особенности, которыя многіе ученые приписываютъ татарскому игу; но всматриваясь внимательнѣе, мы убѣждаемся что причины, вызывавшія эти особенности, дѣйствовали въ русской землѣ и ранѣе татаръ. Къ этимъ особенностямъ принадлежатъ: 1) полное пренебреженіе родовымъ единствомъ, 2) передача владѣній отъ отца къ сыну, иначе—начало вотчиннаго наслѣдованія, 3) осѣданіе княжескихъ линій по волостямъ: князья сѣверо-восточной Руси (первыя: Ярославъ Тверской и Василиіемъ Костромской Ярославичи), добившись великокняжескаго престола, не идутъ изъ удѣла княжить во Владиміръ, а присоединяютъ его къ своему княжеству и управляютъ имъ изъ своихъ удѣловъ; 4) опредѣленіе междукняжескихъ отношеній договорами, въ которыхъ подробно изъясняются всѣ частности совмѣстной

дѣтельности и степень зависимости одного князя отъ другаго. Всѣ нечисленныя особенности суть прямое слѣдствіе того вотчиннаго характера, какой усвоила себѣ княжеская власть съ самаго начала своей дѣтельности въ Суздальской землѣ. Довѣряя надзоръ за порядкомъ въ русской землѣ старшему, великому князю, татары безъ призыва самихъ князей не имѣли ни поводовъ, ни желанія вмѣшиваться въ княжескія дѣла. Наконецъ, 5) и отношеніе князей къ населенію не подвергалось постоянному надзору и регламентаціи татарской власти, опредѣляясь тѣмъ же принципомъ вотчинности. Полнота княжескаго авторитета могла, конечно, вырости отъ того, что онъ опирался на татаръ, но существо княжеской власти оставалось то-же.

Да и какъ татарское вліяніе на русскую жизнь могло быть значительно, если татары жили вдалекѣ, не смѣшивались съ Русскими, являлись въ Россію только для сбора дани или въ видѣ войска, приводимаго большею частью русскими князьями для ихъ личной цѣли? Этотъ обычай брать дружину у сосѣднихъ народовъ—обычай стародавній; еще въ X и XI вв. князья нанимали себѣ въ помощь варяговъ, половцевъ и т. д. Если и находятся слѣды вліянія татаръ въ администраціи, во вѣншихъ приѣмахъ управленія, то они не велики и носятъ характеръ частныхъ отрывочныхъ заимствованій; такія заимствования были и отъ варяговъ, и изъ Византіи. Поэтому мы можемъ далѣе разсматривать внутреннюю жизнь русскаго общества въ XIII в. не обращая вниманія на фактъ татарскаго ига и слѣдуя такимъ образомъ мысли С. М. Соловьева, который съ особымъ удареніемъ говорилъ: «Историкъ не имѣетъ права съ половины XIII в. прерывать естественную нить событий, именно постепенный переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, вставлять татарскій періодъ и выдвигать на первый планъ татаръ, татарскія отношенія, вслѣдствіе чего необходимо закрываются главныя явленія, главныя причины этихъ явленій» (Исторія Россіи, т. I).

Ощутительно сказалось не вліяніе татаръ, а сказался самый фактъ ихъ господства надъ русской землей только въ томъ отношеніи, что содѣйствовалъ окончательному раздѣленію Руси на двѣ половины: на сѣверо-восточную и юго-западную, центромъ которой является Галычъ. Опаснымъ сосѣдомъ южной и западной Руси съ XIII вѣка становится вмѣстѣ съ поляками и Литва. Возвышеніе Литвы начинается съ княженія Миндовга, который, соединивъ подъ своею властью мелкія литовскія племена, увеличилъ свое княжество присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ сосѣднихъ слабыхъ княжествъ западно Руси. Одновременно съ этими врагами сѣверо западной Руси, являются нѣмецкіе рыцари, основавшіе на берегахъ Балтійскаго моря два ордена: меченосцевъ и тевтоновъ, соединившихся затѣмъ въ одинъ. Придя сюда для обращенія Литвы въ христіанство помощью меча и путемъ ея порабоженія, нѣмцы очень скоро столкнулись здѣсь и съ Русью. Они стали тревожить землю Псковскую и Новгородскую, однако получили сильный отпоръ. Героимъ борьбы съ нѣмцами въ Псковѣ является князь Довмонтъ, прибѣжавшій во Псковъ изъ Литвы; въ Новгородѣ—Александръ Невскій. Наблюдая одновременно съ появленіемъ

татаръ на Руси наступательныя дѣйствія противъ Руси новыхъ пришельцевъ—рыцарей и стараго врага—Литвы, мы можемъ сказать, что XIII вѣкъ въ русской исторіи—время созданія той внѣшней обстановки, въ которой впоследствии многіе вѣка дѣйствовало русское племя; въ XIII вѣкѣ являются тѣ враги, съ которыми Русь сравнительно только недавно кончила борьбу. При такомъ значеніи вѣка его героями становятся именно тѣ люди, которые выдвинулись въ этой борьбѣ съ врагами: Александръ Невскій, Довмонтъ Псковскій и Данилъ Галицкій.

Удѣльный бытъ Владимірской Руси.

Опредѣливъ наше отношеніе къ вопросу о татарскомъ вліяніи мы можемъ обратиться къ изученію основныхъ отличій общественнаго быта въ періодъ удѣльный. Это—періодъ, въ который сѣверо-восточная Русь раздробилась въ политическомъ отношеніи на независимые одинъ отъ другаго удѣлы. За начало періода мы можемъ принять тотъ моментъ, когда князья начинаютъ усваивать привычку, даже и владѣя Владиміромъ, жить въ своихъ удѣлахъ, а окончаніемъ періода можемъ считать княженіе Іоанна III, когда всѣ крупныя удѣлы уже объединились подъ властью Москвы. Такимъ образомъ, удѣльный періодъ обнимаетъ время отъ XIII до конца XV вѣка, когда уже устанавливается единое государство. Что же такое удѣлъ?

По литературнымъ трудамъ вы составите себѣ понятіе объ удѣлѣ, какъ о территоріи, находящейся въ потомственномъ владѣніи какой либо княжеской семьи. Такое опредѣленіе наши изслѣдователи даютъ удѣламъ только съ XIII вѣка, съ того времени, когда князья уже не переходятъ съ удѣла на удѣлъ, а осѣдаютъ въ одной какой-нибудь мѣстности и передаютъ свои территоріи не въ родъ, а по завѣщанію своему личному потомству. До XIII вѣка на югѣ мы видимъ волости, а не удѣлы. Однако необходимо оговориться, что термины «удѣльный», «удѣльно-вѣчевой» прилагаются иногда и къ разнымъ явленіямъ южно-русской жизни XI и XII вв., хотя, быть можетъ, и не совсемъ правильно. Подъ удѣлами и удѣльнымъ періодомъ въ своемъ изложеніи мы будемъ разумѣть княжескія владѣнія и всѣ особенности древней жизни только въ XIII и болѣе позднихъ вѣкахъ. Отличіями этого удѣльнаго періода являются: ослабленіе (а по взгляду нѣкоторыхъ, и полное отсутствіе) государственнаго единства и господства частно-правныхъ началъ во всѣхъ сферахъ тогдашней жизни. Такая характеристика періода создавалась на основаніи изслѣдованія трехъ преимущественно сторонъ удѣльнаго быта, отличныхъ отъ быта кievской Руси: 1) отношеній князей къ подвластной территоріи и населенію, 2) отношеній князей между собою, 3) положенія общественныхъ классовъ.

Изслѣдованіе этого періода, именно его особенностей, сравнительно съ болѣе раннимъ и болѣе позднимъ временемъ, началось сравнительно недавно. Прежде не выдѣляли въ самостоятельный періодъ русскую историческую жизнь съ XIII по XV вѣка. Такъ, Шлецеръ бралъ для характеристики этого времени чисто внѣшній фактъ

порабощенія татарами и называлъ Русь въ это время «Russi oppressa». По представленію Карамзина, до Ивана III была одна эпоха—«древнѣйшая» и «система удѣловъ была ея характеромъ». Особенности удѣльной эпохи первый указалъ С. М. Соловьевъ въ своей диссертациі на магистра («Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» М. 1845) и еще больше развилъ свой взглядъ въ своей докторской диссертациі 1847 года («Объ отношеніяхъ князей Рюрикова дома»).

Схема русской исторіи, данная Соловьевымъ, намъ извѣстна. По его взгляду, кievская Русь—родовая собственность князей, находящаяся въ общемъ ихъ владѣніи. Порядокъ владѣнія волостями тамъ обусловленъ родовыми счетами. Политическое положеніе каждаго князя опредѣляется его положеніемъ въ родѣ, и нарушеніе этого положенія другими князьями ведетъ къ усобицамъ. Усобицы идутъ не за волости, потому что волости не принадлежатъ одному какому-либо князю, а за порядокъ владѣнія волостями. Но въ XII вѣкѣ начинается разложеніе родового порядка, благодаря младшимъ городамъ сѣверной Руси, которые, получая особаго князя, болѣе ему подчиняются, чѣмъ старыя, старшіе города, что и позволяетъ князьямъ усилить свою власть. Князья, возвышая эти города въ ущербъ старымъ, смотрятъ на нихъ, какъ на собственность, устроенную ихъ личнымъ трудомъ, и стараются какъ личное владѣніе, передать ихъ въ семью, а не въ родъ. Благодаря этому, родовое владѣніе падаетъ, родовое старшинство теряетъ значеніе, и сила князя зависитъ не отъ родового значенія, а отъ матеріальныхъ силъ и средствъ. Каждый стремится усилить свою силу и средства увеличеніемъ своей земли, своего удѣла. Усобицы идутъ уже за землю, и князья основываютъ свои притязанія не на чувствѣ родового старшинства, а на своей фактической силѣ. Прежде единство земли поддерживалось личностью старшаго въ родѣ князя. Теперь единства нѣтъ, потому что кровная связь рушилась, а государство еще не создано; Есть только удѣлы, враждующіе за матеріальное преобладаніе,—идетъ «борьба матеріальныхъ силъ» и изъ этой борьбы, путемъ преобладанія Москвы рождается государственная связь.—Итакъ, родъ, распаденіе рода и борьба матеріальныхъ силъ, государство,—вотъ схема нашей исторіи. Въ ней три части. Средній періодъ есть періодъ *удѣльный*. По Соловьеву, это переходный періодъ. Въ немъ нѣтъ государственнаго единства; каждый князь хозяинъ своего хозяйства; его политика руководится видами «личныхъ цѣлей съ презрѣніемъ чужихъ правъ и своихъ обязанностей». Въ этомъ періодѣ конецъ кровныхъ связей, въ немъ зарожденіе связи государственной.

Иначе смотритъ на дѣло К. Д. Кавелинъ. Въ своихъ трудахъ (Сочиненія т. I и II) Кавелинъ вноситъ поправки къ историческимъ воззрѣніямъ Соловьева, и именно о періодѣ удѣльномъ. По его мнѣнію, возвышеніе младшихъ городовъ фактъ случайный, который не могъ имѣть вліянія на измѣненія въ гражданскомъ бытѣ. Князь-членъ рода—естественно долженъ былъ замѣниться княземъ-хозяиномъ вотчины. Крайнее развитіе княжескаго рода на Руси необходимо повело къ его разложенію и уtratѣ родственныхъ связей. Родовой бытъ смѣнился естественно семейнымъ, родовое владѣніе перешло естественно въ лич-

ное. При дробности удѣловъ князья стали простыми вотчинниками-землевладѣльцами, «наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній», а удѣлы простыми вотчинами. Князья начали завѣщать эти вотчины, какъ простое имущество, а не какъ государственную территорию; стало быть, родъ и родовое владѣніе естественно замѣнялись семьей и частной собственностью; результатомъ же этой смѣны были паденіе политическаго единства и частный характеръ всей жизни и управления. Потому, при этомъ господствѣ частнаго быта естественно развивается личное начало и, воплощаясь въ личности Московскаго князя, создаетъ государственный порядокъ. Таковы черты удѣльнаго періода, изъ котораго вышло государство Московское: въ этомъ періодѣ—полное господство частныхъ началъ.

Чичеринъ въ статьѣ «Духовныя договорныя грамоты князей» (въ его «Опытахъ по исторіи русскаго права») исходитъ изъ теоретическихъ понятій права; желая опредѣлить фізіономію удѣльнаго періода, онъ задаетъ вопросъ: на какомъ правѣ созидалась удѣльная жизнь? «Исходная точка гражданскаго права», говоритъ онъ, «есть лицо съ его частными отношеніями; исходная точка государственнаго права—общество, какъ единое цѣлое». Изученіе фактовъ удѣльной поры убѣждаетъ его, что въ удѣльной жизни господствовало право частное. Князья въ своихъ удѣлахъ не различали оснований, на которыхъ владѣли городами и всей территоріей удѣла съ одной стороны, и какимъ-нибудь мелкимъ предметомъ своего обихода, въ родѣ одежды и утвари—съ другой. Въ своихъ частныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ они безразлично распоряжались самыми различными предметами своего владѣнія. Междукняжескія отношенія регулировались договорами (а договоръ—фактъ частнаго права). Стало-быть, ни въ отдѣльныхъ удѣлахъ, ни во всей русской землѣ не существовало ни государственной власти, ни государственныхъ понятій и отношеній въ средѣ князей; не было ихъ и въ отношеніяхъ князей къ населенію. Сословія тогда не было, и каждый членъ общества связанъ былъ съ княземъ не государственными узами, а договорными отношеніями. Однимъ словомъ, удѣльное общество есть «общество, основанное на частномъ правѣ». Впослѣдствіи, путемъ фактическаго преобладанія одного князя образуется единовластіе и государственный порядокъ.

Такимъ образомъ всѣ помянутые изслѣдователи историко-юридической школы въ сущности одинаково характеризовали удѣльный бытъ, какъ бытъ гражданскій, частный, лишенный государственныхъ установленій и понятій. Факты были собраны ими добросовѣстно, анализъ фактовъ былъ талантливъ, то точка зрѣнія вызвала возраженіе со многихъ сторонъ отъ людей разныхъ направленій.

Относительно удѣльнаго быта первый представилъ вѣскія возраженія профессоръ государственнаго права А. Д. Градовскій («Исторія мѣстнаго управления въ Россіи» т. I). По его мнѣнію, удѣльные князья, завѣщая по духовнымъ грамотамъ волости и села рядомъ, въ сущности, передаютъ своимъ наслѣдникамъ разные предметы владѣнія въ волостяхъ (т. е. административныхъ округахъ) и селахъ. Села они передаютъ цѣликомъ, какъ полную собственность, а въ волостяхъ

только доходы и права управления завѣщаются ими потомству. Князья сознавали различіе своего владѣнія селомъ и волостью, и это служитъ для Градовскаго доказательствомъ, что въ удѣльномъ періодѣ существовали понятія, вышедшія изъ сферы гражданскаго права и имѣвшія характеръ понятій государственныхъ. Эти замѣчанія Градовскаго вполне раздѣляетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Русская Исторія т. I). Онъ признаетъ существованіе двухъ категорій владѣнія, но думаетъ, что логика людей XIV—XV вв. не могла ихъ ясно различать и формулировать.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ нашей литературѣ мы встрѣчаемся съ новыми попытками дать цѣнную характеристику удѣльной эпохѣ, взаимнѣ отчасти надорванной характеристикой историковъ-юристовъ. В. О. Ключевскій (въ трудѣ «Боярская дума») проводитъ рѣзкую грань между Русью кievской и суздальской, сѣверо-восточной. На сѣверо-востокѣ иная почва и природа, чѣмъ на югѣ; иной физиологическій и духовный складъ народности (великоруссы), иныя экономическія условія жизни,—поэтому иными становятся и формы общественнаго быта. Общество сѣверо-восточной Руси имѣетъ характеръ преимущественно сельскій, а князья приближаются къ типу простыхъ сельскихъ хозяевъ. «Приближеніе княжескаго владѣнія къ вотчинному владѣнію частнаго собственника» видно изъ двухъ признаковъ: удѣлы 1) завѣщаются женщинамъ и 2) управляются княжескими холопами. Это признаки боярскаго землевладѣнія въ древней кievской Руси. Но, сдѣлавшись вотчинникомъ, князь остался и политической властью въ удѣлѣ: онъ сохранялъ такія права, какихъ не имѣли другіе, простые вотчинники. Но эти верховныя права онъ понималъ не въ государственномъ смыслѣ, а какъ важныя статьи дохода, которыя иногда уступалъ и другимъ лицамъ въ видѣ льготы. Поэтому сѣверо-восточный удѣльный князь можетъ быть опредѣленъ, какъ «вотчинникъ съ правами государя, государь съ привычками вотчинника». Князь вполне различалъ села отъ волостей по праву владѣнія, но вполне ихъ смѣшивалъ по способу эксплуатаціи.

Другая попытка характеристики удѣльнаго періода, сдѣланная И. Е. Забѣлинымъ (см. Историческій Вѣстникъ 1881 г. «Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія»), совершенно лишена чертъ юридическаго опредѣленія. Единственной связью русской земли въ удѣльномъ періодѣ, по мнѣнію Забѣлина, было чувство національнаго единства, жившее въ народѣ. Князья совершенно забыли это единство и заботились о своемъ только удѣлѣ, и лучшимъ княземъ считался тотъ, кто лучше хозяйничалъ, лучше устраивалъ свой удѣлъ, «собиралъ его». Князьями-собирателями назывались не тѣ князья, которые стремились къ единодержавію, а тѣ, которые лучше устраивали свое хозяйство; хозяйственныя же и экономическія наклонности князей зависѣли отъ наклонностей всего народонаселенія, по преимуществу «посадскаго», «рабочаго и промышленнаго». Тѣхъ князей, кто лучше хозяйничалъ (т. е. князей московскихъ), народныя стремленія постепенно поднимали на высоту національнаго государя.

Таковы главнѣйшія оцѣнки удѣльнаго быта, существующія въ

нашей литературѣ. Къ чему же всё онѣ сводятся? Историко-юридическая школа дала намъ картину частнаго быта въ удѣльномъ періодѣ, понимая этотъ бытъ, какъ подготовительный или переходный къ государственному бытію. На основаніи возрѣвній этой школы, объ удѣлѣ мы можемъ сказать, что *удѣлъ есть территория, подчиненная князю на правѣ гражданскомъ, какъ частная земельная собственность, т. е. вотчина*. Однако, нѣкоторые изслѣдователи находили въ удѣльное время явленія и понятія государственнаго порядка и поэтому отрицали исключительное господство въ удѣлѣ частноправныхъ началъ. На основаніи ихъ возрѣвній, мы можемъ сказать, что *удѣлъ есть территория, подчиненная князю наследственно и управляемая имъ на основаніи началъ и государственнаго, и частнаго права, причѣмъ различіе этихъ началъ князьями чувствуется, но въ практикѣ не проводится*. Въ мнѣніи Ключевского перевѣсъ на сторонѣ явленій частнаго права. Хотя онѣ признаетъ политическое значеніе за княжеской властью, но проявленія этой власти считаетъ хозяйственно-административными приѣмами, а не государственною дѣятельностью. На основаніи его возрѣвній, мы можемъ сказать, что *удѣлъ есть вотчина съ чертами государственнаго владѣнія или государственное владѣніе съ вотчиннымъ управленіемъ и бытомъ*. Наконецъ, Забѣляевъ съ національно-экономической (если можно такъ выразиться) точки зрѣнія на удѣльную жизнь беретъ старое опредѣленіе удѣла, но этому опредѣленію даетъ новую, не юридическую форму. По его представленію, *удѣлъ есть личное земельное хозяйство князя, составляющее часть земли, населенной великорусскимъ племенемъ*. Знакомясь со всѣми существующими взглядами на удѣлъ, не трудно замѣтить, что у всѣхъ изслѣдователей принять одинъ терминъ для обозначенія существа удѣла. Этотъ терминъ—вотчина. Всѣ признаютъ, что этотъ терминъ возможенъ, но всѣ разнo опредѣляютъ точность термина. Одни видятъ тожество удѣла и вотчины, другіе только сходство (и то въ разной степени). Не трудно понять также почему терминъ «вотчина» привился и имѣетъ право на существованіе: съ развитіемъ удѣльнаго порядка, при постоянномъ дробленіи удѣловъ между наследниками многіе удѣлы измельчали и фактически перешли въ простыя вотчины (какъ, напр., многіе удѣлы Ярославской линіи князей, въ которыхъ не было ни одного городка и очень мало земли). Это стбоятельство измельчанія удѣловъ имѣетъ значеніе между прошлаго и потому, что указываетъ на слабую сторону всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами теорій объ удѣльной эпохѣ. Всѣ онѣ какъ бы забываютъ, что княжескія удѣльныя владѣнія были крайне разнообразны по размѣрамъ: одни изъ нихъ были незначительны настолько, что ничѣмъ не могли отличиться отъ частнаго владѣнія, а другія выросли въ громадныя области (Московский удѣлъ въ XV в.). Эти то послѣдніе удѣлы по своимъ размѣрамъ уже заставляютъ предполагать, что власть ихъ владѣтелей должна отличаться нѣкоторыми государственными чертами.

Принимая это во вниманіе, мы такъ должны поставить опредѣленіе удѣла, чтобы избѣгнуть нѣкоторой неточности и неполноты и въ то же время не впасть въ противорѣчіе съ установленными наукою взглядами. Кажется, мы достигнемъ этого, если скажемъ,

что *удѣль сѣверо-восточнаго князя есть наследственная земельная собственность князя, какъ политическаго владѣтеля* (какъ частный землевладѣлецъ, онъ владѣлъ селами), *и собственность, по типу управленія и быта подходящая къ простой вотчинѣ, а иногда и совсѣмъ въ нее переходящая.*

Разъ старинная княжеская «волость» замѣнилась «удѣломъ», которымъ князь владѣеть, какъ собственностью,—всякое онованіе политическаго единства исчезаетъ; князья уже не имѣютъ привычки вспоминать, что они «одного дѣда внуки» и что у нихъ долженъ быть старшій, который бы «думаль-гадаль» о русской землѣ. Только единство зависимости отъ татаръ оставалось у различныхъ княжескихъ семей, а въ остальномъ эти семьи жили особно. Каждая изъ нихъ, разрастаясь, превращалась въ родъ и, пока родичи помнили о своемъ родствѣ, имѣла одного «великаго князя». Рядомъ съ великимъ княземъ Владимірскимъ были такіе же въ Твери, Рязани и т. д. И отношенія между этими княжескими родами и семьями уже не имѣли ничего родственнаго, а опредѣлялись *договорами*. Когда же дробленіе княжескихъ родовъ и земель достигло полнаго развитія, договорами стали опредѣляться даже отношенія родныхъ братьевъ. И не трудно указать причины, по которымъ князья нуждались въ договорахъ. Какъ личные землевладѣльцы-собственники, интересъ которыхъ заключался въ увеличеніи личной, семейной собственности, князья заботились о *промыслахъ*, т. е. объ увеличеніи своего имущества движимаго и недвижимаго на счетъ другихъ князей. Они покупали и захватывали земли, они сберегали для себя ту дань, которая собиралась на татаръ и иногда или вовсе, или частью не была имъ передаваема. Эти заботы о промыслахъ превращали князей въ хищниковъ, отъ которыхъ страдали интересы ихъ сосѣдей. Для этихъ сосѣдей договоръ являлся средствомъ оградить свои интересы отъ пасидія смѣлаго и сильнаго князя или привлеченіемъ его въ союзъ, или уступкою ему нѣкоторыхъ правъ и выдачею обязательствъ. Договорами опредѣлялись и взаимныя отношенія договаривающихся князей, и единство ихъ политики по отношенію къ прочимъ князьямъ и внѣшнимъ врагамъ Руси. Если князь договаривался, какъ равноправные владѣтели, они называли себя «братьями»; если одинъ князь признавалъ другаго сильнѣйшимъ или становился подъ его покровительство, онъ называлъ сильнѣйшаго «отцомъ» или «братомъ старѣйшимъ», а самъ назывался «братомъ младшимъ». Владимірскій-Будановъ склоненъ думать, что между княжескіе договоры, опредѣляя точно взаимныя отношенія сѣверо-русскихъ княжествъ, превращали эти княжества въ «сѣверо-русскій союзъ». Въ XIV и XV вѣкахъ является въ договорахъ понятіе княжеской *службы*: служебный князь XV вѣка, не теряя фактически распоряженія вотчиной, становится мало-по-малу простымъ вотчинникомъ; по договорамъ можно прослѣдить, какъ мелкіе князья становятся все въ большую и большую зависимость отъ сильныхъ, и, наконецъ, всѣ они переходятъ въ полную зависимость отъ одного московскаго князя, при чемъ мелкіе князья, передавая свои вотчины великому князю, сознательно передаютъ ему державныя права на ихъ вотчины, сохраняя въ то же время въ этихъ вотчинахъ права частнаго собственника.

Смѣшеніе началъ государственнаго и частнаго, съ преобладаніемъ послѣдняго, мы встрѣчаемъ и въ устройствѣ самаго удѣльнаго общества, и въ отношеніи его къ князьямъ. Въ отношеніи къ князьямъ население дѣлится на людей *служимыхъ*, которые князю служатъ, и *платьныхъ*, которые ему платятъ. (Это—термины позднѣйшихъ временъ эпохи московскаго государства, но они могутъ быть употреблены въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ XIII и XIV вв. для обозначенія общественныхъ группъ не существовало опредѣленныхъ названій). Во главѣ служилыхъ людей стояли тѣ лица, которые участвовали въ княжеской администраціи. Первымъ лицомъ финансоваго управленія считался *дворскій* (дворецкій), управитель княжескаго двора. Въ попыткахъ точно опредѣлить значеніе должности дворскаго ученые расходятся. Одни говорятъ, что дворскій управлялъ вообще княжескимъ дворомъ; другіе, что онъ управлялъ только княжескимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Въ зависимости отъ дворскаго находились «казначей», «ключники» (тіуны), «посельскіе» (сельскіе приказчики). Должность казначея съ теченіемъ времени становилась почетнѣе и вполнѣдствіи она сдѣлалась боярскою; въ эпоху болѣе древнюю и казначей, и ключники часто выбирались изъ холоповъ. Всѣ эти лица вѣдали дворцовое, т.-е. частное княжеское хозяйство; во главѣ же правительственной администраціи находились бояре. Имъ давались въ управленіе города и волости. Управляющіе городомъ носили названіе «намѣстниковъ», а управляющіе волостью—названіе «волостеля». Изъ городовъ и волостей непосредственно бояре извлекали не только доходы на князя, но средства на свое содержаніе, или «кормилась» отъ населенія; отсюда самая ихъ должность носила названіе «кормленій», и такимъ образомъ провинціальное управленіе имѣло цѣлью скорѣй содержаніе княжескихъ слугъ, чѣмъ государственныя потребности. Что же касается до участія бояръ въ *дворовомъ* управленіи, то здѣсь мы встрѣчаемся съ терминомъ «путные бояре». «Путемъ» называлась статья княжескаго дохода. Лицо, которому князь довѣрялъ управленіе «путемъ», называлось «путнымъ бояриномъ», если это былъ бояринъ, или «путникомъ». Кромѣ «путныхъ бояръ», мы встрѣчаемъ еще «введенныхъ» и «большихъ» бояръ. Что значили эти термины, точно до сихъ поръ не объяснено. Бояре составляли думу князя и въ ней пользовались большимъ значеніемъ, не меньшимъ, чѣмъ въ кievской Руси. Люди, занимавшіе низшія ступени княжеской администраціи, извѣстны подъ именемъ «слугъ», «дѣтей боярскихъ» и «слугъ подъ дворскими»; послѣдніе не могли переходить, какъ бояре и слуги вольные, на службу отъ одного князя къ другому, не теряя при этомъ своей земли. Вообще же княжескіе слуги находились въ двойномъ отношеніи къ князю: они были или холопы князя, или же вольные его слуги, которые имѣли право перехода на службу отъ одного князя къ другому, сохраняя при этомъ за собой свои земли въ томъ удѣлѣ, откуда уходили. Только въ одномъ случаѣ бояре были безусловно обязаны службой тому князю, въ удѣлѣ котораго находилась ихъ земля. Если городъ, въ области котораго лежала вотчина боярина, былъ въ осадѣ, то бояринъ былъ обязанъ помочь осажденному городу. Князь, имѣя

такихъ вольныхъ слугъ, долженъ былъ имъ дать вознагражденіе или жалованьемъ, или кормленьемъ. Кромѣ этихъ средствъ обезпеченія существовало другое обезпеченіе—«помѣстьемъ». Помѣстьемъ называлась земля, данная во владѣніе княземъ его слугѣ условно, т. е. до тѣхъ поръ, пока продолжалась его служба. Вопросъ о времени и порядкѣ возникновенія помѣстій не рѣшенъ. Известно, что въ XIV вѣкѣ помѣстья уже были, что видно между прочимъ изъ завѣщанія Іоанна Калиты. О происхожденіи системы помѣстій существуютъ различныя мнѣнія. Старые ученые (Неволинъ) смѣшивали *кормленія* и *помѣстья* въ одинъ видъ условнаго влѣнія и говорили, что помѣстья произошли отъ кормленія; но между тѣмъ и другимъ существуетъ громадная разница: въ кормленіе давались области на правѣ публичномъ, т. е. давалось право сбора дани за обязанность управленія. Помѣстье же давалось на частномъ правѣ, какъ владѣніе за службу лица, изъ селъ, принадлежавшихъ лично князю.

Люди, не принадлежавшіе къ служилому сословію, т. е. люди «тяглые», раздѣлялись на *купцовъ* или *юстей* и людей «черныхъ», «численныхъ», позднѣе «крестьянъ». Купцовъ въ сѣверо-восточной Руси было не много, такъ какъ торговля не была особенно развита, и они не были особымъ сословіемъ съ извѣстными юридическими признаками; купцомъ могъ быть всякій по желанію. Люди черные или численные жили или на своихъ собственныхъ земляхъ, или на земляхъ владѣльческихъ (т. е. монастырскихъ, боярскихъ), или же на княжескихъ земляхъ, такъ называемыхъ «черныхъ». Крестьяне на черныхъ земляхъ платили за пользованіе ею князю дань и оброкъ; крестьяне на владѣльческихъ земляхъ, платя подати князю, въ то же время платили оброкъ и землевладѣльцу деньгами, натурой или брашиной, и пользовались правомъ перехода отъ одного землевладѣльца къ другому.

Новгородъ.

Центромъ исторической жизни сѣверной Руси въ удѣльный періодъ, кромѣ Суздальскаго княжества, былъ Новгородъ. Онъ представлялъ собою цѣлое государство, возникшее и жившее своеобразно и пришедшее въ упадокъ, благодаря внутреннимъ неурядицамъ. Вслѣдствіе оригинальныхъ особенностей своей жизни, которыми онъ такъ отличался отъ другихъ русскихъ областей, Новгородъ обращаетъ на себя вниманіе многихъ изслѣдователей, такъ что мы имѣемъ обширную литературу, посвященную его исторіи. Важнѣе прочихъ труды: *Бяляева «Исторія Новгорода Великаго»* въ его «Разказахъ по Русской Исторіи», книга 2-я; *Костомарова «Сѣвернорусскія народоправа»* въ его «Историческихъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ» тт. VI и VIII; *Пассека «Новгородъ самъ въ себѣ»* въ «Чтеніяхъ Имп. Общ. Исторіи и Древностей», 1869 г. кн. IV и въ сборникѣ Пассека «Изслѣдованія въ области Русск. Исторіи» М. 1870; *Никитскаго*: а) «Очеркъ внутренней исторіи Пскова». СПб. 1873, б) «Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ». СПб. 1879, и в) «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода». М. 1893.

должности не лишать. Изъ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ договорныхъ грамотъ съ Ярославомъ Тверскимъ въ 1264—65 и 1270 годахъ мы можемъ вполне опредѣлить отношеніе князя къ Новгороду, степень его власти и кругъ его дѣятельности. Князь не могъ управлять иначе, какъ подъ контролемъ посадника, получая опредѣленный доходъ; онъ и его дружина не имѣла права пріобрѣтать въ собственность земли и людей. Право суда было тоже точно опредѣлено: князь долженъ былъ судить въ Новгородѣ и съ содѣйствіемъ посадника. Кромѣ того, князь обязанъ былъ не только дать льготы для торговли новгородскимъ купцамъ въ его удѣлѣ, но и вообще покровительствовать ей. Фактическое положеніе князя зависѣло отъ силы партіи, которая его призвала, отъ отсутствія сильныхъ соперниковъ и отъ личности самаго князя. Помощникъ князя въ управленіи.—«посадникъ», при первыхъ князьяхъ назначался княземъ и служилъ представителемъ его интересовъ передъ новгородцами. Съ половины XII вѣка мы замѣчаемъ обратно: посадникъ уже избирается новгородцами и служить представителемъ Новгорода передъ княземъ. Около этого времени и должность тысяцкаго становится выборной. Въ управленіи Новгорода большее значеніе имѣетъ епископъ (позднѣ архіепископъ)—высшее духовное лицо. До XII в. епископъ назначался митрополитомъ изъ Кіева, такъ какъ Новгородъ въ это время находился въ зависимости отъ Кіева, а въ 1156 г. новгородцы, сами избравъ Аркадія—уже независимо, послали его въ Кіевъ для посвященія. Послѣ этого новгородцы всегда сами избирали епископовъ (впрочемъ Аркадія *назначилъ* себѣ пріемника). Вскорѣ установился порядокъ выбора епископа изъ 3 кандидатовъ (назначаемыхъ вѣчемъ), при чемъ три жребія съ именами трехъ намѣченныхъ въ іерархи лицъ клали на престолъ въ храмъ Св. Софіи и давали мальчику или слѣпому взять два изъ нихъ; чей жребій оставался, тотъ считался избраннымъ Божьей волею и посылался на утверженіе кіевского митрополита. Такимъ образомъ, путемъ рядовъ и установленіемъ выборныхъ властей, Новгородъ выдѣлился политическимъ устройствомъ изъ ряда другихъ областей. Высшимъ политическимъ органомъ въ Новгородѣ стало съ этихъ поръ вѣче, а не княжеская власть, какъ это было въ то время въ сѣверо-восточной Руси.

Устройство и управленіе.

Новгородское вѣче, по своему происхожденію, было учрежденіемъ, однороднымъ съ вѣчами другихъ городовъ, только сложившимся въ болѣе выработанныя формы; но оно, тѣмъ не менѣе, не было вполне благоустроеннымъ, постоянно дѣйствующимъ политическимъ органомъ. Вѣче созывалось не періодически, а тогда, когда въ немъ была надобность, княземъ, посадникомъ, или тысяцкимъ, на Торговой сторонѣ города, на Ярославовомъ дворѣ. Состояло оно изъ жителей какъ Новгорода, такъ и его пригородовъ; ограниченной въ средѣ новгородскихъ гражданъ не было, всякій свободный и самостоятельный человекъ могъ идти на вѣче и возвышать тамъ свой голосъ. Вопросы, подлежащіе обсужденію вѣча, предлагались съ высокаго мѣста назы-

ваемаго «степеню», посадникомъ или тысяцкимъ; эти вопросы были законодательнаго, административнаго или судебного характера. Вѣче призываетъ князей, изгоняетъ ихъ и судить, избираетъ посадниковъ и владыкъ, рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ, постановляетъ новые законы. Правильнаго голосованія на вѣчѣ не было; рѣшеніе составлялось на глазъ, по большинству криковъ. Часто, въ случаѣ несогласія, вѣче раздѣлялось на партіи, и сильнѣйшая силой заставляла согласиться слабѣйшую. Иногда, какъ результатъ распри, созывались два вѣча: одно на Торговой, другое на Софійской сторонѣ; раздоръ кончался тѣмъ, что оба вѣча сходились на Волховскомъ мосту, и только вмѣшательство духовенства предупреждало кровопролитіе. При такомъ устройствѣ вѣча ясно, что оно не могло ни правильно обсуждать стоящіе на очереди вопросы, ни создавать законопроекты; нужно было особое учрежденіе, которое предварительно разрабатывало-бы важнѣйшіе вопросы, подлежащіе рѣшенію вѣча. Такимъ учрежденіемъ былъ въ Новгородѣ особый правительственный совѣтъ, называемый нѣмцами «Неггенъ», «совѣтъ господъ», такъ какъ этотъ правительственный совѣтъ состоялъ изъ старыхъ и степенныхъ посадниковъ, тысяцкихъ и сотскихъ, и носилъ аристократическій характеръ; число его членовъ въ XV вѣкѣ доходило до пятидесяти. Указанія на существованіе такого совѣта въ научной литературѣ появились недавно; долгое время историки и не подозревали о его существованіи, такъ какъ это учрежденіе никогда не получило правильнаго юридическаго устройства. Честь его изслѣдованія принадлежитъ *Никитскому*.

Главной исполнительной властью въ Новгородѣ былъ «посадникъ», который пользовался большимъ значеніемъ; какъ представитель города онъ охранялъ интересы его передъ княземъ. Безъ него князь не могъ судить новгородцевъ и раздавать волости; въ отсутствіи князя онъ управлялъ городомъ, часто предводительствовалъ войсками и велъ дипломатическіе переговоры отъ имени Новгорода. Определеннаго срока службы для посадника не было, онъ правилъ, пока его не отставляло вѣче, и его отставка значила, что партія, представителемъ которой онъ былъ, потерпѣла поражение на вѣчѣ. Въ посадники могъ быть избранъ каждый полноправный гражданинъ Новгорода, но по лѣтописи видно, что должность посадника сосредоточивалась въ небольшомъ числѣ извѣстныхъ боярскихъ фамилій; такъ, въ XIII и XIV вѣкахъ изъ одного рода Михаила Степановича избрано было 12 посадниковъ. Посадникъ не получалъ опредѣленнаго жалованья, но пользовался извѣстнымъ доходомъ съ волостей, называемымъ «поралье». Рядомъ съ посадникомъ видимъ другого важнаго Новгородскаго сановника—«тысяцкаго». Характеръ власти тысяцкаго темень, нѣмцы называютъ его «Herzog», стало быть это власть военная, на это намекаетъ и русское названіе «тысяцкій», т.-е. начальникъ городского полка, называемаго тысячей. Онъ, насколько можно судить, является представителемъ ниснихъ классовъ новгородскаго общества, въ противоположность посаднику. Городская тысяча дѣлилась на сотни, съ сотскими во главѣ, которые подчинялись тысяцкому. Кромѣ посадника, тысяцкаго и сотскихъ, въ Ново-

родѣ замѣчаемъ еще территоріальныя власти—это старосты концовъ и улицъ, а концы улицы и представляли изъ себя автономныя, административныя единицы. Что касается до областной жизни Новгорода, то вопросъ объ управленіи областей очень смутенъ. Всѣ пятинны Новгорода, за исключеніемъ Бѣжецкой, своими предѣлами доходятъ до Новгорода; на основаніи этого можно предположить, что новгородскія пятинны первоначально были маленькія области, примыкавшія къ концамъ и управлявшіяся кончанскими старостами. Съ распространеніемъ новгородскихъ завоеваній каждая завоеванная область приписывалась къ тому или другому концу, такъ что увеличеніе новгородской территоріи шло въ даль отъ Новгорода по радіусамъ окружности. Но нельзя скрыть, что это предположеніе гадательное, основанное на совпаденіи числа пятинъ и концовъ и на аналогіи со Псковомъ, гдѣ всѣ пригороды были приписаны къ городскимъ концамъ. Что касается до документальныхъ свидѣтельствъ, то они заключаются въ одномъ темномъ мѣстѣ записокъ Герберштейна о Россіи. Герберштейнъ говорить о Новгородѣ, что Новгородъ имѣлъ обширную область, раздѣленную на пять частей (*latissimam ditionem, in quinque partes distributam habebat*), далѣе онъ говорить, что каждая изъ нихъ вѣдалась у своего начальника и житель могъ заключать сдѣлки только въ своей части (*in sua duntaxat civitatis regione*). Здѣсь являются два мѣста, трудно переводимыя: во первыхъ, какимъ словомъ надо перевести «*ditio*?» мѣсто, занимаемое городомъ? территорія, занимаемая государствомъ? или государственная власть, какъ это слово понималось въ классической латыни? и, во вторыхъ, что надо понимать подъ словомъ «*civitas*», городъ или государство? Что касается до толкованія этого мѣста Герберштейна въ русской наукѣ, то мнѣнія расходятся. Неволинъ, Бѣляевъ, Бестужевъ-Рюминъ подъ нимъ понимаютъ только городъ, а Ключевскій и Замысловскій склонны видѣть здѣсь всю новгородскую территорію. Такимъ образомъ, вопросъ объ управленіи пятинъ остается не рѣшеннымъ. Что касается до новгородскихъ пригородовъ и волостей, то извѣстно, что Новгородъ представлялъ имъ полную внутреннюю самостоятельность; такъ, изъ пригородовъ Новгорода Псковъ имѣлъ своего князя и право суда, а примѣръ Двинской земли съ ея собственными князьями говорить о малой зависимости отъ Новгорода и его волостей. Такимъ образомъ, политической формой новгородской жизни была демократическая республика, — демократическая потому, что верховная власть принадлежала вѣчу, куда имѣлъ доступъ всякій свободный новгородскій гражданинъ. Но хотя все свободное населеніе Новгорода принимало участіе въ управленіи и судѣ, тѣмъ не менѣе, оно, при полномъ политическомъ равенствѣ, представляется намъ раздѣленнымъ на разные слои и классы. Въ основѣ этого дѣленія легло экономическое неравенство. Оно, создавъ сильную аристократію, имѣло важное вліяніе на развитіе и паденіе Новгорода, при немъ не осуществлялось должнымъ образомъ и политическое равенство.

Сословія Великаго Новгорода.

Дѣлилось Новгородское населеніе на *лучшихъ и меньшихъ людей*⁹. Меньшіе не были меньшими по политическимъ правамъ, а лишь по экономическому положенію и фактическому значенію. Экономическимъ неравенствомъ, при полномъ равенствѣ юридическомъ, и обуславливаются новгородскія смуты, начиная съ XIV столѣтія; подъ экономическимъ давленіемъ высшихъ слоевъ масса не могла пользоваться своими политическими правами,—являлось противорѣчіе права и факта, что дразнило народъ и побуждало его къ смутамъ. Въ болѣе раннюю пору новгородской жизни, какъ это видно по лѣтописямъ, смуты возникали изъ-за призванія князей: князья, призываемые въ Новгородъ, должны были открыть Новгородцамъ, по замѣчанію Пассека, торговлю въ другихъ частяхъ Руси, и при призваніи князя принималось въ расчетъ какая область всего удобнѣе для новгородской торговли; при этомъ сталкивались интересы новгородской аристократіи и крупныхъ новгородскихъ торговцевъ. Такимъ образомъ, до XIV вѣка смуты возникали изъ-за торговыхъ интересовъ и происходили въ высшихъ классахъ. Но съ XIV вѣка обстоятельства перемѣнились. Усиленіе Москвы съ одной стороны и Литвы съ другой, уменьшивъ число князей, упростило вопросъ о призваніи князей, и онъ пересталъ быть источникомъ смутъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ XIV вѣкѣ сильно увеличилась въ Новгородѣ разница состояній, вслѣдствіе чего смуты не уменьшились, а только приняли другой характеръ,—мотивы торгово-политическіе смѣнились экономическими. Эти-то смуты и содѣйствовали полному упадку Новгородскаго государства.

Кромѣ общаго раздѣленія на «лучшихъ и меньшихъ» людей, встрѣчаемъ дѣленіе новгородскаго населенія на три класса: *высшій классъ—боляре, средній—житые люди и купцы и низшій—черные люди*. Во главѣ новгородскаго общества стояли боляре: это были крупные капиталисты и землевладѣльцы. Обладая большими капиталами, они не принимали, насколько можно судить, прямого участія въ торговлѣ, но, ссужая своими капиталами купцовъ, торговали черезъ другихъ и такимъ образомъ стояли во главѣ торговыхъ оборотовъ Новгорода. Многихъ ученыхъ занималъ вопросъ, какимъ образомъ явилось боярство, которое въ древней Руси обыкновенно создавалось службой князю, въ томъ краю, гдѣ княжеская власть была всегда слаба. *Бяляевъ* объясняетъ его происхожденіе развитіемъ личнаго землевладѣнія; образованіе большихъ боярскихъ вотчинъ онъ относитъ еще къ тому времени, когда Новгородъ не обособился отъ остальной Руси; *Ключевскій* же говоритъ, что новгородское боярство вышло изъ того же источника, какъ и въ другихъ областяхъ; этимъ источникомъ была служба князю, занятіе высшихъ правительственныхъ должностей по назначенію князя; князья, пріѣзжая въ Новгородъ, назначали тысяцкихъ и посадниковъ, по его мнѣнію, изъ туземцевъ, которые пріобрѣтали санъ боярина, сохраняли его за собою и передавали потомству. Кажется, слѣдуетъ отдать предпочтеніе пер-

вому мнѣнію. Слѣдующій классъ составляли «*Житые люди*». По мнѣнію однихъ, это—новгородскіе землевладѣльцы, по мнѣнію другихъ—средніе капиталисты, живущіе процентами со своихъ капиталовъ. За ними слѣдовали *купцы*, главнымъ занятіемъ которыхъ была торговля. Купцы дѣлились на сотни и основывали купеческія компаніи, куда принимали внесшихъ 50 гривенъ серебра; каждый членъ такого купеческаго общества въ своихъ торговыхъ оборотахъ пользовался поддержкой своей общины. Вся остальная масса народа носила названіе «*черныхъ людей*». Къ нимъ принадлежали жившіе въ городахъ ремесленниками и рабочіе и жившіе въ погостахъ—смерды и земцы. Подъ земцами, какъ кажется, слѣдуетъ подразумѣвать мелкихъ землевладѣльцевъ, а что касается до смердовъ, то, по мнѣнію Костомарова, это были безземельные люди, а по мнѣнію Бестужева-Ромина, все сельское населеніе новгородской области. Противорѣчіе экономического устройства новгородской жизни политическому, какъ сказано выше, было причиною смутъ Новгорода и ускорило паденіе его вѣчевой жизни. Въ XV вѣкъ управленіе фактически перешло въ руки немногихъ бояръ, вѣче превратилось въ игрушку немногихъ боярскихъ фамилій, которыя подкупали и вліяніемъ составляли себѣ большія партіи на вѣчѣ, изъ такъ называемыхъ «худыхъ мужиковъ вѣчниковъ» и заставляли ихъ дѣйствовать въ свою пользу; такимъ образомъ, съ теченіемъ времени новгородское устройство выродилось въ охлократію, которая прикрывала собою олигархію. Другой причиной политической слабости Новгорода, кромѣ внутренняго сословнаго разлада, было равнодушіе областей къ судьбѣ главнаго города, вслѣдствіе чего, когда Москва стала думать о подчиненіи новгородской области, она незамѣтно достигла этого подчиненія и не встрѣтила крѣпкаго отпора со стороны новгородскаго населенія. Такимъ образомъ, причина паденія Новгорода была не только внѣшняя — усиленіе Московскаго государства, а и внутренняя; если-бы не было Москвы, Новгородъ сталъ-бы жертвою иного сосѣда, его паденіе было неизбѣжно, потому что онъ самъ въ себѣ ростилъ сѣмена разложенія.

Псковъ.

Псковъ, одинъ изъ пригородовъ Новгорода, расположенный на концѣ новгородскихъ владѣній, на границѣ Руси и Литвы, по сосѣдству съ нѣмцами, игралъ роль передоваго русскаго поста на западѣ и добросовѣстно исполнялъ свою задачу: задержать нѣмцевъ въ ихъ движеніи на русскія земли. Псковъ, по своему внутреннему устройству, подходилъ къ Новгороду,—то же вѣче, какъ господствующій органъ правленія, та-же посадничья власть (два посадника), подобныя новгородскимъ сословныя дѣленія. Только Псковъ былъ централизованнѣе и демократичнѣе. А это, вмѣстѣ съ мѣстными особенностями жизни, дало другое содержаніе исторіи Пскова. Псковъ, какъ городъ съ малой территоріей, достигъ централизаціи въ управленіи, которой не могъ достигнуть Новгородъ. Пригороды Пскова были или административныя или военныя посты, которые выставлялъ Псковъ на

Литовской границѣ, но эти пригороды не имѣли самостоятельности. Псковъ настолько владѣлъ ими, что переносилъ съ мѣста на мѣсто и налагалъ наказаніе на нихъ. Благодаря малой территоріи, боярскія владѣнія не достигли въ Псковской землѣ такихъ размѣровъ, какъ въ Новгородѣ, вслѣдствіе чего не было большой разницы состояній; нисшіе классы не находились въ такой зависимости отъ высшихъ и боярскій классъ не былъ такимъ замѣнутымъ, какъ въ Новгородѣ. Съ другой стороны, бояре не держали въ своихъ рукахъ политическую судьбу Пскова, какъ это было въ Новгородѣ. Вѣче, которое въ Псковѣ было мирнымъ, избирало обыкновенно двухъ посадниковъ (въ Новгородѣ же вѣче избирало только одного посадника) часто ихъ смѣняло и успѣшнѣе контролировало. Все общество во Псковѣ имѣло болѣе демократическій складъ съ преобладаніемъ среднихъ классовъ надъ высшими. Того внутренняго разлада, какой губилъ Новгородъ, во Псковѣ не было. Самостоятельность Пскова пала отъ не внутреннихъ его болѣзней, а отъ вѣдшихъ причинъ,—отъ усиленія Москвы, которымъ выразалось стремленіе великорусскаго племени къ государственному объединенію.

Литва.

Рядомъ съ расцвѣтомъ политической жизни въ Новгородѣ и Суздальско-Владимірской Руси, мы замѣчаемъ оживленіе и усиленіе Волыни и особенно Галича. «Центръ жизни перешелъ въ Русь южной отъ Днѣпра къ Карпатамъ», говоритъ проф. Бестужевъ-Рюминъ, «это перенесеніе средоточія исторической жизни становилось замѣтнымъ уже давно; хотя князья продолжали добиваться Кіева и передъ самымъ почти взятіемъ его татарами велись изъ-за него распри... но несмотря на эти распри Кіевъ уже упалъ еще послѣ взятія его войсками Боголюбскаго» (1169 г.)... «Жизнь историческая нашла себѣ новое русло,—русломъ этимъ была земля Галицкая». Но Мономаховичамъ, утвердившимся на Волыни и въ Галичѣ, пришлось бороться за власть съ сильнымъ галицкимъ боярствомъ, которое выросло тамъ въ независимую отъ князя политическую силу, и выносить сильное давленіе иноземныхъ сосѣдей: татаръ, поляковъ, угровъ и литвы. Открытая война и дипломатическая игра съ этими сосѣдями окончилась побѣдою не Галича. Волынь перешла подъ власть Литвы въ срединѣ XIV вѣка, а за обладаніе Галичемъ та же Литва спорила съ 1340 года съ Польшею. Галичу выпала недолгая слава, и та миссія соединенія южной и западной Руси, которая, казалось, была суждена именно Галичу, перешла отъ него къ Литвѣ.

Благодаря тому, что Литовское государство составилось преимущественно изъ *русскихъ* областей, жило общею политическою жизнью съ *Польшею* и имѣло постоянныя, хотя и враждебныя сношенія съ *татарами*, оно заинтересовало своей судьбой не только русскихъ, но и польскихъ и нѣмецкихъ историковъ; въ нѣмецкой и польской литературѣ есть очень серьезныя труды по литовской этнографіи и исторіи. Нѣмецкая литература располагаетъ такими солидными сочи-

неніями, какъ *Voigt, Geschichte von Preussens* (1827—1837) и *Röpell und Caro, Geschichte Polens* (1840—1869). Въ Польской литературѣ послѣ старыхъ баснословій, въ родѣ Нарбута (*Dzieje starozytne narodu Litewskiego* и др.) и Лелевеля («*Dzieje Litwy i Rusi*» и др.) явились очень хорошія монографіи по литовской исторіи, напримѣръ: Шайноха (*Szajnocha, Jadwiga i Jagiello*), Стадницкаго (рядъ монографій о литовскихъ князьяхъ: *Synowie Gedymina* и др.), Вольфа (*Wolff, Rod Gedymina*), Смольки (*Smolka, Szkice historyczne* и др.), Прохазки (*Prochaska, Ostatnie lata Witolda*, 1882; *Szkice historyczne z XV wieku*, 1884, и рядъ прекрасныхъ изданій памятниковъ въ сборникѣ «*Monumenta mediae aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia*», въ которомъ принимаютъ участіе и другіе ученые: Соколовскій, Шуйскій, Левицкій). Что касается русскихъ ученыхъ, то они прежде мало обращали вниманія на исторію Литвы, и только въ послѣднее время развилось сознаніе, что Литва была государствомъ по населенію русскимъ, и что изученіе ея, съ точки зрѣнія этнографической и исторической, составляетъ интересъ первостепенной важности для русскаго историка. Въ Литвѣ, исторія которой шла инымъ путемъ, чѣмъ исторія Москвы, сохранились чище и яснѣе нѣкоторыя черты древне-русской жизни, и русское общество въ Литвѣ осталось въ своей массѣ вѣрнымъ своей народности, хотя и поставлено было въ тяжелыя условія жизни и развитія. Изъ старыхъ историковъ Карамзинъ въ своей «Исторіи Государства Россійскаго» почти ничего не говоритъ о Литвѣ; Соловьевъ, хотя и отмѣчаетъ Литовскія событія, но отдѣлъ о Литвѣ у него менѣе обработанъ, чѣмъ исторія московской Руси. Въ трудахъ ученыхъ позднѣйшаго времени, исторія Литвы начинаетъ выступать въ болѣе полномъ видѣ. Отмѣтимъ монографіи: *Владимірскаго-Буданова*, «Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ», и др., *Васильевскаго* «Очеркъ исторіи города Вильны» и др., *Антоновича* «Очеркъ исторіи Великаго княжества Литовскаго» (въ «Монографіяхъ по исторіи Западной и юго-западной Россіи, томъ I. 1885 года); *Дашкевича* «Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго княжества». Для первоначальнаго руководства слѣдуетъ взять только-что названный трудъ Антоновича, у котораго находится сводъ достовѣрныхъ извѣстій о Литвѣ съ начала ея исторіи до уній съ Польшей; обстоятельный критическій обзоръ этого труда составленъ Дашкевичемъ въ его «Замѣткахъ». Антоновичъ и Дашкевичъ взаимно дополняютъ одинъ другого, и въ ихъ трудахъ мы имѣемъ первую научно-достоверную исторію Литвы. Затѣмъ въ «Исторіи Россіи» *Иловайскаго* исторія Литвы излагается на равныхъ правахъ съ исторіей Москвы. Подробные обзоры Литовской исторіи находимъ также въ «Русской исторіи» *Бестужева-Рюмина*. Наконецъ, въ послѣдніе годы появились монографіи: *Владимірскаго-Буданова* «Помѣстья Литовскаго государства» и «Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литвѣ», *Любаскаго* «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства», *Леонтовича* «Очерки исторіи литовско-русскаго права» и *Барбашева* «Витовтъ». Изъ популярныхъ изложеній литовской и западно-русской исторіи

слѣдуетъ упомянуть: *Бяляева* «Разказы изъ русской исторіи», томъ IV, *Кояловича* «Чтенія по исторіи Западной Россіи» и *Брянскаго* «Исторія Литовскаго государства».

Племя извѣстное подъ названіемъ литовскаго, является, разсѣяннымъ съ давнихъ поръ на Балтійскомъ поморьѣ, между западной Двиной и Вислой; на Востокъ оно распространяется на весь почти бассейнь рѣки Нѣмана и своими крайними южными поселеніями достигаетъ до средняго теченія Западнаго Буга. Литовцы, какъ можно заключить по остаткамъ литовскаго языка, составляли самостоятельную вѣтвь племени арійскаго, близкую славянамъ. По немногочисленнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ о первоначальномъ бытѣ литовцевъ, мы можемъ указать въ X и XI вв. слѣдующія народности или племена, на которыя распалось литовское племя: на сѣверѣ литовской территоріи, на правой сторонѣ Двины, жило племя, называемое летгола, къ югу отъ него по лѣвому берегу Двины—жемгола или семигола; на полуостровѣ между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ—корсь или куроны; къ западу между устьемъ Нѣмана и Вислы—прусы, они раздѣлялись на десять колѣнъ, названіе двухъ прусскихъ колѣнъ «судиновъ» и «галиндовъ» находимъ у Птоломея, писателя II вѣка по Р. Х. Онъ помѣщаетъ ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они были позже, на основаніи чего ученые склонны думать, что литовское племя поселилось у Балтійскаго моря очень рано. По бассейну Нѣмана жили: жмуди, по нижнему теченію и литва по среднему теченію этой рѣки. Наконецъ по рѣкѣ Нареву простирались поселенія послѣдняго литовскаго народа ятвяговъ. Что касается до быта литовцевъ въ древности, то какъ замѣчено было выше, свѣдѣнія о немъ скудны. Религія ихъ состояла, вѣроятно, въ поклоненіи силамъ природы. Историческія извѣстія объ именахъ литовскихъ божествъ (за исключеніемъ развѣ Перкуна) и о религиозныхъ обрядахъ (за исключеніемъ немногихъ) подвергаются сильному подозрѣнію со стороны позднѣйшихъ ученыхъ и часто опускаются въ ученыхъ трудахъ. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ можемъ заключить, что у нихъ существовалъ очень вліятельный классъ жрецовъ, находившихся въ подчиненіи у главнаго жреца Криве или Криво-Кривейто, который пользовался у литовцевъ громаднымъ уваженіемъ. Характеристической чертой быта литовцевъ было отсутствіе первыхъ началъ государственности, которыя напримѣръ, у славянъ выражались основаніемъ городовъ. Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ описывающихъ походы русскихъ на литву, не упоминается о городахъ на литовской территоріи. Время ихъ возникновенія Антоновичъ относитъ лишь къ XII вѣку, ссылаясь на лѣтописи, которыя впервые подъ 1252 годомъ упоминаютъ у литовцевъ городъ Вурута, у жмуди Твереметь. Дашкевичъ говоритъ, что лѣтописи подъ 1252 годомъ упоминаютъ не объ основаніи городовъ, а объ ихъ существованіи, основаны они были, по его мнѣнію немного раньше. На ряду съ отсутствіемъ въ древнѣйшей Литвѣ городовъ, какъ объединяющихъ центровъ, замѣтно и полное отсутствіе полити-

ческой власти. До половины XIII вѣка польскія и нѣмецкія лѣтописи, описывая столкновения литовцевъ съ сосѣдними народами не только не называютъ литовскихъ вождей, но не упоминаютъ о существованіи какихъ бы то ни было правителей; до половины XIII вѣка упоминаются лишь вожди, но власть ихъ простиралась на незначительные округа; въ лѣтописяхъ на незначительномъ пространствѣ территоріи обыкновенно указываютъ на цѣлую группу такихъ начальниковъ. Это были скорѣе представители отдѣльных родовъ, чѣмъ племенные правители. Такимъ образомъ литовское племя до половины XIV вѣка не только не составляло государства, но даже сплоченныхъ племенъ, а представляло массу небольшихъ волостей, управляемыхъ независимыми вождями безъ всякой политической связи между ними. Только тожество происхожденія, быта, языка, преданій и религіознаго культа объединяло отдѣльныя части этого племени. Но опасность со стороны внѣшнихъ враговъ заставила литовцевъ ускорить процессъ своей политической организаціи и замѣнить, опирающуюся на нравственное вліяніе, власть жрецовъ властью князей. Этими врагами были нѣмецкіе рыцари, которые съ начала XIII вѣка появились на окраинахъ литовской земли съ цѣлью обращенія литовцевъ въ христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ въ крѣпостную зависимость отъ побѣдителей. Къ концу XIII вѣка нѣмцы подчинили себѣ пруссовъ, земли летголы и жемголы и приблизились къ поселеніямъ собственно литвы и жмуди; но эти народы, въ то время какъ ихъ соплеменники боролись съ нѣмцами, успѣли уже создать довольно крѣпкій государственный строй и оказали сильное сопротивленіе послѣднимъ; этому помогли тѣ отношенія, въ какія встали литва и жмудь въ XIII вѣкѣ къ русскимъ. Одновременно съ возвышеніемъ Владимірской Руси (въ XIII в.) русскія западныя княжества, сосѣднія литовскому государству: Смоленское, Полоцкое и другія вслѣдствіе внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ неурядицъ слабѣютъ и дѣлятся на мелкія части. Междуособіями русскихъ князей пользуются Литовцы, которыхъ сами русскіе призываютъ на помощь и вмѣшиваются въ свои междуособныя распри; они, помогая той или другой сторонѣ, вторгаются въ жизнь русскихъ и пользуются этимъ для своихъ собственныхъ цѣлей. Раньше всего литовцы вмѣшиваются во внутреннія дѣла Полоцкой земли, знакомятся съ ея положеніемъ. свыкаются съ мыслью о ея слабости и внутреннемъ неурядицѣ. Съ конца XII вѣка литовцы уже не ограничиваются участіемъ въ полоцкихъ междуособіяхъ, но начинаютъ предпринимать походы съ цѣлью территоріальнаго захвата. Съ XIII в. литовцы начинаютъ вторгаться и въ другія русскія княжества: такъ напримѣръ въ Новгородскую землю, въ Смоленское и Кіевское княжество. Кто были первые литовскіе князья неизвѣстно; самыя раннія извѣстія о нихъ, и то легендарныя, дошли до насъ только отъ XIII вѣка. Въ XIII вѣкѣ, по литовскимъ преданіямъ, Эрдвилль, современникъ Батыя, предпринялъ походъ на русскія земли и завладѣлъ Городномъ; въ то же время другой литовскій князь Мингаило предпринялъ будто бы походъ на Полоцкъ и основалъ въ немъ второе Литовское княжество. Эти извѣстія о первыхъ литовскихъ кня-

жествахъ на русской почвѣ однако не достовѣрны. Первое достовѣрное княженіе—княженіе Миндовга. Миндовгъ сынъ Ромгольда, около 1235 года завладѣлъ русскимъ городомъ Новгородкомъ и основалъ тамъ полу-русское, полу-литовское княжество. Расширяя свои владѣнія на счетъ русскихъ и литовцевъ, онъ дѣйствовалъ съ помощью русскихъ противъ литовцевъ и съ помощью литовцевъ противъ русскихъ. Но въ своемъ стремленіи къ расширенію своего княжества, онъ встрѣтился съ двумя врагами: съ возвышавшимся на югѣ Галицкимъ княжествомъ и съ Ливонскимъ орденомъ. Миндовгу (точнѣе его сыну Войшелку) удалось заключить договоръ съ Галицкимъ княземъ Даниломъ, подъ условіемъ уступки Роману сыну Даниила Галицкаго, русскихъ земель, занятыхъ Миндовгомъ Литовскимъ, но съ признаніемъ верховной власти Миндовга надъ этими землями. Этотъ договоръ, выгодный для Миндовга, былъ скрѣпленъ брачнымъ союзомъ дочери Миндовга съ сыномъ Даниила—Шварномъ. Что касается Ливонскаго ордена, то Миндовгъ умиротворилъ его, принявъ крещеніе въ 1260 году и выдавъ ордену грамоты на Литовскія земли, ему прямо не принадлежащія. Такъ завязывалось и формировалось первое Литовское княжество, распавшееся однако послѣ Миндовга.

Возвышеніе Московскаго княжества.

Во второй половинѣ XIII и началѣ XIV вѣка на сѣверо-востокѣ Руси начинается возвышаться, до сихъ поръ не замѣтное, княжество Московское. Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію причинъ и хода возвышенія этого княжества, скажемъ нѣсколько словъ о Москвѣ,—главномъ городѣ этого княжества. Начнемъ съ первыхъ извѣстій о Москвѣ и не будемъ касаться басенъ о началѣ Москвы, приведенныхъ у Карамзина (томъ II, примѣчаніе 301). Первые упоминанія о Москвѣ мы встрѣчаемъ въ лѣтописи не ранѣе XII вѣка. Въ ней разсказывается, что въ 1147 году Юрій Долгорукій пригласилъ своего союзника, князя Святослава Ольговича Черниговскаго на свиданіе въ Москву, гдѣ они пировали (учинили «обѣдъ») и обмѣнялись подарками. При этомъ не говорится что Москва была «городомъ», такъ что можно подумать, что въ 1147 году она была селомъ, вотчиною князя. Это тѣмъ болѣе представляется вѣроятнымъ, что есть извѣстіе о построеніи Москвы-*города* въ 1156 году. Извѣстіе это таково: «Того же лѣта (6664) князь великій Юрій Володимеричъ заложи градъ Москву на устниже Неглинны выше рѣки Аузы». Прямой смыслъ этихъ словъ дѣйствительно говоритъ, что городъ Москва былъ основанъ на девять лѣтъ позже княжескаго «обѣда» въ Москвѣ-вотчинѣ. Но этому не всѣ вѣрятъ: истолковать и объяснить послѣднее извѣстіе очень трудно. Во-первыхъ, оно дошло до насъ въ поданіемъ (XVI вѣка) лѣтописномъ тверскомъ сборникѣ, авторъ котораго имѣлъ обычай измѣнять литературную форму своихъ болѣе старыхъ источниковъ. Нельзя, поэтому, быть увѣреннымъ въ томъ, что и въ данномъ случаѣ составитель сборника не измѣнилъ первоначальной формы разбираемаго извѣстія, его редакція отличается большою обстоятельностью и точностью

топографическихъ указаній, что намекаетъ на ея позднее происхожденіе. Такимъ образомъ, уже общія свойства источника заставляютъ заподозрить доброкачественность его сообщенія. Во-вторыхъ, авторъ Тверской лѣтописи, заявивъ объ основаніи Москвы въ 1156 году, самъ же повѣствуетъ «о Москвѣ» ранѣе: онъ сокращаетъ извѣстіе Ипатьевской лѣтописи о свиданіи князей въ Москвѣ въ 1147 году и ничѣмъ не огавариваетъ возникающаго противорѣчія, не объясняетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ его Москвой 1147 года. Это прямо приводитъ къ мысли, что авторъ въ данномъ случаѣ или плохо самъ понималъ свой разнорѣчивый матеріалъ, или же въ извѣстіи о построеніи города Москвы хотѣлъ сказать не совсѣмъ то, что можно прочесть у него по первому впечатлѣнію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ обязательна особенная осторожность при пользованіи даннымъ звѣстіемъ. Въ третьихъ, наконецъ, сопоставленіе извѣстія съ текстами другихъ лѣтописей убѣждаетъ, что авторъ Тверскаго сборника заставилъ князя Юрія «заложить градъ Москву» въ то время, когда этотъ князь окончательно перешелъ на югъ и когда вся семья его уже переѣхала изъ Суздаля въ Кіевъ черезъ Смоленскъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ невозможно, ни принять извѣстія на вѣру цѣликомъ, ни внести въ него какія-либо поправки.

Такъ, изъ двухъ наиболѣе раннихъ извѣстій о Москвѣ, одно настолько неопредѣленно, что само по себѣ не доказываетъ существованія города Москвы въ 1147 году, а другое, хотя и очень опредѣлено, но не можетъ быть принято за доказательство того, что городъ Москва былъ основанъ въ 1156 году. Поэтому, трудно раздѣлять тотъ взглядъ, что время возникновенія Москвы-города намъ точно извѣстно. Правильнѣе въ этомъ дѣлѣ опираться на иныя свидѣтельства, съ помощью которыхъ можно достовѣрно указать существованіе Москвы только въ семидесятихъ годахъ XII вѣка. При описаніи событій, послѣдовавшихъ въ Суздальской Руси за смертью Андрея Боголюбскаго, лѣтописи впервые говорятъ о Москвѣ, какъ городѣ, и о «Москвлянахъ», какъ ея жителяхъ. Ипатьевская лѣтопись годъ 1176 (6684) г. рассказываетъ, что большой князь Михалко, направляясь съ юга въ Суздальскую Русь, былъ принесенъ на носилахъ «до Кучкова рекше до Москвы»; тамъ онъ узналъ о приближеніи своего врага Ярополка и поспѣшилъ во Владиміръ «изъ Москвѣ» въ сопровожденіи Москвичей. «Москвляни же,—продолжаетъ лѣтописецъ,—слышавше, оже идетъ на нѣ Ярополкъ, и възвратишася въспять, блюдуче домовъ своихъ». Въ слѣдующемъ 1177 (6685) г. лѣтопись прямо называетъ Москву городомъ въ рассказѣ о нападеніи Глѣба Рязанскаго на князя Всеволода: «Глѣбъ же на ту осень приѣха на Москвѣ (въ другихъ спискахъ: Москву) и позже городъ весь и села». Эти извѣстія, не оставляя уже никакихъ сомнѣній въ существованіи города Москвы, въ то же время даютъ одинъ любопытный намекъ. Въ нихъ еще не установлено однообразное наименованіе города: городъ называется то—«Московъ», то—«Кучково», то—«Москва»; не доказываетъ-ли это, что лѣтописцы имѣли дѣло съ новымъ пунктомъ поселенія, къ имени котораго ихъ ухо еще не привыкло? Имѣя это въ виду,

возможно и не связывать возникновение Москвы непременно с именем князя Юрія. Легенды о началѣ Москвы, собранныя Карамзинымъ, не уничтожаютъ такой возможности: ихъ нельзя эксплуатировать, какъ историческій матеріалъ для изученія событій XII в.

Такъ, оставаясь въ предѣлахъ лѣтописныхъ данныхъ, мы приходимъ къ мысли о томъ, что фактъ основанія Москвы-города въ первой половинѣ или даже въ серединѣ XII вѣка не можетъ считаться прочно установленнымъ. Съ другой стороны и торговое значеніе Москвы въ первую пору ея существованія не выясняется текстомъ лѣтописей. Если вдуматься въ извѣстія лѣтописей о Москвѣ до половины XIII вѣка (даже и позже), то ясна становится не торговая, а погранично-военная роль Москвы. Нѣтъ сомнѣній, что Москва была самымъ южнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ Суздальско-Владимірскаго княжества. Съ юга, изъ Черниговскаго княжества, дорога во Владиміръ шла черезъ Москву, и именно Москва была первымъ городомъ который встрѣчали приходцы въ Суздальской Руси. Когда по смерти Боголюбскаго князя Михалко Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ пошли на сѣверъ изъ Чернигова, именно въ Москвѣ, на границахъ княженія Андрея Боголюбскаго встрѣтили ихъ Ростовцы. Они звали Ярополка дальше, а Михалку, котораго не желали пускать внутрь княжества, они указали: «пожди мало на Москвѣ». Ярополкъ отправился «к дружинѣ Переяславлю», а Михалко, не слушая Ростовцевъ, поѣхалъ во Владиміръ. Москва здѣсь рисуется, какъ перекрестокъ, отъ котораго можно было держать путь и въ Ростовъ, на сѣверъ, и во Владиміръ, на сѣверо-востокъ. Внутренніе пути Суздальской Руси сходились въ Москвѣ въ одинъ путь, шедшій на югъ, въ Черниговскую землю. Черезъ годъ Михалко, выбитый изъ Владиміра, опять идетъ изъ Чернигова на сѣверъ по зову Владимірцевъ. На встрѣчу ему выходятъ и Владимірцы, его друзья и племянникъ Ярополкъ—его врагъ. Первые хотятъ его встрѣтить и охранить, второй—желаетъ не допустить его въ занятую Ростиславичами землю. При разныхъ цѣляхъ, враги спѣшатъ въ одинъ и тотъ же пунктъ—въ Москву. Очевидно, въ данномъ случаѣ встрѣчать Михалка всего удобнѣе было на границѣ княжества, съ какой-бы цѣлью его ни встрѣчали. Когда, наконецъ, Михалко и братъ его Всеволодъ укрѣпились прочно во Владиміръ, князь Черниговскій, Святославъ Всеволодовичъ, отправилъ къ нимъ ихъ женъ, «приставя къ нимъ сына своего Олга проводить ѣ до Москвѣ». Проводивъ княгинь, Олегъ вернулся «во свою волость въ Лопасну». Здѣсь опять не требуетъ доказательствъ пограничное положеніе Москвы: княгинь проводили до перваго пункта владѣній ихъ мужей. Всѣ приведенныя указанія относятся къ 1175—1176 гг. Не менѣе любопытенъ и позднѣйшій фактъ. Князь Всеволодъ Юрьевичъ, затѣявъ въ 1207 (6715) г. походъ на югъ, на Ольговичей («кочю поити к Чернигову»,—говоритъ онъ), послалъ въ Новгородъ, требуя, чтобы сынъ его Константинъ съ войсками пришелъ оттуда на соединеніе съ нимъ. Константинъ послушался и «дождася отца на Москвѣ». «На Москву» пришелъ и самъ Всеволодъ и, соединясь тамъ со своими сыновьями, «поиде с Москвы... и придоша

до Оки», которая была тогда внѣ предѣловъ Суздальскаго княжества. Въ этомъ случаѣ Москва ясно представляется послѣднимъ, самымъ южнымъ городомъ во владѣніяхъ Всеволода, откуда князь прямо вступаетъ въ чужую землю, во владѣнія Черниговскихъ князей. Пограничное положеніе Москвы естественно должно было обратить ее на этотъ разъ въ сборное мѣсто дружинъ Всеволода, въ операционный базисъ предпринятаго похода.

Но не только по отношенію къ Черниговской землѣ Москва играла роль пограничнаго города, съ тѣмъ же самымъ значеніемъ являлась она иногда и въ отношеніяхъ Суздальской и Рязанской земель. Въ 1177 (6685) г. князь Рязанскій Глѣбъ, нападая на владѣнія Всеволода, обратился именно на Москву, какъ это указано выше. То же повторилось и въ 1208 (6716) году: Рязанскіе князья «начаста воевати волость Всеволожу великаго князя около Москвы». Москва по отношенію къ Рязани представляется намъ первымъ доступнымъ для Рязанцевъ пунктомъ Суздальской земли, къ которому у нихъ былъ удобный путь по Москвѣ-рѣкѣ. Этимъ путемъ такъ или иначе воспользовались и Татары Батые, пришедшіе изъ Рязанской земли, отъ Коломны, прежде всего къ Москвѣ.

Итакъ, слѣдя по лѣтописямъ за первыми судьбами Москвы, мы прежде всего встрѣчаемъ ее имя въ рассказахъ о военныхъ событіяхъ эпохи. Москва—пунктъ, въ которомъ встрѣчаютъ друзей и отражаютъ враговъ, идущихъ съ юга. Москва—пунктъ, на который прежде всего нападаютъ враги Суздальско-Владимірскихъ князей. Москва, наконецъ,—исходный пунктъ военныхъ операцій Суздальско-Владимірскаго князя, сборное мѣсто его войскъ въ дѣйствіяхъ противъ юга. Очевидно, что этотъ городъ былъ построенъ въ видахъ огражденія Суздальско-Ростовской земли со стороны Черниговскаго порубежья. По крайней мѣрѣ объ этомъ скорѣе всего позволяетъ говорить письменный матеріалъ.

Какъ маленькій и новый городокъ Москва довольно поздно стала стольнымъ городомъ особаго княжества. Наиболее замѣтнымъ изъ первыхъ Московскихъ князей былъ Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ, прозванный такъ за то, что онъ безъ всякаго права, благодаря одной своей смѣлости, свергъ князя Святослава и захватилъ въ свои руки великое княженіе. Вскорѣ за Хоробритомъ Московскій столъ достался князю Даниилу Александровичу, умершему въ 1303 году, который сдѣлался родоначальникомъ Московскаго княжескаго дома. Съ тѣхъ поръ Москва стала особымъ княжествомъ съ постояннымъ княземъ.

Припомнимъ обстоятельства политической жизни Суздальской Руси. Вся она была въ обладаніи потомства Всеволода Большое Гнѣздо; его потомки образовали княжескія линіи: въ Твери, гдѣ княжилъ Ярослав Ярославичъ—внукъ Всеволода, братъ Александра Невскаго; въ Суздаль, гдѣ княжилъ Андрей Ярославичъ,—внукъ Всеволода, затѣмъ около 1279 года Андрей Александровичъ, сынъ Александра Невскаго; въ Ростовѣ, который занималъ Константинъ Всеволодовичъ, и въ Москвѣ—Даниилъ, внукъ Всеволода. Только земля рязанская, политически и географически притянутая къ совмѣстной жизни съ Су-

здальской Русью, находилась во владѣннн не Мономаховичей, а младшихъ Святославичей, потомковъ Ярослава. Изъ этихъ княжествъ сильнѣйшими въ XVI вѣкѣ становятся Тверское, Рязанское и Московское. Въ каждомъ изъ этихъ княжествъ былъ свой «великій» князь и свои «удѣльные» князья. Владимірское княженіе существуетъ безъ особой династїи, его присоединяють великіе князья къ личнымъ удѣламъ. Послѣднимъ изъ великихъ князей, княжившимъ по старинному обычаю въ самомъ Владимірѣ, былъ Александръ Невскій; братья его—Ярославъ Тверской и Василій Костромской, получивъ Владимірское великое княженіе, живутъ не во Владимірѣ, а въ своихъ удѣлахъ. Добиться Владимірскаго княженія для князей теперь, значитъ добыть матеріальнаго обогащенія и авторитета «великаго» князя. Средства добыть великое княженіе уже не нравственныя, не только право старшинства какъ прежде, но сила удѣльнаго князя, поэтому за обладаніе Владиміромъ происходитъ борьба только между сильными удѣльными князьями. И вотъ въ 1304 году начинается борьба за великое княженіе между Тверскими и Московскими князьями,—многолѣтняя кровавая распря, окончавшаяся побѣдой Московскаго князя Ивана Калиты, утвердившагося въ 1328 году съ помощью Орды на великокняжескомъ престолѣ. Съ этихъ поръ великое княженіе не разлучалось съ Москвою, а между тѣмъ, за какія нибудь тридцать лѣтъ до 1328 года Москва была ничтожнымъ удѣломъ: Данїилъ еще не владѣлъ ни Можайскомъ, ни Клиномъ, ни Дмитровомъ, ни Коломною, и владѣлъ лишь ничтожнымъ пространствомъ между этими пунктами, по теченію Москвы рѣки. Калита же въ 1328 году владѣлъ только Москвою, Можайскомъ, Звенигородомъ, Серпуховымъ и Переяславлемъ, т. е. пространствомъ меньше нынѣшней Московской губерніи. Что же дало возможность Москвѣ получить великое княженіе и увеличиться, и какимъ путемъ шло это возвышеніе?

На этотъ вопросъ мы находимъ много отвѣтовъ въ исторической литературѣ. *Карамзинъ*, напримѣръ, въ пятомъ томѣ «Исторїи Государства Россійскаго» упоминаетъ и таланты московскихъ князей, и содѣйствіе бояръ и духовенства и вліяніе татарскаго завоеванія. Татарское иго, которое по его мнѣнію начало «новый порядокъ вещей» въ исторической жизни русскаго народа, измѣнило отношенія князей къ населенію и отношенія князей другъ къ другу, поставило князей въ зависимость отъ хана и этимъ имѣло вліяніе на ходъ возвышенія московскаго княжества. Карамзинъ находитъ, что «Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ». *Погодинъ*, возражая Карамзину, поражается счастливыми совпаденіями «случайностей», которыя сложились всегда какъ разъ въ пользу возвышенія и усиленія Московскаго княжества. Блестящую характеристику усиленія Московскаго княжества даетъ намъ *Соловьевъ*. Въ I и IV томахъ своей «Исторїи Россїи» онъ не разъ говоря вообще о важномъ вліяніи географическихъ условій, отмѣчаетъ выгодное положеніе Москвы—на дорогѣ переселенцевъ съ юга, на срединѣ между Кіевской землей съ одной стороны и Владимірской и Суздальской съ другой. По бассейну Москвы рѣки переселенцы, идя съ юга, осѣдали густыми массами и дѣлали москов-

ское княжество однимъ изъ самыхъ населенныхъ. Кромѣ переселенцевъ съ юга въ Москву шли переселенцы и изъ другихъ областей Руси сѣверной, вслѣдствіе отсутствія въ Московскомъ княжествѣ междоусобиць и бѣдствій отъ татаръ. Населеніе приносило князю доходъ, давало ему большія средства мы знаемъ, что Московскіе князья употребляли эти большія денежные средства на покупку городовъ и выкупъ плѣнныхъ изъ орды, которыхъ и селили въ Московскомъ княжествѣ. Срединное положеніе Москвы—рѣки между Новгородомъ и востокомъ (Рязанью) имѣло также весьма важное значеніе. Если мы всмотримся въ географическую карту, то увидимъ, что Москва—рѣка сокращала водный путь между Новгородомъ и Окою, слѣдовательно Москва лежала на торговомъ пути Новгорода и Рязани. Срединное положеніе Москвы было важно и для церковнаго управленія. Митрополиты переселялись изъ Владиміра въ Москву, потому что считали необходимою находиться въ центральномъ пунктѣ между областями сѣвера и юга Руси. Такимъ образомъ, главное условіе возвышенія Москвы, по мнѣнію Соловьева, это срединность ея положенія, дававшая политическія, торговыя и церковныя преимущества. Въ разныхъ мѣстахъ своего труда Соловьевъ указываетъ и на другія условія, содѣйствовавшія успѣху Москвы; личность князей, дѣятельность бояръ, сочувствіе общества и такъ далѣе по въ оцѣнкѣ разныхъ факторовъ онъ кладетъ видимое различіе: одно—первая причина усиленія и возвышенія *Москвы*, другое—благопріятныя условія, помогавшія этому усиленію. *Костамаровъ*, излагая ходъ возвышенія Московскаго княжества, объясняетъ усиленіе Москвы главнымъ образомъ помощью татаръ, и даже самую идею самодержавія и единодержавія трактуетъ какъ заимствованную отъ татаръ. *Бестужевъ-Рюминъ* находитъ, что положеніе князей при зависимости великаго княженія отъ хана должно было развивать въ князьяхъ политическую ловкость и дипломатическій тактъ, чтобы этимъ путемъ привлечь милость хана и захватить великокняжескій престоль. Такою ловкостью и такимъ тактомъ обладали именно Московскіе князья. Кромѣ того, усиленію Москвы помогало духовенство, которому, при владѣніи большими вотчинами, было выгодно отсутствіе междоусобиць въ Московскомъ княжествѣ, и сверхъ того полнота власти Московскаго князя соотвѣтствовала ихъ высокимъ представленіямъ объ единодержавной власти государя, вынесеннымъ изъ Византіи. Далѣе, дѣятельность бояръ была направлена также на помощь московскимъ государямъ. Что же касается до срединности положенія Москвы, то К. Н. Бестужевъ-Рюминъ считаетъ это причиною второстепенною. Съ оригинальнымъ взглядомъ на этотъ вопросъ выступаетъ *Забѣлинъ*. Онъ главное условіе возвышенія Московскаго княжества видитъ въ національномъ сочувствіи, вызванномъ хозяйственною дѣятельностью московскихъ князей. Народъ, отягченный и татарскимъ погромомъ и междоусобными распрями князей, естественно относился сочувственно къ московскимъ князьямъ. Чисто эклектическимъ характеромъ отличается мнѣніе *Иловайскаго*, который главною причиною роста Москвы, какъ политическаго центра, считаетъ пробужденіе народнаго инстинкта; народъ, который чувствовалъ опасность

отъ татаръ, долженъ былъ сплотиться. Кромѣ того Иловайскій находитъ слѣдующія причины, способствовавшія усиленію Московскаго княжества: 1) географическое положеніе, дающее политическія и торговыя выгоды; 2) личность князей и ихъ политику (князья самихъ татаръ сдѣлали орудіемъ для возвышенія власти, что видно изъ борьбы между Тверью и Москвою); 3) Определенная въ пользу Москвы политика татаръ; 4) Сочувствіе боярства и духовенства; 5) правильность престолонаслѣдія въ Москвѣ.

Разбираясь въ указанныхъ мнѣніяхъ, мы видимъ, что вопросъ о причинахъ возвышенія Московскаго княжества не развивается и послѣднее по времени мнѣніе не есть самое удовлетворительное. Мы должны различать тѣ условія, которыя были причиною того, что незначительное Московское княжество могло бороться съ сильнымъ Тверскимъ княжествомъ, отъ тѣхъ, которыя поддерживали Московское княжество въ томъ положеніи, на которое оно встало, благодаря первымъ и помогли его усиленію. Въ числѣ первыхъ причинъ надо отмѣтить: 1) географическое положеніе, давшее Московскому княжеству населеніе и средства, 2) личныя способности первыхъ Московскихъ князей, ихъ политическую ловкость и хозяйственность, умѣніе пользоваться обстоятельствами, чего не имѣли Тверскіе князья, не смотря на одинаково выгодное положеніе Тверскаго княжества и Московскаго. Къ причинамъ способствовавшимъ усиленію княжества надо отнести: 1) сочувствіе духовенства, выраженное въ перемѣнѣ митрополій; 2) близорукость татаръ, которые не могли своевременно замѣтить опасное для нихъ усиленіе княжества; 3) отсутствіе сильныхъ враговъ, такъ какъ Новгородъ не былъ силенъ, а въ Твери происходили постоянно междоусобія князей; 4) сочувствіе бояръ и сочувствіе населенія. Обратимся теперь къ ходу возвышенія Московскаго княжества.

При Иванѣ Калитѣ Москва была владѣніемъ второстепеннымъ и заключала въ себѣ не болѣе шести городовъ и менѣе шестисотъ миль территоріальнаго владѣнія. При Иванѣ III, черезъ какія нибудь сто пятьдесятъ лѣтъ Московское княжество простиралось уже на 15.000 кв. миль. Это возрастаніе шло двоякимъ путемъ: или путемъ «примысловъ», или путемъ завоеваній. Московское княжество при Данилѣ получило Переяславль Залѣсскій, завѣщанный ему бездѣтнымъ племянникомъ—Іоанномъ Дмитріевичемъ въ 1302 году. Сынъ Данила Юрій отнялъ у сосѣдей рязанцевъ Коломну, лежащую при устьѣ Москвы рѣки, а у Смольнянъ городъ Можайскъ, находящійся при верховьи Москвы рѣки. Такимъ образомъ, приблизительно съ 1308 года въ рукахъ Московскаго князя находилось все теченіе рѣки Москвы.

Иванъ Калита, получивъ великое княженіе Владимірское, приобрѣлъ Кострому, Галичъ, Бѣлозеро, Перемышиль, Угличъ, скуная города у бѣдныхъ князей.

При Дмитріи Донскомъ были приобрѣтены: Верея, Мещера, Калуга, Дмитровъ, Владиміръ. Сынъ Дмитрія Донскаго, Василий по завѣщанію отца получаетъ уже: Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ, Городецъ, Тарусу, Боровскъ. Города эти приобрѣтены до 1425 года.

Въ завѣщаніи Дмитрія Донскаго замѣчательно одно любопытное мѣсто: великій князь завѣщаетъ Владиміръ старшему сыну, какъ свою «вотчину», помимо воли хана, что показываетъ какъ сильны были уже тогда московскіе князья.

Въ 1462 году Василій Темный завѣщаль своимъ сыновьямъ уже около 25 городовъ.

Параллельно съ территоріальнымъ возростаніемъ Московскаго княжества идетъ его политическое усиленіе. Въ XIV в. Тверское княжество было сильнымъ противникомъ Москвы, а въ XV вѣкѣ, при Іоаннѣ III, оно является на столько ничтожнымъ, что не въ состояніи сохранить даже независимость передъ возроставшимъ могуществомъ Москвы. И къ другимъ княжествамъ Московскіе князья начинаютъ относиться какъ къ зависимымъ удѣльнымъ. Власть Московскаго князя быстро росла и пользовалась громаднымъ авторитетомъ уже при Дмитрии Донскомъ, что видно изъ положенія, которое онъ занималъ въ борьбѣ князей съ татарами. Одновременно съ территоріальнымъ возростаніемъ Московскаго княжества и вмѣстѣ съ усиленіемъ его внѣшняго значенія, измѣнялись и отношенія между князьями собственно московской семьи и власть *великаго* князя Московскаго усиливалась вслѣдствіе извѣстнаго порядка наслѣдованія и вообще семейныхъ отношеній, которыя существовали въ семьѣ московскихъ князей до половины XV вѣка.

Для изученія этого порядка мы имѣемъ большое количество духовныхъ завѣщаній Московскихъ князей XIV и XV вв. Постоянныхъ правилъ, которыми бы устанавливался постоянный и однообразный порядокъ престолонаслѣдія не было, престолонаслѣдіе опредѣлялось каждый разъ завѣщаніемъ князя, который могъ завѣщать свои владѣнія, кому хотѣлъ. Такъ напримѣръ, князь Семень, сынъ Ивана Калиты, умирая бездѣтнымъ, завѣщаль весь свой удѣлъ женѣ, помимо братьевъ. Изъ завѣщаній видно, что князья смотрѣли на свои земельныя владѣнія, какъ на статьи своего хозяйства и совершенно одинаково дѣлили и движимое имущество и частныя земельныя владѣнія, и государственную территорію. Последняя обыкновенно дѣлилась череполосно. Московская земля дѣлилась на нѣсколько участковъ, которые отличались другъ отъ друга по хозяйственному значенію или по историческому происхожденію. Каждый наслѣдникъ получалъ свою долю въ этихъ частяхъ земли, точно такъ же какъ получалъ свою долю и въ каждой статьѣ движимаго имущества. Самая форма духовныхъ грамотъ князей была та-же, что и форма духовныхъ завѣщаній частныхъ лицъ; точно такъ-же они совершались при свидѣтеляхъ и по благословленію духовныхъ отцовъ. По княжескимъ завѣщаніямъ можно прослѣдить и отношенія князей другъ къ другу. Каждый удѣльный князь владѣлъ своимъ удѣломъ независимо, но младшіе удѣльные князья должны были слушаться старшаго, какъ отца, а старшій былъ долженъ заботиться о младшихъ, но это были скорѣе нравственныя, нежели политическія обязанности. Значеніе старшаго брата обуславливались чисто матеріальнымъ, количественнымъ преобладаніемъ, а не излишкомъ правъ и власти. Такъ напримѣръ Дмитрій Донской далъ

старшему изъ пяти сыновей $\frac{1}{2}$ всего имущества, Василій Темный половину ($\frac{1}{2}$),—а Иванъ III— $\frac{3}{4}$ всего имущества. Такъ какъ доля старшаго постоянно количественно увеличивалась, сравнительно съ младшими, то это давало ему возможность все большаго и большаго вліянія на младшихъ князей. Благодаря такимъ особенностямъ изъ преобладанія чисто семейнаго, матеріальнаго, гражданскаго, мало по малу развивалось преобладаніе *государственное*, политическое, иначе говоря, сдѣлалось единодержавіе въ княжествѣ.

Усиленіе Литовскаго Княжества.

Мы уже знакомы съ политикою Миндовга, который, стремясь къ расширенію предѣловъ и усиленію Литовскаго княжества, пользовался русскими—для власти надъ Литвой и литовцами для власти надъ русскими землями. Его политика, какъ извѣстно, окончилась заговоромъ удѣльныхъ князей и гибелью его съ двумя молодыми сыновьями во время похода противъ Брянскаго князя Ростислава.

Послѣ его смерти въ Литвѣ произошли междоусобія, вслѣдствіе которыхъ литовское княжество въ значительной степени потеряло пріобрѣтенную при Миндовгѣ силу и внутреннюю связь; однако оно уже на столько окрѣпло при Виндовгѣ, что не могло окончательно разложиться послѣ его смерти. Основателемъ же могущества литовскаго княжества считается *Гедиминъ*, хотя и предшественникъ его Витень много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи.

О происхожденіи Витеня и Гедимина и времени ихъ вокняженія лѣтописи не даютъ точныхъ свѣдѣній. Въ разсказахъ лѣтописцевъ мы встрѣчаемъ извѣстія о военной дѣятельности Витеня (1293—1316) и Гедимина (1316—1341), причѣмъ характеръ ихъ военныхъ дѣйствій указываетъ на новый переворотъ, происшедшій во внутреннемъ строѣ Литовскаго княжества. У Витеня и Гедимина были уже дисциплинированныя войска вмѣсто прежнихъ нестройныхъ ополченій. Войска эти предпринимаютъ осаду городовъ, умѣютъ брать приступомъ укрѣпленія, имѣ знакомо употребленіе осадныхъ орудій. Литва защищена не только дремучими лѣсами, болотами, но уже укрѣпленіями, замками, городами, жители которыхъ несутъ правильно распределенныя государственныя повинности и, главнымъ образомъ, обязаны защищать свои города и крѣпости. Перемена въ организаціи военныхъ силъ государства произошла отъ прилива русской народности, на которую, главнымъ образомъ, опирались литовскіе князья; доказательствомъ этого служатъ извѣстія лѣтописей, въ которыхъ постоянно встрѣчаются названія ополченій Витеня и Гедимина не литовскихъ только, а литовско-русскихъ. Участіе русскихъ не ограничивалось только военной помощью литовскимъ князьямъ; они участвуютъ въ дипломатическихъ дѣлахъ; правятъ посольства отъ литовскихъ князей, имѣютъ вліяніе и на внутреннее управленіе Литвы. Такъ, главнымъ сподвижникомъ Гедимина былъ русский человекъ *Давидъ*—воевода Гродненскій. Но дошедшимъ о немъ свѣдѣніямъ, онъ занималъ высокое положеніе въ

странѣ, пользовался большимъ вліяніемъ на внутреннее управленіе Литвой; по словамъ литовскихъ источниковъ, онъ занималъ первое мѣсто послѣ великаго князя; кромѣ того ему была поручена охрана одной изъ важнѣйшихъ крѣпостей—Гродно и начальство надъ арміями въ тѣхъ походахъ, въ которыхъ Гедиминъ лично не принималъ участія; въ одномъ изъ такихъ походовъ Давидъ былъ измѣнническимъ образомъ убитъ однимъ мазовецкимъ княземъ Андреемъ.

Гедиминъ, какъ и его предшественники, держался завоевательной политики; однако, лѣтописи и преданія часто приписываютъ ему завоеваніе такихъ областей, которыя или были покорены Литвою уже послѣ его смерти, или же были присоединены къ Литвѣ мирнымъ образомъ. (Такъ напримѣръ, мы находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о походѣ Гедимина на Волынь и Кіевъ въ 1320 году, причѣмъ лѣтописцы передаютъ это, какъ достаточно вѣрный фактъ; изображаютъ битвы, результатомъ которыхъ якобы явилось подчиненіе Волыни и Кіева, а между тѣмъ изъ болѣе подробнаго изученія этихъ рассказовъ и сличенія съ болѣе достовѣрными источниками видно, что это вымыселъ). При такихъ недостовѣрныхъ источникахъ историческая критика можетъ указать только на нѣкоторыя земли, присоединенныя Гедиминомъ къ Литвѣ: Кіевскую, Полоцкую, Минскую, Туровскую, Пинскую и Витебскую. Когда мы сообразимъ количественное отношеніе территорий, населенныхъ русскими и литовцами, то увидимъ, что около *двухъ третей территории* было занято русскими, такъ что въ первой четверти XIV вѣка Литовское княжество приобрѣло значеніе сильнаго центра, около котораго группировались болѣе слабыя русскія области. Московское государство находилось въ таковомъ же положеніи; политика, какъ Московскихъ, такъ и Литовскихъ князей, была одинакова: тѣ и другіе стремились стягивать болѣе слабыя русскія области вокругъ сильнаго политическаго центра.

Между Москвою и Литвою въ XIV вѣкѣ находилась цѣлая полоса княжествъ, которыя служили предметомъ споровъ между этими двумя державами; Гедиминъ соперничалъ съ Москвою изъ за вліянія на дѣла Пскова и Новгорода и затѣмъ изъ за вліянія на Смоленскихъ князей. Извѣстно, напримѣръ, что во время несогласій въ Новгородской землѣ, происходившихъ изъ за стремленія Псковичей отдѣлиться отъ Новгорода, псковитяны поддерживала Литва, а Новгородъ—Московскіе князья. Изъ за этой полосы слабѣйшихъ земель и развилась постоянная и непрерывная борьба Москвы съ Литвою въ XIV и XV вѣкахъ.

Гедиминъ оставилъ семь сыновей, между которыми и подѣлилъ литовскія земли. Изъ нихъ *Олгердъ* получилъ Крево и Витебскъ, *Кейстутъ* Троки, Гродно и Жмудь, а младшій *Янутиъ* столицу Вильно. *В. Б. Антоновичъ*, вопреки старому мнѣнію, что послѣ Гедимина великимъ княземъ сталъ считаться Явнутиъ, высказывается въ томъ смыслѣ, что Явнутиъ, какъ самый младшій и неопытнѣй въ дѣлахъ правленія, не могъ быть назначенъ отцомъ на великое княженіе; онъ поддерживалъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ источникахъ о вліяніи Явнутиа, какъ великаго князя, на событія того времени не упо-

минается; напротив, каждый удѣльный князь дѣйствуетъ вполне самостоятельно: заключаетъ договоры съ иностранцами, предпринимаетъ походы. Поэтому Антоновичъ и предполагаетъ, что въ данный промежутокъ времени скорѣй никто не наследовалъ старшаго стола, пока Ольгердъ и Кейстутъ не вступили въ союзъ съ цѣлью возстановить въ Литвѣ великокняжескую власть. По мнѣнію же *Бестужева-Рюмина*, великокняжескій престолъ достался именно младшему Явнутію, какъ и позднѣе своему младшему сыну Ягайлу и Ольгердъ отдалъ великокняжескій престолъ. Это, говоритъ Бестужевъ, указываетъ на известный обычай, схожій со старымъ гражданскимъ обычаемъ: по «Русской Правдѣ» отцовскій домъ доставался младшему сыну. Однако Явнутій не долго оставался на великокняжескомъ престолѣ. Кейстутъ въ союзъ съ Ольгердомъ свергъ Явнутія, и Ольгердъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ. Другіе князья должны были признать его власть и обязывались повиноваться ему, какъ великому князю и верховному распорядителю ихъ удѣловъ.

Антоновичъ даетъ намъ слѣдующую мастерскую характеристику Ольгерда: «Ольгердъ, по свидѣтельству современниковъ, отличался по преимуществу глубокими политическими дарованіями: онъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, вѣрно намѣчалъ цѣли своихъ политическихъ стремленій, выгодно располагалъ союзы и удачно выбиралъ время для осуществленія своихъ политическихъ замысловъ. Крайне сдержанный и предусмотрительный, Ольгердъ отличался умѣніемъ въ непроницаемой тайнѣ сохранять свои политическіе и военные планы», Сѣверныя и русскія лѣтописи, не расположенныя вообще къ Ольгерду, вслѣдствіе его столкновеній съ северо-восточною Русью, называютъ его «зловѣрнымъ», «безбожнымъ» и «лѣстивымъ»; однако признають въ немъ умѣніе пользоваться обстоятельствами, сдержанность, хитрость,—словомъ, всѣ качества, нужныя для усиленія своей власти въ государствѣ и для расширенія предѣловъ княжества. По отношенію къ различнымъ національностямъ, можно сказать, что всѣ симпатіи и вниманіе Ольгерда сосредоточивались на русской народности. Ольгердъ по взглядамъ, привычкамъ, семейнымъ связямъ принадлежалъ къ русской народности и служилъ въ Литвѣ ея представителемъ. Въ то самое время, какъ Ольгердъ усиливаетъ Литву присоединеніемъ русскихъ областей, Кейстутъ является ея защитникомъ передъ крестоносцами и заслуживаетъ славу народнаго богатыря. Кейстутъ—язычникъ, но и его враги—крестоносцы признають въ немъ качества образцоваго христианина—рыцаря. Такія же качества признавали въ немъ поляки.

Оба князя такъ точно раздѣлили управление Литвой, что русскія лѣтописи знаютъ только Ольгерда, а нѣмецкія только Кейстута. О характерѣ борьбы Кейстута съ нѣмцами мы находимъ блестящую страницу въ уже указанной книгѣ *Антоновича* (стр. 99). Крестоносцы дѣлали ежегодно на Литву набѣги, называемые «рейзами»; Литовцы платили ордену тѣмъ же, но такъ какъ литовскія нападенія требовали большихъ приготовленій, то они бывали вдвое рѣже. Такимъ способомъ шли войны изъ году въ годъ, составляя главное занятіе Литовцевъ и русскихъ вѣченіе всего княженія Ольгерда. Эти набѣги, болѣе или менѣе опустошительные и

кровопролитные, обыкновенно не приводили къ окончательному результату, и больших и рѣшительныхъ битвъ было мало; въ княженіи Ольгерда ихъ насчитываютъ двѣ: на рѣкѣ *Страва* (1348) и у *Рудава* (1370). Онѣ не имѣли никакихъ послѣдствій, хотя нѣмецкіе лѣтописцы придаютъ этимъ битвамъ рѣшительный характеръ и преувеличиваютъ размѣры побѣдъ. По отношенію къ Руси Ольгердъ продолжаетъ политику своего отца. Онъ старается вліять на Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ; поддерживаетъ Тверскихъ князей противъ Москвы, хотя его вмѣшательство въ этомъ случаѣ и неудачно. Соперничество Ольгерда съ Москвою въ стремленіи подчинить русскія земли, пограничныя съ Литвой въ Новгородѣ и Псковѣ, склонялось въ пользу Москвы, но за то Ольгердъ умѣлъ захватить Сѣверскую Русь, Брянскъ, Новгородъ Сѣверскій, Кіевъ и др.

Послѣ смерти Ольгерда на престолъ вступилъ *Ягайло*, и наступило время династическаго соединенія Литвы съ Польшей въ уніи 1386 года. Соединеніе это было предложено Польшею съ цѣлью направить силы обонхъ государствъ на общаго врага, на нѣмцевъ. Успѣхъ былъ достигнутъ. Соединенныя войска литовско-русскія и польскія нанесли нѣмцамъ роковой ударъ подъ Грюнвальдомъ (Танненберомъ), и сила нѣмецкаго ордена была сломлена навсегда. Но были и другіе результаты уніи, не благоприятныя для Литвы. Литва была вполне русскимъ государствомъ съ русскою культурою, съ господствомъ русскаго языка и православія. А между тѣмъ унія политическая, по мнѣнію Ягайло и католиковъ, должна была вести къ уніи и религіозной. Поляки стремились окатоличить «языческую» Литву и ввести въ ней «культуру», то-есть польскіе обычаи. Языческая Литва была давно уже очень слаба, и борьба, направленная противъ нея, скоро перешла въ борьбу съ православіемъ. Именно такимъ образомъ, въ новомъ государствѣ создались обстоятельства, которыя должны были дурно отозваться на его политическомъ могуществѣ; и, вслѣдствіе національнаго и вѣроисповѣднаго внутренняго разлада, Литва начинаетъ клониться къ погибели въ то самое время, когда она достигаетъ, казалось бы, поднаго расцвѣта своихъ силъ. Это было при Витовтѣ. Въ *русской* части Литвы унія и, въ особенности, принятіе католицизма официальными лицами не могли обойтись безъ протеста: русскіе съ той поры, какъ Ягайло, сталъ польскимъ королемъ, захотѣли имѣть своего особаго князя, что заставило ихъ сгруппироваться сначала вокругъ Андрея Ольгердовича, попытка котораго захватить власть однако окончилась неудачею. Тѣмъ не менѣе въ Литвѣ недовольствіе противъ уніи все росло, чѣмъ и воспользовался сынъ Кейстута — *Витовтъ*. Заручившись союзниками онъ выступилъ въ борьбу съ Ягайло, и тотъ въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить Литву Витовту и признать Витовта княземъ Литовскимъ.

Литовскому государю предстала теперь задача охранять независимость своего государства отъ Польши, но умъ Витовта на этотъ разъ не подсказалъ ему, на какое манало долженъ онъ опереться въ этомъ дѣлѣ; *Ларо* говоритъ, что Витовта считали своимъ и католикъ, и православные; язычники же думали, что въ немъ не угасъ духъ пред-

ковъ; въ этомъ была и его сила, и его слабость. Дѣйствительно, сближаясь со всеми, будучи нерѣшителенъ, мѣняя нѣсколько разъ свою религію, Витовтъ не могъ твердо и прочно опереться на сильнѣйшій въ Литвѣ элементъ, на русскую народность, какъ могъ бы сдѣлать чисто православный князь. Русскіе въ концѣ концовъ отнеслись къ Витовту, какъ къ врагу Руси вообще: «Быль убо князь Витовтъ, прежде христіанинъ (говорить лѣтописецъ), и имя ему Александръ, и отвержеся православныя вѣры и христіанства и прія Лядскую,.... а помыслилъ тако, хотѣль плѣнити русскую землю, Новгородъ и Псковъ». Разъ образовался такой взглядъ, Витовтъ лишился быль надежнѣйшей опоры для его политики, склонившейся къ образованію изъ Литвы единаго независимаго государства, но окончившейся тѣснымъ сближеніемъ съ Польшею. Все княженіе Витовта наполнено блестящими дѣлами Литовской политики, но вмѣстѣ съ тѣмъ Польша все больше и больше пріобрѣтала вліяніе на Литву. Въ 1413 году въ городѣ *Городнѣ* собрался польско-литовскій сеймъ, на которомъ торжественнымъ актомъ былъ скрѣпленъ союзъ Польши съ Литвой. На основаніи этого акта Литва и Польша соединяются въ одно государство, и Литовской аристократіи даются права польской шляхты; Городненскій актъ послужилъ началомъ окончательнаго раздѣленія и вражды Литвы и Руси, и Литва съ этого момента, все болѣе и болѣе подпадая подъ вліяніе Польши, наконецъ окончательно слияется съ нею въ нераздѣльное государство.

Московское княжество въ XV и началѣ XVI вѣка.

Въ исторіи Московскаго княжества и въ политическомъ положеніи великаго князя Московскаго произошелъ въ концѣ XIV вѣка великій переломъ: это княжество изъ удѣла начало превращаться въ національное государство, а Московскій князь изъ вотчинника дѣлался политическимъ объединителемъ и вождемъ всего великорусскаго племени. Толчкомъ къ такому перелому послужилъ походъ на Куликово поле противъ Мамаю. Этотъ походъ поднялъ во имя народныхъ интересовъ (а не удѣльныхъ) и совершилъ въ члѣ общерусскаго (а не удѣльнаго) войска московскій князь Дмитрій. Съ этихъ поръ Дмитрій изъ князя Московскаго превратился въ «царя Русскаго», какъ стали называть его въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ, а его княжество выросло въ національное государство Московское. «Оно родилось на Куликовомъ полѣ, а не въ семейномъ сундукѣ Ивана Калиты» — мѣтно и красиво сказалъ о немъ В. О. Ключевскій. Древнерусская письменность въ XV вѣкѣ отмѣтила намъ эту перемѣну въ фактахъ и переломъ въ народномъ сознаніи. Многочисленные редакціи повѣстей о Куликовской битвѣ представляютъ ее, какъ національный подвигъ («Оказаніе» о Мамаевомъ побоищѣ, «Повѣсть» о немъ, «Слово о Задонциѣ»); «Слово о житіи Дмитрія Донскаго» проникнуто національнымъ сознаніемъ; церковныя проповѣди конца XIV и начала XV вв. на московскихъ князей указываютъ, какъ на національныхъ государей. Мало того, что народность сознала свое единство,—она

почувствовала свою силу, оцѣнила, быть можетъ, даже выше мѣры свои политическіе успѣхи и стала смотрѣть на себя, какъ на богоизбранный народъ, «новый Израиль», которому суждено играть первенствующую роль среди другихъ православныхъ народовъ и въ этомъ отношеніи занять мѣсто отживающей, тѣснимой турками подчинившейся папамъ (на Флорентинскомъ соборѣ) Византіи. Такія тенденціи начинаютъ проглядывать въ письменности того времени, въ рассказахъ (Серапіона) о Флорентинскомъ соборѣ, въ повѣствованіи о пребываніи на Руси ап. Андрея Первозваннаго, въ преданіяхъ о передачѣ на Русь изъ Греціи «бѣлаго клобука», который носили новгородскіе архіепископы; Мономахова вѣнца и прочихъ «царскихъ утварей» и другихъ святынь, покидавшихъ Византію и обрѣтаемыхъ на Руси.

Таковы были господствующія идеи того времени. Конечно, онѣ выросли на фактахъ и питались дѣйствительностью. Но въ свою очередь и онѣ опредѣляли собою дѣйствительность, влияли на факты, измѣняли порядокъ политической жизни и направляли политическую дѣятельность. Московскіе князья до середины XV вѣка были *удѣльными* владѣльцами, которыхъ трудно назвать политическими дѣятелями и за которыми доселѣ сохраняется названіе «хозяевъ», «скопидомовъ». Такъ характеризуетъ ихъ *Соловьевъ* и другіе историки. Политика этихъ князей *не государственная*, они скорѣе преслѣдуютъ частныя цѣли удѣльнаго княжескаго дома. Эти особенности исчезаютъ со вступленіемъ во власть (1461 г.) *Ивана Васильевича III*. Съ этого времени начинается иной порядокъ, и строится онъ именно подъ влияніемъ національныхъ идей.

Московское княжество въ княженіи Ивана III было обширнымъ и сильнымъ удѣломъ, сосѣдями котораго были: Новгородъ, Псковъ, Литва, Казанское царство и слабые удѣлы (Тверь, Рязань и др.).

Преслѣдуя политику своего отца, Иванъ Васильевичъ попробовалъ тронуть Новгородъ. Новгородъ понялъ грозившую опасность и сталъ искать опоры въ Литвѣ. Тогда Иванъ III изъ-за сношеній Новгорода съ Литвой объявилъ ему войну. Въ іюлѣ 1471 года Иванъ Васильевичъ съ войскомъ сильно раззорилъ Новгородскую область и подступилъ къ Новгороду. Тотъ, не получивъ помощи отъ Литвы, не захотѣлъ войны и потому поспѣшилъ заключить миръ, заплатилъ 15,000 рублей, отказался отъ союза съ Литвой и обѣщалъ ставить Новгородскаго архіепископа въ Москвѣ. На этотъ разъ Иванъ III пощадилъ *городское самоуправленіе*, но, когда Новгородцы снова стали сноситься съ Литвой и независимѣе держаться по отношенію къ Москвѣ, онъ предпринялъ новый походъ въ 1478 году и безъ труда *окончательно* подчинилъ себѣ Новгородъ, уничтоживъ его вѣчевую жизнь. Этому послѣднему походу приданъ былъ такой характеръ, какъ будто Московскіе войска въ охрану народности и православной вѣры шли на новгородцевъ, отступившихъ отъ православія и передавшихъ Литовскому иновѣрному князю. Одновременно съ Новгородомъ Іоаннъ по частямъ завоевывалъ и Новгородскія области, то-есть, «земли», «волости» (*Вятка*). Но *Псковъ*, благодаря покорности

великому князю, сохранилъ тѣнь своей самостоятельности и отсро-чилъ свое паденіе.

По отношенію къ *Твери* и *Рязани* великій князь держался столь-же крутой политики. Въ 1500 году умеръ великій князь рязанскій Иванъ, оставивъ своего сына подъ опекой его матери и бабки, кото-рыя вполнѣ слушались великаго князя. Въ 1484 году, воспользовав-шись сношеніями тверского князя *Михаила Борисовича* съ Литвою, Иванъ III объявилъ ему войну и осадилъ Тверь. Городъ сдался безъ боя, а Михаилъ убѣжалъ въ Литву. Въ 1463 году князья *Ярославскіе*, а затѣмъ и *Ростовскіе* и *Бѣлозерскіе* уступили свои владѣнія Іоанну.

Татарская Орда не представляла въ княженіе Ивана III одного нераздѣльнаго государства; она распалась на нѣсколько ордъ, (Золо-тую, Казанскую, Крымскую), которыя находились между собою въ постоянной враждѣ, искусно поддерживаемой Иваномъ III. Татары часто дѣлали нападенія на русскія окраины и опустошали ихъ. Иванъ III попробовалъ дѣйствовать противъ Татаръ самими же Татарами. Онъ приглашалъ къ себѣ на службу татарскихъ царевичей, давая имъ въ награду земли, и такимъ образомъ противопоставлялъ татарамъ ихъ же соплеменниковъ. Видя слабость Золотой орды, Иванъ III по-нялъ, что наступило время окончательно свергнуть иго. Это была, разумѣется, старая завѣтная цѣль Московскихъ князей, къ которой они все стремились неуклонно, но осторожно. Нѣкоторые приписы-ваютъ смѣлость Іоанна въ разрывѣ съ Ханомъ внушеніямъ Софьи, его жены, которая не могла сносить хотя-бы и тѣни зависимости отъ Татаръ. Какъ бы то ни было, но съ 1480 года не стало и номиналь-ной зависимости Руси отъ татаръ.

Если мы вспомнимъ еще удачныя столкновенія Ивана III съ *Литвой*, то будемъ имѣть полный перечень его громадныхъ полити-ческихъ успѣховъ. Отъ Литвы Иванъ Васильевичъ требовалъ возвра-щенія всѣхъ русскихъ областей, называя себя при этомъ княземъ *всей* Руси, а земли Литовско-русскія *вотчинами* своихъ предковъ. Московскіе князья, какъ видно, перестали смотрѣть на себя, только какъ на «хозяевъ». Историческія воспоминанія о древнихъ русскихъ областяхъ обратились въ политическія притязанія, и у Московскаго князя явилось представленіе о себѣ, какъ объ *единомъ* государѣ *всей* русской земли.

Въ 1505 году, умирая, Иванъ оставляетъ духовное завѣщаніе, по которому старшему сыну Василию отдается *большая* часть земель, болѣе $\frac{3}{4}$ всѣхъ городовъ; остальная часть дѣлится между прочими четырьмя сыновьями. Власть этихъ послѣднихъ совершенно иного свойства, чѣмъ власть старшаго: они играютъ роль простыхъ *вотчин-никовъ*, не имѣютъ права чеканить монету и самостоятельно сносятся съ иновѣнными государями. Такимъ образомъ Василій III, по завѣ-щанію отца, отличенъ не только количествомъ, но и качествомъ правъ: онъ политическій владѣтель, они—привилегированные земле-владѣльцы.

Что касается до личности Ивана III, то историки смотрятъ на нее розно. *С. М. Соловьевъ* говоритъ, что только счастливое положе-

ніе Іоанна послѣ дѣлаго ряда умныхъ предшественниковъ дало ему возможность смѣло вести обширныя предпріятія. *Костомаровъ* смотритъ на него еще строже; онъ отрицаетъ всякія политическія способности въ Иванѣ, отрицаетъ въ немъ и простыя человѣческія достоинства. *Карамзинъ* же оцѣниваетъ дѣятельность Іоанна III совсѣмъ иначе. Не сочувствуя насильственному характеру преобразованій Петра, онъ ставитъ Ивана III выше даже Петра Великаго. Гораздо справедливѣе, спокойнѣе относится къ Ивану *Вестужевъ-Роукинъ*. Онъ говоритъ, что хотя и много было сдѣлано предшественниками Іоанна, и ему поэтому было легче работать, тѣмъ не менѣе онъ великъ потому, что завершилъ старыя задачи и умѣлъ постановить новые вопросы; именно Иванъ III поставилъ рѣшительно вѣковой вопросъ объ отношеніяхъ Литвы и Москвы.

Что касается до Василія III, то онъ походилъ на своего отца и только продолжалъ его политику и внѣшнюю, и внутреннюю. Онъ уничтожилъ самостоятельность *Пскова* и послѣднихъ удѣльныхъ княжествъ, *Рязанскаго и Твертискаго*; и послѣ упорныхъ войнъ съ Литвою, отнялъ у нея *Смоленскъ* въ 1514 году. Отношенія его къ Крыму и къ Казани были постоянно враждебны, какъ и у его отца; онъ и въ этомъ случаѣ не отступилъ отъ политики Іоанна и старался имѣть вліяніе на дѣла Казани и Крыма. Во внутреннихъ дѣлахъ Василій отличался властолюбіемъ и суровостью. Онъ съ братьями обращался строго, показывалъ надъ ними свою власть и въ частныхъ дѣлахъ; такъ напримѣръ, брату Андрею долго не позволялъ жениться. Съ боярами онъ обращался надменно и не любилъ, если ему противорѣчили въ думѣ. Извѣстно, напримѣръ, что бояринъ Берсень-Беклемишевъ былъ выгнанъ имъ изъ засѣданія только за то, что осмѣлился высказать возраженіе. Бояре жаловались, что онъ все дѣла рѣшалъ «самъ третей у постели» и что совѣтниками его являются дьяки.

Разсматривая явленія эпохи Ивана III и Василія III, замѣчаемъ, что въ ихъ княженіе совершилось дѣйствительное объединеніе великорусской народности и Московскій князь получилъ значеніе *національнаго государя*; благодаря этому измѣнился характеръ внѣшней политики и внутреннее значеніе и положеніе великаго князя, нынѣ «государя».

Внѣшняя политика при первыхъ московскихъ князяхъ ограничивалась сношеніями съ татарами и отношеніями къ сосѣднимъ удѣламъ, причѣмъ преслѣдовались удѣльные интересы Московскаго князя. Во время Ивана III-го и Василія III позорная дань татарамъ кончилась, и послѣднія самостоятельныя княжества, еще оставшіяся въ сѣверной Руск, окончательно подчинились Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и характеръ внѣшней политики, которая становится политикой государственной, преслѣдуетъ интересъ *не удѣла, а народности*. Московскому государству приходится имѣть дѣло уже не съ единовѣрными и единоплеменными удѣльными князьями, а съ иноземными и иновѣрными государствами: съ Литвою, Польшей, германскимъ императоромъ; завя-

зываются съ ними дипломатическія сношенія и начинаются съ этого времени путешествія въ Москву иностранцевъ, не заѣзжавшихъ прежде въ Россію дальше Новгородѣ.

Зная, что въ Москвѣ находятся многія русскія области, московскіе князья усваиваютъ мысль, что это ихъ древнія вотчины, и продолжаютъ дѣло объединенія уже на Литовской землѣ (а не только на великорусской). Такой взглядъ московскихъ князей на единство *всей* русской земли выразился въ отвѣтъ Іоанна III литовскому послу, на жалобу послѣдняго, что Московскій государь захватилъ чужія вотчины, не имѣя на нихъ никакого права: «короли Владиславъ и Александръ хотятъ противъ насъ за свою вотчину стоять; но что называютъ короли своей вотчиной? не тѣ ли города и волости, съ которыми князья русскіе и бояре пріѣхали къ намъ служить и которые наши люди взяли у Литвы? Папѣ, надѣемся, хорошо извѣстно, что короли Владиславъ и Александръ имѣли Польское королевство да Литовскую землю отъ своихъ предковъ, а русская земля отъ нашихъ предковъ изъ старины наша отчуждена».

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ грамотахъ, посылаемыхъ въ Литву, московскіе князья именовали себя: «князь Московскій и *всѣя Руси*»; Литовцы отлично понимали, какая мысль скрывалась за этимъ титуломъ, и вотъ почему они такъ желали его уничтоженія.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ характера вѣншней политики измѣнилась и внутренняя политика, а также положеніе московскаго князя. Мы видѣли, какъ усиливалась власть великаго князя Московскаго насчетъ удѣльныхъ князей, какъ старшій сынъ наследовалъ послѣ отца большее число городовъ, какъ такое матеріальное превосходство, увеличиваясь все болѣе съ теченіемъ времени, все больше отличало московскихъ старшихъ князей отъ удѣльныхъ. Но со второй половины XV вѣка этотъ князь пересталъ быть только *удѣльнымъ* княземъ, а воплотился въ своемъ лицѣ высокій политическій авторитетъ, какъ державный вождь великорусской народности. Иванъ III беретъ съ своихъ братьевъ обязательство не сводиться помимо его съ иностранными державами, запрещать имъ бить монету и чинить судъ по важнымъ уголовнымъ дѣламъ, оставляя эти права исключительно за Московскимъ великимъ княземъ. Онъ принимаетъ титулъ царя «всѣя Руси», усиливая его перечисленіемъ всѣхъ подвластныхъ ему областей: «великій князь всѣя Руси, Владимірскій, Московскій, Новгородскій и т. д.». Онъ зовется самодержцемъ, то-есть владителемъ, политически независимымъ. Съ пріѣздомъ Софьи Фоминичи Московскій князь усваиваетъ по преемству отъ византійскаго императора *сербъ двуглавого орла*, служащій знакомъ царской власти, и вводитъ сложный этикетъ въ придворную жизнь. Насколько велико было сознаніе своего могущества у Московскаго князя этого времени, видно изъ отвѣда Ивана III послу германскаго императора, Понпею, посланному между прочимъ и затѣмъ, чтобы предложить Іоанну королевскій титулъ. Иванъ отказался отъ титула и велѣлъ сказать послу: «Просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтямъ, и до вѣка въ томъ быти, какъ есмь я нынѣ государи

на своей землѣ, а постановленія, какъ есмь напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ». Такой гордый отвѣтъ получилъ первый по значенію европейскій государь отъ дотогѣ неизвѣстнаго Западной Европѣ московскаго князя.

Сознавая превосходство своей власти надъ властью прежнихъ московскихъ князей, Иванъ III ввелъ *обычай слычанія на царство* торжественнымъ церковнымъ обрядомъ. Предшественники Ивана III, великіе князья московскіе сажались на княжескій престолъ съ благословеніемъ митрополита; Иванъ нашелъ это недостаточнымъ и, назначивъ себя преемникомъ внука своего Дмитрія, торжественно въпечатъ его «на царство» въ Успенскомъ соборѣ. Съ новымъ понятіемъ о царской власти, съ новыми впечатлѣніями, которыя были вынесены изъ сношенія съ Западомъ, переижаются и обычаи московскаго двorca: онъ становится дворцомъ со сложнымъ этикетомъ. Такъ раскрывали государи въ цѣломъ рядѣ установленій мысль о своемъ новомъ значеніи, она, очевидно, раздѣляется и народомъ. Простыя удѣльные отношенія подданныхъ къ государю исчезаютъ. *Герберштейнъ*, германскій посолъ, бывшій въ ту пору въ Москвѣ, замѣчаетъ, что Василій III имѣлъ власть, какой не обладалъ ни одинъ монархъ и затѣмъ добавляетъ, что, когда спрашиваютъ москвичей о неизвѣстномъ имъ дѣлѣ, они говорятъ, равняя князя съ Богомъ: «мы этого не знаемъ, знаетъ Богъ да государь». Такой казалась власть государя иноземцамъ, но пойманныя ими фразы не назначались только для того, чтобы политически возвысить государя въ дипломатическихъ сношеніяхъ передъ чужими; внутреннія отношенія, дѣйствительно мѣнялись, и власть московскаго государя росла не только по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ, какъ власть единаго властителя сильнаго государства, но и въ отношеніи подданныхъ; эта переменна отношеній къ подданнымъ рѣзче всего сказалась измѣненіями въ бытѣ боярства.

Въ Москвѣ издавна, благодаря богатству московскихъ князей и другимъ причинамъ, собралось многочисленное боярство: отъ времени Ивана Калиты съ юга и съ запада пріѣзжали сюда именитые бояре и мало по малу около московскаго великокняжескаго стола столпились больше слугъ, чѣмъ у кого бы то ни было изъ другихъ русскихъ князей. Основаніемъ отношеній между княземъ и боярами до половины XV вѣка въ Москвѣ былъ *договоръ*: бояринъ приходилъ «служить князю», а князь за это долженъ былъ его «кормить»,—вотъ главное условіе договора. Сообразно съ этимъ, каждый служилый бояринъ имѣлъ право на «кормленіе» по заслугамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ право отъѣзда и участія въ совѣтѣ князя. До половины XV вѣка интересы боярства были тѣсно связаны съ интересами князя: бояринъ долженъ былъ стараться объ усиленіи своего князя, такъ какъ, чѣмъ сильнѣе князь, тѣмъ лучше служатъ боярину и тѣмъ безопаснѣе его вотчина. Князья въ свою очередь признавали заслуги бояръ, что видимъ изъ завѣщанія Дмитрія Донскаго, въ которомъ онъ совѣтуетъ дѣтямъ во всемъ держаться совѣта бояръ. Словомъ московскіе князья и бояре составляли *одну дружную политическую силу*. Но съ половины XV

вѣка измѣняется составъ московскаго боярства, измѣняется отношеніе боярства къ государю. Съ этого времени, въ княженіе Ивана III и Василя III-го въ эпоху окончательнаго подчиненія и присоединенія удѣловъ замѣчается приливъ новыхъ слугъ къ московскому двору; во первыхъ, это удѣльные князья, потерявшіе или уступившіе свои удѣлы московскому князю; во вторыхъ, это удѣльные князья, которые ранѣе потеряли свою самостоятельность и служили другимъ удѣльнымъ князьямъ; наконецъ, это бояре—слуги удѣльныхъ князей, перешедшіе вмѣстѣ съ своими князьями на службу къ Московскому князю. Эта толпа княжескихъ слугъ увеличивалась новыми пришельцами изъ Литвы; это были литовскіе и русскіе князья, державшіеся православія подѣ властью литовскихъ владѣтелей и послѣ уніи 1386 года стремившіеся перейти со своими удѣлами подѣ власть православнаго государя. Всѣ эти пришельцы скоро стали въ опредѣленные отношенія къ старымъ Московскимъ боярамъ и другъ къ другу. Эти отношенія выразились въ обычаяхъ *мѣстничества*. Такъ называется порядокъ служебныхъ отношеній боярскихъ фамилій, сложившійся въ Москвѣ въ XV и XVI вѣкѣ и основанный на «отечествѣ», то есть на унаслѣдованныхъ отъ предковъ отношеніяхъ служилаго лица и рода по службѣ къ другимъ лицамъ и родамъ. Каждый бояринъ, принимая служебное назначеніе, справлялся, не станеть ли онъ въ равноправныя или подчиненныя отношенія къ лицу, менѣе его родовитому по происхожденію, и отказывался отъ такихъ назначеній, какъ отъ безчестящихъ не только его, но и весь его родъ. Такой обычай «мѣстничаться» размѣстилъ мало по малу всѣ Московскіе боярскіе роды въ опредѣленный порядокъ по знатности происхожденія, и на этомъ аристократическомъ основаніи роды *княжескіе*, какъ самые знатные, стали выше другихъ; они занимали высшія должности и являлись главными помощниками и сотрудниками московскихъ государей. Но эти бывшіе удѣльные князья, пришедшіе на службу къ Московскому государю и ставшіе къ нему въ отношенія бояръ, въ большинствѣ сохранили за собою свои удѣльныя земли на частномъ правѣ, какъ боярская вотчина. Переставъ быть самостоятельными владѣльцами своихъ удѣловъ, они оставались въ нихъ простыми вотчинниками-землевладѣльцами, сохраняя иногда въ управленіи землями нѣкоторыя черты своей прежней правительственной власти. Такимъ образомъ ихъ положеніе въ ихъ вотчинахъ поремѣнилось очень мало, они остались въ тѣхъ же суверенныхъ отношеніяхъ къ населенію своихъ вотчинъ, сохраняли свои прежнія понятія и привычки. Дѣлаясь боярами, эти князята приносили въ Москву не боярскія мысли и чувства; дѣлаясь изъ самостоятельныхъ людьми подчиненными, они, понятно, не могли питать хорошихъ чувствъ въ отношеніи Московскаго князя, лишившаго ихъ той самостоятельности. Они не довольствуются положеніемъ прежнихъ бояръ при князѣ, а стараются достигнуть новыхъ правъ, воспользоваться всѣми выгодами своего новаго положенія. Помня свое прежнее происхожденіе, зная что они потомки прежнихъ правителей русской земли, они смотрятъ на себя

и теперь, какъ на «хозяевъ» русской земли, съ тою только разницею, что предъ ихъ правила русской землей по одиночѣ, по частямъ, а они, собравшись въ одномъ мѣстѣ, около Московскаго князя, должны править *все вмѣстѣ всей* землей. Основываясь на этомъ представленіи, они склонны требовать участія въ управленіи страной, требуютъ, чтобы князья Московскіе совѣтовались съ ними о всѣхъ дѣлахъ, грозя въ противномъ случаѣ отъѣздомъ. Но служилые князья не могли отъѣхать, какъ отъѣзжали бояре удѣльныхъ князей, то есть переѣзжали на службу отъ одного удѣльнаго князя къ другому; теперь удѣловъ не было и можно было отъѣхать только въ Литву или въ нѣмцамъ подѣ иновѣрную власть, но и то и другое считалось измѣной русскому государству. Въ концѣ концовъ ихъ положеніе опредѣлилось такъ: допуская мѣстничество, московскіе князья не спорили до поры до времени противъ права совѣта, но старались прекратить отъѣздъ; вмѣстѣ съ тѣмъ самый ходъ историческихъ событій все болѣе и болѣе мѣшалъ отъѣзду, а право совѣта иногда не осуществлялось. Съ царствованія Ивана III-го, имѣнно со времени его брака съ Софьей Боминишной, которую не любили бояре за ея властолюбивыя стремленія, начинаютъ раздаваться жалобы со стороны бояръ, что государь ихъ не слушаетъ. Время Василия III было еще хуже для бояръ въ этомъ отношеніи, еще болѣе увеличивалось ихъ неудовольствіе противъ князя. Выразителемъ боярскаго настроенія можетъ служить Берсень-Беклемишевъ, типичный представитель боярства начала XVI вѣка, человекъ очень умный, очень начитанный. Онъ часто ходилъ къ Максиму Греку и бесѣдовалъ съ нимъ о положеніи дѣлъ на Руси, причѣмъ высказывалъ откровенно свои взгляды. Онъ говоритъ, что все переѣнилось на Руси, какъ «пришла Софья»; что она переставила всѣ порядки, и потому государству стоять не долго; князь Московскій не любитъ, какъ прежде, совѣтоваться съ боярами и рѣшаетъ дѣла «самъ третей у постели», то есть, въ своемъ домашнемъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ двухъ не родовитыхъ людей. Эти рѣчи Беклемишева были обнаружены слѣдствіемъ, и за нихъ ему отрѣзали языкъ.

Такъ въ началѣ XVI вѣка стали другъ противъ друга государь, шедшій къ полновластію, и боярство, которое приняло видъ замкнутой и точно расположенной по степенямъ родовитости аристократіи. Великій князь двигался куда вела его исторія, другой классъ дѣйствовалъ во имя отжившихъ политическихъ формъ и старался какъ бы остановить исторію. Въ этомъ историческомъ процессѣ столкнулись такимъ образомъ двѣ силы, далеко не равныя. За Московскаго государя стоятъ симпатіи всего населенія, весь окладъ государственной жизни, какъ она тогда слагалась. А боярство, не имѣя ни союзниковъ, ни вліянія въ странѣ, представляло собою замкнутый аристократическій кругъ, опиравшійся при своемъ высокомъ служебномъ и общественномъ положеніи лишь на однѣ родословныя преданія и не имѣвшій никакихъ реальныхъ силъ отстаивать свое положеніе и свои притязанія. Однако, не смотря на неравенство силъ, фактъ борьбы Московскаго боярства съ государемъ не сомнѣненъ. Жалобы со стороны бояръ

начались съ Ивана III; при Василиѣ онѣ раздавались сильнѣе, и при обоихъ этихъ князьяхъ мы видимъ опалы и казни бояръ; но съ особенной силой эта борьба разыгралась при *Иоаннѣ Грозномъ*, когда въ крови погибла добрая половина бояръ.

Эта борьба власти съ высшимъ классомъ служить однимъ изъ выраженій тѣхъ роковыхъ противорѣчій, на которыхъ построенъ первоначально Московскій общественный и политическій порядокъ и которыя повели молодое Московское государство къ тяжелому кризису въ царствованіе Грознаго и въ эпоху послѣдующихъ смуть.

